

Лашар Пулариани

издательство интеллект

Антарктида - таинственная
южная земля

Лашар Пулариани

**Антарктида – таинственная
южная земля**

2017

1

ISBN 99928-871-2-5

© Издательство „Интеллект“, 2002

© Лашар Пулариани

Второе издание, 2017

Перевод – Светлана Стилиа и Лашар Пулариани

От первого читателя

Для меня, как одного обыкновенного, рядового читателя, было величайшим удовольствием ознакомление с этой очень интересной работой Лашара Пулариани, в которой он прекрасным языком передает нам реалии Антарктиды, самого недоступного для нас континента и делится с нами самым сокровенным – миром собственной души. За всю историю освоения Антарктиды всего несколько грузинских исследователей побывало там и, конечно, очень интересен опыт каждого из них, так как Антарктида – действительно таинственное место, попасть куда мечтает огромное число людей со всего света, но исполнение этой мечты – удел лишь избранных. Выдержать царящие там условия чрезвычайно сложно, однако люди выносят все трудности и идут даже на огромные жертвы ради осуществления этой удивительной мечты. Путешествие в Антарктиду подобно путешествию в глубину человеческой души, тому путешествию, которое приводит человека к истинной свободе. Осознанная или неосознанная, а часто и несбыточная, мечта каждого из нас – это достижение свободы, такой свободы, при которой нас не подчинит себе никакой режим, никакие общественные нормы и никакая тирания. С этой точки зрения очень интересно проследить ту трансформацию, которую претерпело сознание автора и, наверно, каждого из нас за те тридцать лет, которые прошли после путешествия г-на Лашара. Это было время, когда началось пробуждение нашей духовности, время, заставившее нас перенести много опасных и болезненных процессов, но ведь любое движение к самоутверждению, достижению умения восприятия красоты и своего совершенства на пути к свободе полно препятствий, а истинные ценности недостижимы без преодоления боли и страха. С другой стороны – как говорят китайцы – «разве было бы что-либо интересным, если не было бы опасным» и может быть одной из движущих сил является привлекательность возможности испытать себя в опасных ситуациях при стремлении к великой цели. Путешествие г-на Лашара в Антарктиду и является таким испытанием. Мы видим здесь много опасных, рискованных ситуаций, но видим также необыкновенно красивый мир, право пребывания в котором подарил нам Всевышний лишь на очень короткий срок. И цель нашей земной жизни, наверно, в том, чтобы быть посвященным в благородство человеческих идеалов и, разделяя их, унести в иную жизнь то наилучшее духовное воодушевление, которое приносится лишь свободой и совершенством. Для того, чтобы дойти до Южного полюса, необходимо проявить большую самоотверженность и приложить огромный труд, подобные тем, которые требуются для достижения истинной свободы и совершенства. Наша страна пока еще очень далека от Южного полюса, но, надеюсь, что при чтении этой книги Лашара Пулариани у читателя появится надежда на то, что дойти до него возможно.

Мне хочется пожелать читателю чувство такого же необыкновенного путешествия, которое испытал я, читая эту очень интересную книгу г-на Лашара Пулариани.

Ираклий Какабадзе

Предисловие

Предлагаю читателю второе издание этой книги и честно признаюсь, мне трудно однозначно определить, что же позволило мне дерзнуть спустя столько времени опять предложить ее Вам. Честолюбие? Амбициозность? Конечно же нет! Скорее ощущение того, что сегодня, после восстановления независимости Грузии, вместе с Отечеством, нам всем очень хочется почувствовать себя достойными членами международного сообщества, хочется показать, что ничто общечеловеческое нам не чуждо, что и мы можем быть там, где стоят другие и делать то, что делают другие. Если, читая эти записи, Вы поверите мне или вера в правдивость моих чувств и слов упрочится в Вас, я буду счастлив – значит не зря старался!

В свое время, когда в середине семидесятых годов я вел этот дневник, у меня и мысли не было об его издании, я писал его для себя. Прошло много лет, изменилось время, изменился я, не изменились только мои чувства и записи, которые представлены здесь. Дневниковые записи содержат, в основном, описание экспедиционных будней, субъективные оценки людей, с которыми я общался, и событий, участником которых я был, и, естественно, совершенно не предъявляют претензию на научное обобщение.

С другой стороны, человек потому и человек, что он не может заставить себя превратиться в бездушного робота, механического исполнителя, его разум постоянно воспринимает и анализирует информацию - мы созданы такими. Но дело в том, что форма и характер проявления такой аналитической работы всегда индивидуальны. Мне все время хотелось, когда появится свободное время, засесть и «разложить по полкам» увиденное и пережитое мною в течение жизни. К сожалению не удалось. Лишь однажды, на Кубе, посетила меня «муза» и я попытался передать бумаге мои убеждения, мысли и взгляды. Я подумал, что самой удобной для этого будет форма «интервью», в котором я буду и корреспондентом, и респондентом, задавая себе вопросы, ответы на которые грызли и грызут мою душу. Решив издать дневник, приложил к нему это «интервью», а также мои воспоминания и соображения, которые сформировались у меня позднее, так как посчитал, что с их помощью

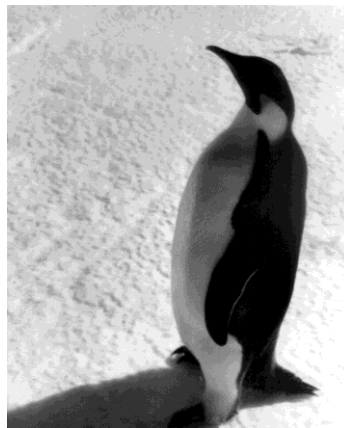
читатель сможет проследить за накоплением во мне той центробежной силы – в период до и после Антарктиды – которая привела меня в сегодня и, возможно, облегчит ему восприятие наших полярных будней.

В такой последовательности я и уложил вначале виденное и пережитое мною, но затем у меня появились сомнения в верности выбора. Ведь даже Создатель все еще не может окончить своих дел по упорядочению мироздания. А если он все уже уложил, то лучше ли этот вариант того, другого, пока не упорядоченного или может быть устроенного по-другому? Обуреваемый такими сомнениями, решил положиться на интуицию и посмотреть, что получится. Тем более, что соображения моего первого читателя, благородного Ираклия Какабадзе, которые я, еще при первом издании книги, воспринял как обобщенные соображения моих молодых читателей, оказались для меня решающими. Поэтому прошу читателей – не удивляйтесь неожиданным, с точки зрения хронологии, вставкам.

Два пингвина

Лашар Пулариани

Императорский пингвин

Антарктида – таинственная южная земля

Антарктида – мертвый, холодный, ледяной континент на крайнем юге Земли, площадь которого 15 млн. кв. км и который в полтора раза превосходит Европу.

И у нас и за рубежом весьма популярна теория, согласно которой в геологическом прошлом Земли континенты Южного полушария: Антарктида, Африка, Южная Америка и Австралия представляли единый материк – Гондвану. Силы, связанные с вращением Земли, раскололи материк, значительная часть его затонула, а остальные отделились друг от друга и заняли сегодняшнее положение. На это указывает геологическое сходство горных массивов этих континентов: Анд в Южной Америке, гор Капи в Африке, Австралийского плоскогорья и наполовину обледенелого горного массива Антарктиды. Одним из признаков этого является и то, что кроме залежей угля и железной руды, в Антарктиде подтверждаются наличие урана,

золота, молибдена, серебра, цинка, титана и графита и все эти полезные ископаемые добываются на соседних континентах. Обнаруженные в горных породах ископаемые животные и растения, позволяют предполагать наличие в ближайшем геологическом прошлом Антарктиды, приблизительно 30-60 млн. лет назад, подходящих для жизни условий.

Согласно теории геологов, исследующих Антарктиду, в тот период земная ось проходила вблизи современного экватора и Антарктида находилась в теплом тропическом поясе. Затем земная ось заняла современное положение, наступил ледниковый период, континент полностью покрылся льдом. На сегодняшний день средняя толщина ледяного покрова Антарктиды достигает приблизительно двух километров, а в центральной части материка превышает четыре километра. Под тяжестью более чем 25 млн. куб. км льда, более 30% каменной массы Антарктиды погрузилось в океан и в результате в некоторых местах лед опирается на каменное основание на глубине двух с половиной километров. Если вся эта масса льда вдруг растает, может погибнуть более половины цивилизации, так как уровень океана поднимется на 60-70 метров. Но это, конечно, только теоретические расчеты и предположения.

Этот огромный ледяной щит, покрывающий континент и аккумулирующий в себе 80% всего запаса пресной воды Земли, от своей приподнятой центральной части постепенно снижается и скатывается к океану, наталкивается на него и почти по всему побережью материка создает барьер высотой в 15-60 метров. Скорость передвижения льда различна и в год составляет от нескольких десятков метров до одного километра. Ледяная масса периодически откалывается от берега и продолжает плыть к северу айсбергами или льдинами, пока не достигает теплых течений и не тает. Существование некоторых огромных айсбергов, длина которых иногда достигает нескольких сотен километров, может продолжаться несколько лет. Во многих местах ледяная масса превращается в шельфовый ледник, продолжая плавание опираясь своим основанием на дно океана. Крупнейшие из них – шельфовые ледники Росса и Ронне-Филхнера, общая площадь которых в семь раз превосходит территорию Грузии. Свободные ото льда скалистые части поверхности, занимают лишь 1% континента (в основном вдоль береговой линии), их здесь называют «оазисами».

В Антарктиде очень суровые для проживания и работы климатические условия и «виноваты» в этом низкие температуры, ураганные ветры, почти абсолютное отсутствие влажности, обратный ход сезонного и суточного хода времени. В глубине континента, недалеко от магнитного полюса и полюса холода, где расположена станция «Восток», зимой температура обычно опускается ниже минус 80⁰С. Здесь в августе 1960 года было зафиксировано минус 88,3⁰С, в июле 1983 года – минус 89,2⁰С, а самую низкую температуру

на поверхности Земли зафиксировали американские исследователи в августе 2010 года – минус 93,2°C.

При такой температуре керосин твердеет, от одного удара топором у железной бочки отваливается дно, а сани можно свободно раскрошить несколькими ударами молотка. В марте, в начале антарктической осени, в ясную солнечную безветренную погоду, когда температура воздуха около минус 50°C, но солнечная радиация настолько сильна, ее отражение от ледяной поверхности настолько велико, а воздух настолько чист и прозрачен, что во время пиления снега при заготовке воды нам становилось так жарко, что мы раздевались. Надо отметить, что в таких условиях черные предметы (в том числе скалистые массивы) нагреваются даже до плюс 40°C.

Обычно в глубине континента не бывает сильных ветров, иногда дует легкий ветер и это сравнительно облегчает условия существования, делая их более сносными. Что же касается прибрежной полосы, то тут не бывает таких суровых морозов – зимой здесь температура держится в пределах минус 30°C, редко падая до минус 40°C, летом же поднимается до 0°C, но зато ветры, берущие начало в глубине континента, у побережья максимально усиливаются и их скорость достигает 50-60, а иногда даже 90 метров в секунду. Такой ветер переворачивает на своем пути 250-ти килограммовые бочки, поднимает и вертит в воздухе тяжелые ящики и коробки, срывает и ломает крылья привязанных самолетов и делает абсолютно невозможным нормальное перемещение по территории базы, двигаться можно лишь ползком. Но это всего лишь полбеда, ветер несет с собой из глубины континента массу снега, плотность и объем которого настолько велики, что в безоблачную солнечную погоду, поднятый ветром всего лишь до высоты 100-150 метров, он абсолютно не пропускает солнечного света. Под действием ветра, кристаллы снега становятся мелкими и плотными как песок и, попадая в глаза, причиняют острую боль. На земле Адели австралийский исследователь Дуглас Моусон подсчитал за год 340 вьюжных дней. Хотя средний показатель этой величины составляет 240-270 дней в году, зимой снежные бури бывают фактически ежедневно. Из-за континентальных ветров и практического отсутствия осадков, на побережье Антарктиды воздух чрезвычайно сух, в результате чего, у работающих здесь людей, резко возрастает потребность в принятии жидкости. Поэтому обычно абсолютно все антарктические экспедиции особенно обильно снабжаются разнообразными минеральными водами и соками.

Невозможно, чтобы у человека не возник вопрос – чем же привлекает Антарктида исследователей разных стран, почему тратят страны такие значительные средства на ее исследования? Во-первых, Антарктида – неотъемлемая часть нашей планеты, поэтому нельзя исключать ее при глобальном изучении географических, геологических и геофизических

процессов Земли. Кроме того, необходимо исследовать влияние холодных воздушных масс Антарктиды на климат отдаленных от нее районов, ледяной покров континента позволяет представить условия древнего обледенения в умеренном поясе и, наконец, Антарктида не менее других материков богата минеральными и ископаемыми ресурсами, промышленное использование которых в будущем не исключено. Программа исследования континента очень обширна и разнообразна. Изучаются изменения и перемещения воздушных масс; толщина ледников, скорость и направление их перемещения; горные породы, их геологический состав; магнитные явления, токи Земли, полярное сияние, распространение радиоволн, землетрясения; обледенение моря, океанические течения и их биология; медико-биологические и психологические наблюдения над полярниками и другое.

Из-за суровых судоходных условий в ее акватории, Антарктида была открыта последней из континентов. Долгое время не приносили успеха попытки многих европейских мореплавателей достичь берегов, расположенной в южных широтах, «южной таинственной земли» («тера аустралиас инкогнита»), и лишь в 1772-75 годах, выдающемуся английскому путешественнику Джеймсу Куку, наконец-то удалось приблизиться к берегам Антарктиды, но преодолеть окружающие континент льды он уже не смог.

Открыть континент удалось лишь спустя 50 лет. Официальной датой открытия Антарктиды считается 28 января 1820 года, когда российская экспедиция под руководством Фаддея Беллинсгаузена и Матвея Лазарева достигла побережья континента, в нескольких местах приблизилась к его ледяному барьеру и обошла Антарктиду кругом.

В 1840-44 годах тоже самое повторила экспедиция английского исследователя Джеймса Росса. Более продуктивными оказались экспедиции того же периода под руководством Дюмон-ДеЮрвиля, Уилкса, Биско и Кемпа. В 1897 году на континенте впервые перезимовала экспедиция под руководством норвежского естествоведа Карстена Борхгревинка.

Период с 1902 по 1912 годы был полон перипетиями борьбы за завоевание южного географического полюса. Экспедиция англичанина Эрнста Шеклтона не дотянула до полюса лишь 180 километров, голод и непереносимая стужа вынудили ее участников срочно вернуться назад. В декабре 1911 года известный норвежский полярный исследователь Руаль Амундсен наконец покорил южный географический полюс и поднял над ним знамя своей страны. Всего на месяц отстал от него замечательный английский исследователь Роберт Скотт, но обратный путь для него и его четырех коллег кончился трагедией – сильный мороз, голод и ураганный ветер лишили смелых путешественников сил и они погибли не дойдя всего лишь 20 миль до своей перевалочной базы. Обнаруженные позже дневники Скотта вопиют о безграничной дружбе, мужестве и самопожертвовании. Значительные и

интересные исследования дальнейшего периода принадлежат выдающимся австралийскому исследователю Дугласу Моусону и американскому адмиралу Ричарду Бэрду.

1957-58 годы были объявлены международными геофизическими годами. На Антарктиде по этой программе начались интересные научные исследования при участии двенадцати стран мира. А в 1959 году на Вашингтонской конференции был заключен первый мирный международный договор, предусматривающий использование Антарктиды только в мирных целях и запрещающий проведение в ее пределах каких-либо военных мероприятий. Договор подписали следующие страны: Австралия, Аргентина, Великобритания, Норвегия, СССР, США, Франция, Чили, ЮАР и Япония.

Советский Союз, на основе широкого международного сотрудничества, внес огромный вклад в вопросы изучения Антарктиды и Южной Океании. Масштабы советских трудов об Антарктиде, техническое и материальное оснащение экспедиций, достигнутые научные результаты заслуживают высокую оценку международных научных кругов. Если большая часть исследований Западной Антарктиды приходилась на Соединенные Штаты, то преимущество Советского Союза в деле изучения Восточной Антарктиды было неоспоримым.

Первая советская научная экспедиция отправилась на Антарктиду в конце 1955 года. Руководил ею выдающийся русский полярник Михаил Сомов, имя которого в дальнейшем было присвоено одному из научных ледоколов.

В январе 1956 года была открыта первая советская научная обсерватория «Мирный». В том же году в 375 километрах от побережья, где открылась первая внутриконтинентальная станция «Пионерская», перезимовали трое бесстрашных полярников под руководством доктора Гусева. После этого ежегодно посылались новые экспедиции, росло число станций, расширялись научные программы, внутриконтинентальные санно-гусеничные маршруты и сфера исследований континента.

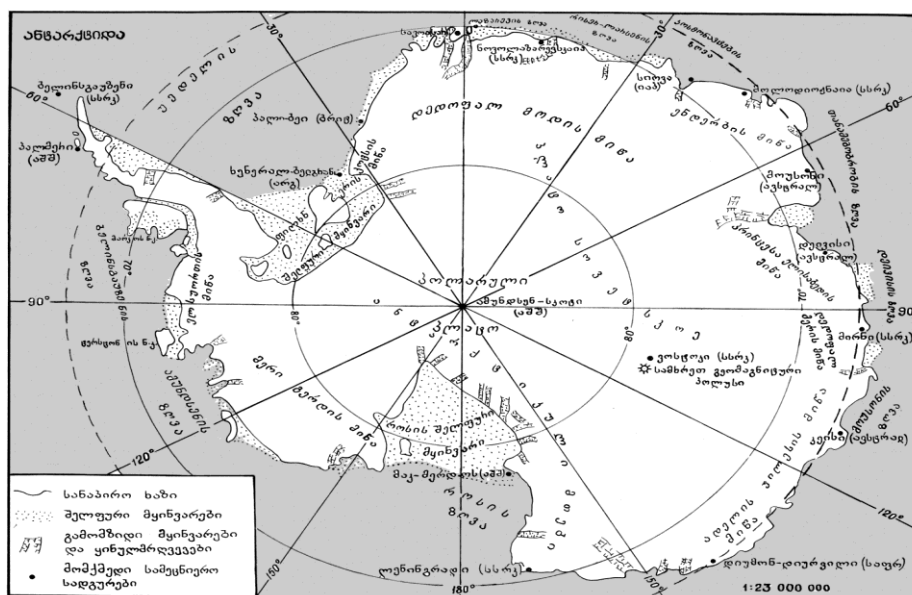
За долгие годы работы на исследовательских станциях «Мирный», «Пионерская», «Комсомольская», «Восток», «Советская», «Полюс Недоступности», «Лазаревская», «Новолазаревская», «Молодежная», «Беллинсгаузен» и «Ленинградская» получены драгоценные данные о природе Антарктиды. Кроме исследований, проводимых на стационарных станциях, проводились походы на научных санно-гусеничных поездах во внутренние районы континента и среди них по таким беспримерным маршрутам как: «Мирный» - Южный полюс – «Мирный», «Мирный» - «Полюс Недоступности» - «Молодежная» и подобный маршрут до «Новолазаревской».

20-я экспедиция под руководством Николая Корнилова, в составе 280 человек, на четырех кораблях и одном танкере отправилась из Ленинграда к Антарктиде в октябре-декабре 1974 года.

Маршрут нашего научного судна «Профессор Визе» проходил по Балтийскому морю, Канарским островам, Атлантическому океану и Австралии. В пути я тесно и очень интересно общался со многими людьми, связанными с нашей экспедицией. Среди них были и два моряка-грузина – первый помощник капитана корабля «Профессор Визе», ленинградец Дмитрий Натадзе и старший моторист научного ледокола-ветерана «Обь» потиец Георгий Миминошвили, который за выдающиеся смелость и смекалку, проявленные во время вынужденного четырехмесячного дрейфа во льдах ледокола «Обь» в 1974 году, получил высокую правительственную награду. Участником нашей экспедиции был, проживающий ныне в Ленинграде, работавший поваром на станции «Новолазаревская» Касрадзе.

В связи с этим не могу не отметить наших замечательных соотечественников, участников предыдущих антарктических экспедиций – географа Гарсевана Курдгелаидзе, который зимовал на станции «Пионерская» в составе 2-й экспедиции и московского геофизика Павла Майсурадзе, который в составе той же экспедиции работал на станции «Восток»; в составе 15-ой экспедиции зимовал и работал на станции «Восток» москвич геофизик Тимур Григорашвили.

Как видим не очень-то многочисленен список грузинских исследователей-зимовщиков Антарктиды. Но, что еще хуже, к сожалению за последние 40 лет ни один наш соотечественник не принимал участия в составе ни одной экспедиции ни одной страны в Антарктиду, туда, где главное не конкуренция (тем более такая агрессивная и безжалостная, как сегодня!), не недостойная людей борьба за самосохранение за счет других, а разумность и трудолюбие!

15 ноября 1974 года

Я на корабле, взявшем курс на Антарктиду. Только отчалили, а меня уже одолевают тревожные мысли – что ждет меня там, как удастся преодолеть ожидаемые трудности, как приспособлюсь к людям, климату, работе? Понял, что оставаться с подобными мыслями наедине не стоит, это не принесет ничего хорошего, поэтому решил часть их передать бумаге, сделать записи – что ни говори, а ведь потом, через много лет, когда придет время подведения итогов и осмысления этого периода жизни они смогут помочь мне.

За месяц до отплытия корабля меня вызвали в Ленинград. Надо было дооформить документы, пройти очередную (уже в который раз!) медицинскую комиссию, сделать прививки, параллельно ходить на работу. Дней за десять до отплытия нас, человек сорок, отправили на работу в колхоз. Помогали колхозникам: таскали с полей мешки со свеклой, а из вагонов – удобрения, дело шло весело, правда с непривычки первые три-четыре дня страшно болели мышцы.

31 октября приехали мои домашние. Мы с Русудан с такой гордостью показывали детям Исакиевский Собор и Эрмитаж, будто они были построены нами. То что мои были рядом доставляло мне огромную радость, но чем ближе подходило время расставания, тем сильнее сжималось сердце. Особенно взбудоражило меня само прощание – было очень холодно, бедные мои дети, не привыкшие к таким жутким холодам, совсем окоченели, когда становилось невмоготу, они забирались в машину и, прижавшись к стеклам, глядели на меня своими огромными глазищами. Глядя на них, я никак не мог отогнать от себя мучительную мысль – не допускаю ли я ошибку? Не является ли эта моя двадцатилетняя мечта просто навязчивой идеей? Тем более знаю, что моим будет очень не просто без меня. Я конечно же счастлив, что все мои родные и близкие, а особенно мама и супруга, правильно поняли меня и очень помогли в осуществлении этой моей мечты. Но ведь теперь я долго ничем не смогу им помочь, а для меня главное, чтобы мама была здорова, а Русудан была молодцом – тяжелую ношу взваливаю ей на плечи...

16 ноября

11 ноября заехали в Таллинн, захватили необходимый груз. 15-го ночью прошли пролив Зунд, слева - Дания, справа – Швеция. Все побережье освещено неоном. В бинокли детально «прочли» Копенгаген.

Вчера начальник экспедиции Николай Корнилов выразил удовлетворение по поводу начала экспедиции, единодушия ее членов, сознательного отношения к делу. Что ни говори, а на судне нас много - более ста пятидесяти членов экспедиции и до ста членов экипажа.

Окончилось Северное море, вечером прошли Па-де-Кале. Побережья Франции и Англии освещены, что для постороннего взгляда представляет

величественное зрелище, хотя расположены они не так близко, как побережье Дании.

Со мной познакомился молодой брюнет, первый помощник капитана Дмитрий Натадзе.

Чувствуется потепление. Пересекли область противостояния холодного и теплого воздуха. Скоро в каюте станет жарко, надо постараться загореть, ведь последующие полтора года кожа не увидит солнца.

23 ноября

Три дня отдыхали в Лас-Пальмесе. Великолепный курорт, купальный сезон длится здесь практически круглый год. На пляжах в основном приезжие отдыхающие: скандинавы, немцы и англичане. Этот сравнительно маленький портовый городок, построенный на одном из Канарских островов, заселен в основном испанцами, но на окраинах и в районе порта преобладают цветные выходцы из южноазиатских стран и чернокожие африканцы. Видно, что город существует за счет туризма. В городе много новых оригинальных строений, наподобие Тбилиси, где, на месте разрушившихся в старых районах безликих построек, строят индивидуально-спроектированные красивые дома.

Острова имеют вулканическое происхождение, я видел даже кратер потухшего вулкана. Интересен дом-музей Христофора Колумба. Улицы в городе узкие, но симметричные, движение на всех улицах одностороннее. Машин огромное множество, все различных марок, но преобладают «Фиат»-ы. Водители настолько вежливы, что обязательно уступают дорогу пешеходам. Местные жители очень красивы и энергичны, некоторые женщины просто очаровательны, их легко отличишь от приезжих туристок. Черты лица у них правильные, а гибкостью и грацией они похожи на нас.

Бесчисленные магазины, лавки, рестораны, кафе, бары, рекламы – одним словом первый ярус центра города занимают подобные заведения. Такое впечатление, будто весь город торгует и больше ничего не делает. Торгуют всем начиная с самолетов и кончая жевательной резинкой. Товар в основном американский, японский, немецкий, испанский и советский (советские в основном фото и киноаппаратура и часы).

Все дети красивы, одеты в основном в школьную форму. Выходящая на улицу дверь одной из школ была открыта и я в нее заглянул – двадцать-двадцать пять, скорее всего первоклассников, вытянув свои тоненькие шейки, внимательно слушали учителя. Ситуация была настолько теплая и необычайно приятная, что я, прислонившись к дверному косяку, готов был простоять так весь урок. Там же, совсем близко, публичный дом, но это никого не волнует, все живут своей жизнью.

Спросил одного десяти-одиннадцатилетнего мальчугана – Ты почему не в школе? – Он четыре класса уже окончил, с него хватит, теперь он должен делать деньги – ответил вместо него хозяин лавки. Но мне кажется, что такие случаи здесь большая редкость.

Море сравнительно прохладное, песок – мелкий и приятный, пляжи – благоустроенные. В отличии от нас, где на побережья жизнь бурлит от многолюдья, здесь не так. По натуре спокойные, дисциплинированные североευропейцы тихо, как рыбы, уложены на деревянных лежаках, монотонность ситуации изредка нарушается скрипом лежака при смене прогретого солнцем бока или писклявым голоском испанского мальчугана, продающего кофе и мороженое.

Сейчас здесь зима и температура плюс 24-26°C – говорят в этом году зима холодная!

Вчера вечером отплыли. Через шесть дней будет экватор.

29 ноября

Развлекаемся и спонтанно и организованно – началось первенство между девятью командами по настольному теннису и волейболу (с привязанным веревкой мячом), смотрим кинофильмы. Беседы со всеми приятны и интересны, каждому есть, что рассказать.

План исследовательских наблюдений ведется умеренно, хотя работаем по облегченному графику с 11 часов вечера до 3 часов. Аэрологи оказались хорошими ребятами с чувством юмора. Вообще-то, если в плавании на корабле оказывается человек без юмора, ему очень тяжело, он легко превращается в объект насмешек. Прошлой ночью в 4 часа 17 минут пересекли экватор, именно в этот момент четверо «стариков» (которые уже по несколько раз пересекали экватор), сильно раскачав, бросили меня в центр бассейна, таким образом я уже «крещенный». Затем мы, девять ребят, конечно неофициально, крепко отметили это событие.

Сегодня с утра у всех праздничное настроение, после обеда много народа собралось на корме около бассейна, Нептун принял подношение капитана и милостиво позволил кораблю пересечь экватор. Затем в бассейн первыми полетели новички экипажа, а за ними перед Нептуном предстали молодые члены экспедиции по порядку станций: «Молодежная», «Мирный», «Восток», «Новолазаревская», «Беллинсгаузен» и «Ленинградская». Глава каждой станции в стихах выпрашивал разрешения для своих людей на переход в южное полушарие. В ответ на это, поразительно разукрашенные и разодетые десять-пятнадцать «чертей» из свиты Нептуна, с веселыми плясками и гиканьем, хватали очередного новичка, обязательно вымазывали его, ставили

ему на ягодицу довольно крупную печать и, поддав под зад, кидали в бассейн – и человек был крещен.

Мой случай осложнился тем, что я, оказывается, несмотря на мой отказ, был все же причислен к свите Нептуна на должность цирюльника, а, не будучи в курсе дела, соответственно облаченный, выступал в капелле ученых. О, это была великолепная капелла! Мы пели три или четыре куплета, но бог знает какими голосами и в какой тональности. Одним словом, это было великое сборище вокальных бездарей, хотя выражены мы были довольно красиво. Ну вот, когда я отказался от оказанной мне чести, предложенной первой «должности», Нептун пригрозил – а тебя я буду истязать особо.

Мы спели и нас скинули в бассейн, вылезли с противоположного края, где нас, как и всех угостили кружкой разбавленного вина (иначе сколько бы вина понадобилось для всех 250 человек!). Затем были всеобщие танцы и кривлянья и особое «крещение» по воле Нептуна. Сыпались в бассейн люди одетые и раздетые. Я держу киноаппарат и выбираю для съемок место получше, в это время Нептун объявляет мою фамилию. И, о ужас, за мной кидаются все пятнадцать «чертей». Что было сил бросился я бежать и спрятался в каюте, но ее открыли капитанским ключом, вытащили меня, вытолкнули на сцену и, конечно же, в знак покорности, силой поставили на колени перед Нептуном. Потом, несмотря на мое самоотверженное сопротивление, повалили и вымазали грязью и красками, правда я очень старался, чтобы с меня не стянули штаны, удалось, затем раскачали и бросили в бассейн.

Вечером за ужином нам всем «крещеным» выдали по бутылке вина и вручили, похожие на водительские права, свидетельства на право пересечения экватора.

4 декабря

В четыре часа вернулся в каюту, Володя и Саша уже спят. Запустили радиозонд, я напечатал полученные данные на телетайпе, но, несмотря на то, что делал я это уже второй раз, ошибки все же, вероятно, были – вычислительная машина не приняла. Потом мы шестером их исправляли: два программиста и четыре аэролога. Много смеялись: «Ты, видно, по-грузински напечатал и русская машина не понимает!». Высота радиозонда была 34 километра. Отнес телеграмму радистам, оттуда заглянул к гидрологам. Дежурил Юрий Шахов, он долго объяснял мне устройство эхолота и других приборов.

Сегодня окончилось первенство по волейболу, мы заняли почетное третье место из девяти. Сегодня же началось первенство по настольному теннису. Несколько ребят играют очень хорошо, просто прекрасно.

Первого у нашего корабля был семилетний юбилей и мы все собрались на вертолетной площадке. Капитан зачитал приказ и объявил экипажу благодарность за хорошую работу. От имени экспедиции Корнилов преподнес барельеф с изображением нашего судна. На красивом грузинском кувшине Сережа Васильев сделал надпись: «1/XII. Гидрометеорологическая служба Грузии» и вчера в кабинете я передал его капитану, он тепло отблагодарил за столь приятный сувенир.

Позавчера прошли мимо острова Вознесения, это гористый остров и хотя окрестности были окутаны туманом, почти восьмисотметровые горы были хорошо видны, остров имеет вулканическое происхождение, содержит в основном скалистые породы, кроме одной самой высокой горы (бывшего кратера), покрытой лесом.

Завтра мы с врачом станции «Восток», Сергеем Ивановым, запишем на магнитофон беседу о медико-биологической программе и ее задачах, нас ждет очень интересная работа.

7 декабря

Сегодня Корнилов почти окончательно отказал мне в участии в научной экспедиции, так как из 19-ой экспедиции на новый сезон никого из наших коллег не оставляют, нам придется одновременно делать монтаж нового радиолокатора и работать на старом, и он боится, что ему не хватит людей. Поваром экспедиции собираются, например, отправить врача. Работал ли я гляциологом, спрашивает он меня. Ответил, что два года работал гляциологом на Гергетском леднике и много раз проводил планировку снега. Он что-то колеблется, похоже надежду пока терять не стоит. Все определится уже на месте.

Прошли 45-ую параллель южной широты, днем все еще было тепло, но ночью температура упала до 5⁰С. Кончаются теплые денечки. Собираюсь отпустить бороду.

17 декабря

Уже третий день почти не сдвигаемся с места – ледокол «Обь» не может справиться с замерзшим морем, а до «Молодежной» осталось всего 215 километров.

Ледокол вышел из Ленинграда за двадцать дней до нас, мы должны были встретиться на 55-ой параллели. Так и вышло, он дал возможность зимовщикам отдохнуть три дня в Рио-де-Жанейро, потом зашел на Антарктический полуостров, на станцию «Беллинсгаузен», высадил тамошних зимовщиков, оставил им груз и присоединился к нам. Теперь с помощью ледокола, мы должны дойти до станции «Молодежная», груз, предназначенный для станций «Мирный», «Молодежная» и

«Новолазаревская», перегрузим с обоих кораблей на берег, люди этих станций сойдут с кораблей, мы и люди «Ленинградской» перейдем на «Обь» и продолжим путь к «Мирному», что, предположительно, займет дней двенадцать. Затем «Обь» зайдет на «Ленинградскую», заменит зимовщиков, вернется к нам, заберет часть старых зимовщиков и сезонных работников, пройдет на «Молодежную» и возьмет курс домой. А до тех пор наш корабль «Профессор Визе», освобожденный от нас, зайдет в Австралию (наверно к Новому году), приобретет необходимые продукты, прибудет к нам на «Молодежную» и с частью старых зимовщиков вернется назад. Третий корабль «Профессор Зубов» - уже зашел на «Беллинсгаузен», привез туда людей, в течение двух месяцев будет в проливе Дрейка выполнять работы, предусмотренные международной программой «Тропекс», вернется на «Беллинсгаузен» и, забрав старых зимовщиков, возьмет курс домой. Из Ленинграда к концу года на Антарктиду возьмет курс пассажирский корабль «Ванкарен». Кроме этого, из Одессы выйдет танкер, который привезет на наши станции топливо, оставшаяся часть зимовщиков приплывет на нем. Письма из дома получим этими кораблями, и до 1976 года другого способа получить письма больше не будет.

Все это, так сказать, планы, оптимально (но не максимально) предполагаемые, но планы даже в нормальных домашних условиях не всегда исполнимы, что же будет здесь!?

57-ая параллель началась со встреч с одиноко плавающими жалкими обломками льдин, затем постепенно их размеры начали увеличиваться, появились и айсберги. Плывущий впереди ледокол «Обь» уверенно и успешно крушил ледяное поле. Я видел подобное зрелище впервые и разум с неутолимимым удовольствием воспринимал непривычные для меня картины – отдыхающие на крупных и средних льдинах группы морских львов не обращали на нас абсолютно никакого внимания, некоторые плескались в воде, кувыркались, а влюбленные, высоко задрав головы, ласкали друг друга; пингвины, любопытством уступающие лишь человеку существа, выстроившись и вытянувшись по стойке «смирно», провожали нас так, словно принимали морской парад. Они были породы Адели, размером небольшие, движутся очень потешно, в общем, так здорово я не веселился с тех пор, как уехал из дома.

Затем толщина льда увеличилась и продвижение нашего корабля замедлилось настолько, что один маленький пингвин сопровождал нас в течение четырех-пяти часов, то смешно подпрыгивая, то скользя на животе. Устав, он переходил на аристократическую поступь, свистнем ему и он нас догоняет. Видимо он был слишком любопытен, ведь пингвины, обычно, передвигаются парами или группами, а он был один. У меня от свиста губы заболели.

Уже третий день «Обь» ведет себя подобно сумасшедшему, бьющемуся головой о стену: разгонится, врежется в толщу льда, расколет несколько метров, отплывет назад и опять... Вскоре у ледокола кончился запас топлива, мы ему перелили, теперь стоим бок о бок, по льду проложили доски и ходим в гости друг к другу.

В паре километров по правому борту виден красивейший трехконечный айсберг: если напрячь воображение, долго всматриваясь в него, можно увидеть, похожую на, открывающуюся с борта самолета в облачную погоду, картину снежных вершин Кавказского хребта.

Люди, куда бы они не шли, обязательно приносят с собой не только идеи, но и грязь. Ребята посоветовали заглянуть за борт – остатки еды, бутылки, обрывки бумаги, что только не валяется вокруг корабля!

Сегодня семнадцатилетие со дня открытия станции «Восток». Начальники экспедиции и станции «Восток» устроили праздничный прием. Среди нас много зимовщиков-ветеранов «Востока», вспоминали много приятных и интересных историй, радости и трудности, выпавшие на их долю.

Сегодня начальство совещается, как быть дальше. Дело в том, что связаться с «Молодежной» по воздуху не удастся, так как у летчиков на наших кораблях в наличии лишь два разобранных самолета, а исправные самолеты и вертолеты на «Молодежной» не имеют пилотов. И поблизости, к сожалению, нет подходящих крупных айсбергов, чтобы перенести и собрать на них самолеты.

20 декабря

Последние два дня, впереди «Обь», а за ней – мы, ползем, как черепахи. В час делаем 3-4 узла, больше не получается. «Обь» - дизель-ледокол и обладает большей маневренностью, чем мы, ходит зиг-загами, ищет во льдах слабые места, нам же труднее, можем двигаться только вперед и назад.

Вчера утром с четырех до восьми часов находился на палубе, не спалось. «Обь» обнаружила канал в льдинах и сравнительно быстро двинулась вперед. Все обрадовались – скоро пристанем к берегу... Потом выяснилось, что сделали большой круг и вернулись на старое место. Вчера вечером «Обь» обнаружила сравнительно ровное ледяное поле, спустили разобранный «АН-2» - красавец самолет. За дело взялась дружная группа авиаторов (человек двенадцать), за пять-шесть часов собрали и подняли в воздух самолет. Так что наш летчик вчера и сегодня прокладывает нам путь во льдах. Устанет, полетит на «Молодежную», отдохнет и опять... Последние 50 километров оказались самыми трудными. Начали экономить воду – дважды в день лишь по часу идет из крана.

Настроение у зимовщиков отличное. Сегодня перед кораблем, на свободном ото льда пространстве, появилась группа акул, за две-три минуты по правому

борту собрались все 150 зимовщиков и, пока акульки плавники не исчезли за льдинами, слышалось нескончаемое жужжание и щелканье киноаппаратуры и фотоаппаратов.

Хорошее настроение мы чаще создаем себе сами. Исключены в отношениях всякая грубость, властность, выпячивание себя, нытье. Может быть в ком-то из нас и есть эти начала, но существующая атмосфера исключает возможность их проявления. В принципе же наши люди строго проверены абсолютно во всех отношениях и физически, и психологически, начиная с зубов и кончая барокамерой. Помню в Ленинграде терапевт из комиссии привязался ко мне – У тебя явно есть трещина в черепе, необходимо сделать снимок. Честно говоря, я немножко засомневался: может действительно трещина и мозги уже просачиваются, и он вероятно как врач это заметил. Правда все закончилось благополучно. Действительно, у всех нас есть свои слабые точки, но мы стараемся не переступать допустимой границы – смеемся, шутим, подшучиваем друг над другом, но не для того, чтобы обидеть или унижить кого-то.

В лаборатории у Коли Яковлева висела карта Антарктиды с нанесенным на ней маршрутом нашего судна. Попросил и он мне ее отдал. Потом, в течение четырех дней, я всюду носил ее с собой и просил всех оставить на ней свой автограф. Почти все двести пятьдесят человек с удовольствием ответили на мою просьбу. Подобное я делал впервые в моей жизни и вначале немного боялся не оказаться со своей просьбой в неловком положении, но нет! Большинство с удовольствием расписывались, некоторые даже выбирали для подписи на карте место своей будущей зимовки. Коля Фишев и Геннадий Жирков дали мне автографы подобно кинозвездам – не задумываясь и не выбирая места, быстрым, красивым росчерком, с соответствующими комментариями. Старший помощник капитана корабля вначале заартачился, но затем, догадавшись, что в этом не было никакого подвоха, переиначил свой отказ: Не лучше ли, когда вернемся из Австралии? Я отошел, он остановил меня и расписался, хотя мне это уже и не нужно было. Гарри Слесаренко, мой коллега, немного странный и очень добрый человек, холодно отказал мне – Не думай, что моя подпись равнозначна другим, я распишусь в конце года в «Мирном», в праздничной обстановке, но имей при этом поллитровку!

Все пока хорошо, но думаю с течением времени наш характер, в результате тяжелых условий жизни и работы, однообразия обстановки, отсутствия нормальной информации из дома и других обстоятельств, начнет изменяться. Интересны будут регулярные наблюдения за процессом нашей трансформации.

22 декабря

Сегодня в кают-компании встретил Фрэнка Стэлсарта и вспомнил, что не взял у него автографа. Пригласил его в свою каюту и попросил расписаться на

карте по-английски и по-русски. Это спокойный, вежливый американец сорока-сорока пяти лет, говорят он хороший специалист своего дела, работает по вопросам физики атмосферы.

Вчера приблизились к берегу на расстояние тридцати-тридцати пяти километров. Толщина льда большая, ледокол уже не справляется. Утром все спустились на лед и дружно навалились на огороженную флажками взлетно-посадочную полосу и приблизительно за два-три часа разравнили ледяные торосы, сняли с корабля и собрали второй самолет. Потом оба самолета утюжили и трамбовали взлетно-посадочную полосу: когда самолет дорюливал до конца полосы, все сидящие в нем десять-двенадцать человек быстро соскакивали с него и повисали на нужном крыле, дав максимальный газ, самолет разворачивался на месте, люди опять заскакивали в него и все многократно повторялось с начала. Затем с корабля сняли трактор и он стал прокладывать путь между кораблями. Разгоряченные работой, вскоре большинство из нас работали обнаженными. В самый разгар работы нас посетили пингвины, приблизительно сто особей, но ближе, чем на один метр к себе не подпускали. Попытаешься приблизиться к пингвину – убегает, остановишься – остановится и оцепенело смотрит. Человека они абсолютно не боятся. Рядом ребята окружили и поймали одного пингвина, он поднял такой панический крик, что его срочно отпустили. Только его отпустили, так он, вместо того, чтобы убежать, развернулся и остановился. Это были пингвины Адели, потом подошел один «император», он значительно крупнее, более серьезный и медлительный. И близко к себе подпускает, до прикосновения стоит не шевелясь, но как только дотронешься подпрыгивает и разворачивается к тебе.

Наконец самолеты начали перевозить людей и грузы на «Молодежную». Они могут за один рейс перевезти до десяти человек или до одной тонны груза. Сегодня же из «Молодежной» прилетел и вертолет, он тоже сделал несколько рейсов.

23 декабря

От вчерашней «бакурианской» погоды не осталось ни капельки – опустился туман, подул ветер. Очень жалею, что вчера не все успел заснять. Вечером на ужине нас было мало – мы, люди «Востока» и «Ленинградской». Сто человек попрощались с нами почти на один год, за эти сорок два дня ко многим из них я очень привязался, грустно было с ними расставаться. Ваня Иванов и Толя Ефимов, которых знал еще по курсам, инженеры вычислительных машин Юра Дорофеев и Коля Новиков, специалист локации спутников Паша Новиков, заместитель директора института «Гидрометприбор» Саша Соснин, программист Геннадий Артемьев, начальник аэрометеорологической группы Владимир Белов, врачи Леонид Лапшин, Володя Фотиев и Виктор Дьячков, начальник радистов Борис Чернов, радиоинженер Коля Карпов, симпатичный

радист в очках Вадим Тефтелевский и, конечно же, начальник экспедиции, деловой и, по его мнению, строгий Николай Корнилов – прекрасные ребята.

Через два-три дня зимовщиков 19-ой экспедиции переправят на наш корабль. Они, наверно, с трепетом ждут этого часа, не могут дождаться момента, когда вернутся домой. А мы завтра перенесем груз и переселимся на «Обь», нас уже распределили по каютам. А затем также, как вошли во льды, тем же путем отплывем – «Профессор Визе» в Австралию, мы же к «Мирному».

25 декабря

Вчера летал вертолетом на «Молодежную», за сорок-сорок пять минут покрыли расстояние до восьмидесяти километров. Это маленький городок – около тридцати, стоящих на металлических столбах, алюминиевых и пластмассовых домов, здесь есть все кроме асфальта и женщин. На металлических столбах для того, чтобы во время ураганных ветров их не заносило снегом. Каждая служба расположена в отдельном строении: аэрологи, метеорологи, гидрологи, радисты, магнитологи, спутниковый локатор, большое хозяйство запуска ракет, вычислительная машина, астрономы, геологи, баня, теплоэлектростанция, столовая и клуб, аэродром с шестью самолетами, вездеходы и тракторы. Сто семь зимовщиков живут в рабочих или жилых строениях, в основном в благоустроенных комнатах. Два строения особенно поразили меня своим комфортом и чистотой. Строители не пожалели ни денег, ни усердия. Строения большие и светлые, в ящиках, установленных около шести больших окон, настоящий огород с огурцами и помидорами, вдоль окон, по протянутым к потолку веревкам, вьются растения. В этом году получили два урожая, 25 килограммов, и немного свежих огурцов и помидоров ежедневно красовалось на столах зимовщиков. В помещении хороший ремонт и идеальная чистота, старый зимовщик обучал новичка правильно опылять растения.

Половину одного строения занимает прачечная, во второй – баня, настоящая русская баня со своим очагом, горячими камнями, паром, креслами, зеркалами, шлепанцами, прохладными комнатами, такая, которой могут позавидовать многие, даже крупные, города.

Затем включили локатор, посмотрели, как устроились наши ребята и только собрались в столовую, видим народ собрался и внимательно смотрит в небо: оказывается у «Ил-14»-го переломилась правая передняя лыжа и он уже два часа кружит над нами и ожидает, когда около посадочной полосы соберутся врачи, пожарная и другие вспомогательные спасательные средства. Потом он слил до последней капли топливо и сел, но садился очень интересно, поэтапно: сначала несколько раз слегка косался полосы левой лыжей и приподнимался, так он сбросил скорость до допустимой величины и только потом коснулся полосы уже и поломанной лыжей, в результате самолет окутался таким маревом, что несколько минут ничего не было видно. Все

собравшиеся, решили, что находившиеся в самолете – начальник экспедиции Корнилов, капитан «Оби» Волков, два гидролога, синоптик и экипаж – погибли. Потом показался, врезавшийся в снег носом и одним крылом, самолет. Пока мы добежали до него, все семеро уже сами спустились вниз немного побледневшие, но невредимые. Оказывается перед самой посадкой все, кроме летчиков, улеглись крепко обнявшись на пол в хвосте самолета, не сомневаюсь в смелости каждого из них, но сказанное ими - Ничего особенного не произошло – мне показалось скорее шоковым выражением послепосадочного удовлетворения, а летчики действительно прекрасные специалисты, я их знаю – отличные ребята!

27 декабря

Вчера вторично слетал на «Молодежную» и сегодня в полдень вернулся. Ночью остался у старого знакомого, вспомнили столько интересных историй, что не заметили, как пролетела ночь. А знаете, что это здесь значит? Это когда солнце уйдет из одного окна и заглянет в противоположное!

Место поселения выбрано очень удачно, строения стоят на скальном обнажении, с севера высится почти пятидесятиметровый горный хребет, граничащий, с движущимися льдами «покрывающими» весь континент, которые откалываются от сплошной массы и в виде айсбергов сползают в море. Благодаря хребту, этот лед обходит поселок справа и слева, как бы обтекая его. На юге склон снижается к морю и где-то, приблизительно в одном-двух километрах, начинается белая равнина, не разберешь где побережье, а где замерзшее море. За хребтом равнина тянется до посадочной полосы. Высокие скалистые места удобны для установки на них локатора и антенн. В отличие от остальных станций, на «Молодежной» нет проблемы с питьевой водой, здесь обнаружено удобное пресное озеро, покрытое толстым слоем льда, однако настолько глубокое, что вода в нем до дна не промерзает, пробурили лед, опустили вовнутрь трубу и качают столько воды, сколько необходимо для нужд станции.

На шесть часов был назначен старт метеорологической ракеты. Около пятидесяти любопытных, в основном кино и фотолюбителей, поднялись на гору. «... Четыре, три, два, один» и ... она взлетела так стремительно, не думаю, чтобы на моей пленке что-либо зафиксировалось. Ракета трехступенчатая, сравнительно небольшая, но поднимается на высоту ста двадцати километров, затем раскрывается парашют и измерительное устройство, при помощи специальных миниатюрных передатчиков, с определенным интервалом передает на локатор данные по температуре воздуха, давлению, влажности, направлению и скорости ветра, солнечной радиации, составу озона и другим параметрам.

Затем под гром аплодисментов, на митинге перед столовой, начальник 19-ой экспедиции Игнатов произнес торжественную речь и спустил знамя

экспедиции – зимовка официально закончилась. Начальник нашей экспедиции Корнилов зачитал ответную речь и поднял знамя 20-ой экспедиции – зимовка официально началась.

Как только прилетел из «Молодежной», тут же отправился на «Обь». В каюте нас четверо – аэрологи Комаров, Слесаренко, Марьинский и я, здесь не то, что на «Визе», комфорта поменьше, зато старый ледокол пропитан духом Антарктики. И вода у нас есть, и люди более приземленные, умудренные и опытные. Стены салонов и столовой украшены огромным числом разнообразных сувениров, между прочим есть здесь и чеканный портрет «моряка» Отара Коберидзе, на севере, во время съемок кинофильма «Красная палатка», он, оказывается, плавал на этом корабле, который сейчас похож на интересный музей. Жаль только, что на будущий год его собираются списать и вместо него сюда в будущем будет плавать более комфортабельный и мощный ледокол.

2 января 1975 года

Встречу Нового года провели точно в соответствии с намеченным планом, в настоящем, откровенно русском, духе. Были большие приготовления, затем – концерт, Дед Мороз со Снегурочкой, тосты, подарки, викторина, лотерея, поздравления, телеграммы, шампанское на брудершафт и конечно же танцы с официантками и уборщицами (185 мужчин и 9 женщин!). Окончание праздника я пропустил, так как ... уснул в кресле, потом меня разбудил Жора Миминошвили (симпатичный моряк средних лет) и мы еще долго сидели у него в каюте, пили коньяк и многое вспоминали.

4 января

Четвертый день стоим на месте. Тронувшись 29-го, мы два дня двигались для здешних условий нормально – в день проходили по двадцать-двадцать пять километров, в чистой воде корабль обычно проходит это расстояние меньше, чем за час. В поисках слабых мест во льдах более чем метровой толщины, ледоколу двигаться быстрее не удастся. Несмотря на воздушную разведку состояния льдов, все же через два дня мы жестко застряли – с 31-го декабря по сегодняшний день не продвинулись вперед даже на сто метров. «Визе» скован льдами, ходим вокруг него, обламываем уже обломанный лед, чтобы он окончательно не вмерз в него. Машины работают бесперебойно, корабль постоянно движется вперед-назад, мы похожи на мух, бьющихся об оконное стекло, а ведь до чистой воды всего лишь около пятидесяти километров. У нас хотя бы вода все еще идет, а на «Визе» завтра кончится. Там перегонный куб для воды работает только на больших скоростях. Пока мы стояли у берега, весь состав судна ведрами таскал снег, но на сколько же его могло хватить? Сейчас главное, чтобы поднялся ветер и немножко поразбросал лед, а ведь стоит теплая, солнечная погода, в полдень температура поднимается почти до 10°C.

Наша каюта расположена на корме корабля и из-за перегрузок, здесь такой шум и вибрация, как в самолете перед стартом, но мы уже привыкли, не реагируем. Как сообщают, в районе «Мирного» толщина прибрежного льда не превышает сорока сантиметров, а такой лед ледокол проходит свободно. Продолжительность дня потихоньку уменьшается. 15 января экспедиция должна выйти из «Мирного» в сторону станции «Восток-1». Удастся ли нам дойти к этому времени? С этой точки зрения перенос центра из «Мирного» в «Молодежную» не оправдан. Это мнение опытных людей. Льды здесь намного неприступнее, чем в том районе.

7 января

Сегодня утром вырвались из ледяного плена – идем на северо-запад. Еще вчера перспектива этого практически была равна нулю. Дрейф льдов переместил наши корабли в противоположную юго-восточную сторону, нас отнесло на восемнадцать километров от старого места. Самолеты часами разведывали для нас маршрут, а мы слушали их переговоры. Экипаж самолета просил капитана «Оби» как-нибудь продвинуться вперед на три-четыре корпуса, чтобы попасть в довольно широкую прогалину, пройти по ней немного, а через пять-шесть километров льды слабые, растресканные и до чистой воды больше преград не будет. И действительно, благодаря непрерывной суточной работе мы прошли это расстояние и попали в относительно слабые льды. Ранним утром в коридорах поднялась кутерьма, оказывается с капитанского мостика показалась чистая вода, все высыпали на палубу. Очень красиво смотрелась граница раздела льдов и чистой воды. Надо льдами небо было чистое, а над морем собрались тяжелые тучи. Сначала на белом фоне был виден черный горизонт, потом черный постепенно превратился в синий и занял большее пространство. Если до сих пор льды были абсолютно неподвижны, то теперь под действием морского волнения на протяжении нескольких километров их движение постепенно стало приобретать смелость и, наконец, вся эта гигантская масса начала двигаться в ритме движения морских волн. Смотришь и удивляешься – какой же энергией обладает Земля!?

Граница раздела льдов и воды необыкновенно красива, смотреть на нее надо глазами художника – сплошные квадраты, ромбы, эллипсы, многоугольники льда постепенно уменьшаются, у границы раздела расстояния между ними уже соизмеримы с их собственными размерами. Вплоть до горизонта глазу открываются переходящие один в другой светлые и темные цвета, абсолютная гармония цвета. Потом расстояния между ними увеличиваются и картина начинает меняться на противоположную, теперь куски льда встречаются уже все реже, и реже и в конце почти исчезают. И на этом фоне по обеим сторонам от границы раздела пропорционально располагаются огромные айсберги.

Увидев чистую воду, неблагодарный «Визе» тут же прибавил скорость и кинулся к Австралии. Мы ощутили его скорость в восемнадцать узлов только тогда, когда он пролетел мимо наших двенадцати.

10 января

Сегодня я записал начальника станции «Восток» Владимира Овсянникова на магнитофон. У меня уже есть записи Короткевича, Самушкина, Иванова. Завтра мне предстоит беседа с кинооператором, с нами путешествует киногруппа Московской научной киностудии. У меня много дел, через три дня должны быть в «Мирном», а до того мой симпатичный старичок, Виктор Ткачев, пообещал – Я тебе расскажу много интересного. Он первый помощник капитана, плавает в Антарктиду с первого же рейса, живая летопись. Особый шик придают ему теплый тембр голоса, джентльменство, едва грубоватые манеры моряка, постоянно торчащий в зубах погасший «Беломор».

11 января

Вообще-то у меня привычка засыпать поздно, но вчера бессонница продлилась до шести часов утра, а потом я никак не мог проснуться до четырех часов дня. Еле успел к чаю, да и ужин плохо поел. Было такое ощущение, будто еще только утро и организм пока не требует пищи. Потом призадумался и понял, что причиной стало смещение времени – из-за трехдневного движения корабля на восток, время сдвинулось вперед на четыре часа, а организм пока не успел приспособиться к такому изменению времени. Если на часах был полдень, для моего организма пока было утро. Почитаю еще пару часов, утомлю организм и надеюсь потом засну, тем более, что с Ткачевым мы выпили по две чашки крепкого бразильского кофе. Был вечером у него в гостях, он рассказал мне много интересных историй – я все записал. Он влюблен в свой корабль, ведь «Обь» действительно имеет великую историю. Сам Ткачев помощник капитана с самого первого дня, принимал участие почти во всех (за исключением трех) его рейсах. Сменил четырех капитанов, был очевидцем и участником бесчисленных историй: первого посещения Антарктиды; первой научной кругосветной экспедиции; открытия почти всех станций; многих научных и других открытий; посещения разных стран; встреч с интересными людьми. В этом году врачи, не сумев придаться к состоянию его здоровья, сослались на возраст, шестьдесят лет, еле вывернулся из этой ситуации. С сожалением говорит, что это, наверно, его последний нормальный рейс, с будущего года придется ходить в обыкновенные рейсы в теплые страны. В прошлом году, когда «Обь» застряла во льдах, на него навалилось очень много дел: психика людей стала перерождаться, непривычные трудности и неопределенное будущее морально ослабляли экипаж, делали его пассивным, необходимо было срочно принимать решительные меры, брать на себя ответственность. Правда все кончилось хорошо. После полугодового плена, дрейфующие льды освободили «Обь».

Зато Ткачева, за эту и старые заслуги, наградили орденом. Кстати, вместе с ним правительственную награду получил и наш Миминошвили. Здесь, оказывается, Жору любят и уважают все, когда спросил за что, Ткачев ответил – За тринадцать лет работы на «Оби» он много добра посеял.

В столовой за столом напротив меня сидит микробиолог. Вечером за ужином много и интересно рассказывает о своей специальности, потом с грустью и какими-то извинениями отмечает, что в Грузии, микробиология развита не так, как подобает – Вы ощутимо отстаете от армян, узбеков, латвийцев и таджиков, не говоря уже о Москве, Украине и Ленинграде. Честно говоря, я не посмел спорить с ним из-за своей некомпетентности в этом вопросе, да и внести сомнения в его объективность тоже не имел права, так как он уже многие годы работает в Московском микробиологическом институте, одно время даже был его научным секретарем и конечно же был в курсе координации всех работ.

15 января

Двухмесячное путешествие окончено – приплыли в «Мирный». Эта обсерватория существует двадцать лет, она приблизительно такая, какой я ее себе представлял. Мы здесь уже третий день. Внешне ситуация абсолютно хаотичная – вместо пятидесяти человек, нас втрое больше, сейчас здесь кроме нас и старые, и сезонные работники, а также старые и новые люди «Востока». На основном месте сбора – в столовой, все смешиваемся, потом расходимся по своим домам и занимаемся своими делами или бездельничаем.

... Когда объявили мою фамилию на перелет вертолетом в третьей очереди, я смотрел на корабле кино и, конечно же, узнал об этом с опозданием, поспешно собрал свои пожитки и вылетел. С корабля, приставшего в тринадцати километрах от берега, перевезли только людей и легкий груз. Теперь необходимо, чтобы корабль пристал к острову или какому-нибудь твердому берегу, чтобы сгрузить тяжелый груз, иначе вездеход и подобные тяжести останутся не сгруженными. Все старания «Оби» пока не приносят результатов – она продвинулась лишь на два километра. Ждем циклона, может хоть он немного расшатает льды. А пока я и вертолетчики развлекаемся играя в бильярд.

Ну и ветры здесь оказывается бывают! На Казбеке ветры в 20-25 м/сек были для меня привычны, хотя изредка случались сорокаметровые, ну а здесь о тридцати-пятидесятиметровых говорят, будто это в порядке вещей, какая-то мелочь. Правда сейчас скорость ветра около двадцати метров в секунду, но когда выходишь из здания, надо почти прижиматься к земле, иначе сбросит в морену. К непрерывному завыванию ветра уже привык.

По благоустройству старые и новые строения в «Мирном» довольно сильно отличаются друг от друга. Старые – это пяти-шестикомнатные дома,

возведенные в свое время на льду, время и тепло затащило их в лед на десять-пятнадцать метров. Есть дома, которые надстроили прямо на этих старых и они тоже уже почти полностью погрузились в лед и сейчас их можно найти только по расположенным на ледяном поле маленьким входным дверям. Вокруг антенны, установленные на саях рабочие дома, старые и новые тракторы, эстакада тысячи разнотипных кабелей, огромные топливные резервуары, стройматериалы, мусор, вдали кладбище самолетов, взлетно-посадочная полоса с новыми самолетами. И среди всего этого выделяются два новых, красивых, трехцветных, поставленных на алюминиевые и пластмассовые ходули, двухэтажных здания. Внутри, по обе стороны коридора, девяти-пятнадцатиметровые комнаты, новые прекрасно отремонтированные со всеми удобствами. В правом углу на втором этаже расположились мы – группа аэрометеорологов, нас шесть человек, каждому выделили по комнате. В двух рабочих комнатах начали монтаж локатора. Пока наша мебель еще на «Оби», мы из досок соорудили полки, ящики превратили в стулья, «лежанки» – в кровати. Второе здание аналогичного типа вошло в эксплуатацию в прошлом году. На втором этаже больница и жилые помещения, внизу – столовая, кинозал и общие комнаты для собраний.

С утра до вечера заняты монтажом локатора, строители упростили нам работу – антенна уже поднята на крышу, а это значит, что полдела сделано. Прораб Коля – золотой человек, он русский с Кубани, но вырос в Азербайджане, его родители и сейчас там. Любовь к кавказским традициям и привычкам этого широкоплечего, бородатого, любящего поговорить парня, оставляют о нем впечатление откровенного человека. Время не терпит – установленный в семистах метрах на ледяной стене старый локатор необходимо убрать, так как к будущему году там должны возвести третий дом, поэтому земляные работы (взрыв и разравнивание стены, монтаж столбов и основания) необходимо закончить в этом году, а точнее за ближайший месяц. Таким образом на будущий год весь «Мирный» поднимется изо льда и заживет в новых домах. Расположение нашей станции очень отличается от «Молодежной». Здесь – морской лед, айсберги, три маленьких скалистых острова, сама ледяная территория «Мирного» со скалистым пригорком, морена, ледяной скат с континента – все перемешано, но здесь мне нравится больше – чувствую, именно это и есть Антарктида. А вчера от берега оторвалась, сошедшая с горы, огромная масса льда и превратилась в айсберги – здесь таких много, выстроившихся в ряд.

С вертолета показали кладбище на острове Хасуэль (он в одном километре от нас, зимой свободно можно дойти пешком). Вспомнил Чугунова, бедный парень, в 1961 году отравился газом. Его, оставшаяся сиротой крохотная дочурка, уже такая большая, что даже вышла замуж. Как быстро летит время! (Вот уже и я использовал слова, которые, как я всегда считал, обычно говорят люди в возрасте).

18 января

Наконец-то «Обь» причалила к острову Токарева. Утром на работу отправилась первая бригада.

Было три часа ночи, а я еще не спал – конкретизация нашего окончательного житья-бытья «приземлило» мечты и заменило их мыслями практического характера. Как лучше обустроить мою микрожизнь, чтобы этот год пролетел поскорее? Во-первых, главное быть загруженным работой. Вчера кто-то сказал мне – Если бы здесь люди не были загружены работой, тогда необходимо было бы открыть психиатрическое отделение. Во-вторых, если вдруг тебя начнут одолевать посторонние мысли, необходимо решительно встать, быстро одеться и выйти наружу – ветер тут же остудит мозги. В-третьих – надо делать то, что тебе интересно, а не то, что нужно. Так как я уже неделю читаю одну и ту же книгу, а параллельно думаю совершенно о другом, проверил – все верно, оказывается, могу вспомнить и содержание абзаца, и то, о чем думал, читая его. Человек обладает удивительной способностью приспособления к среде обитания – ребята рассказали: один из зимовщиков со станции «Новолазаревская» подал заявление с просьбой оставить его еще на один год. Оказывается говорит – Жена у меня скончалась, детей нет, предпочитаю находиться здесь. Но так как еще никогда никого не оставляли и на следующую зимовку, ему бедному тоже отказали.

Познакомился с зимовщиком, приехавшим со станции «Восток», поинтересовался, как перенес зимовку. Говорит, все нормально, вот только в весе сбавил семнадцать килограммов (он оказывается весил сто). Мой вес (восемьдесят четыре килограмма) пока стабилен, не меняется.

Раньше в комнатах жили по два-три человека, потом американцы пришли к выводу, что и психологически, и гигиенически более оправдано проживание зимовщиков по отдельности, и теперь, и на «Мак-Мердо», и на «Амундсен-Скотте» они живут в отдельных комнатах. Наши, конечно же, подхватили передовую идею – мы должны перенять их опыт - и теперь дома строят с учетом этой идеи. Интересно, каким будет мое мнение об этом через год. О качестве взаимоотношений говорить пока рано – некоторые прибыли сюда только сегодня, некоторые двумя месяцами раньше, некоторые должны ехать на другие станции. У каждого свои заботы, каждый думает о своем. Взаимоотношения поверхностные, внешние. Это я так в общем говорю, а то маленькие группки уже сложились: кушать ходят вместе, поджидают друг друга, шутят между собой. Среди них, мне кажется, особенно выделяемся мы и «Востокчане», да и летчики тоже хорошие ребята. Мы самые шумные и поздно засыпающие люди, нам только Слесаренко не хватает, его пока оставили грузчиком на корабле, иначе он бы всех довел. Зато мы уже подготовили ему комнату – кровать, белье, ящики вместо мебели, как у всех, и теперь ждем его не дождемся.

22 января

Вчера были на работах на седьмом километре, семнадцать человек и два трактора перетащили пять-шесть тонн мяса с одного склада на другой (работа была трудная, часть мяса уже неприятно пахла). Лед вырыт на глубину десяти-пятнадцати метров, перекрыт деревянным настилом, на котором утрамбован снег, имеет свой маленький наклонный вход – такой склад называется холодным. Недавно сделанное перекрытие нового склада пока недостаточно заледенело и на внесенное туда мясо сверху капала вода, поэтому и возникла необходимость его переноски на старый, хорошо промерзший (минус 10-12°C) склад.

Сегодня с восьми часов утра до четырех непрерывно раскладывали по местам груз, перевезенный вертолетом, к концу дня так выдохлись, что еле доползли до столовой. Вообще-то я работать умею, физически работал много, но никогда так не уставал. Да что я, два наших механика, для которых физический труд не в новинку, абсолютно обессилели. Существуют люди, организм которых требует физических нагрузок, хочет человек трудиться и делает это с большим удовольствием. Есть у нас один «космик», по фамилии Бакунин, так вот он, как включится в работу, до конца дойдет без передышки. Ты немножко передохнешь, покуришь, крикнешь ему – Не убивайся, Максим, не таскай ящики в одиночку – а он в это время ходит, молча ворочает и переносит ящики, складывает их друг на дружку, иногда даже лишнее делает, если что не понравится, в общем непрерывно работает. В его поведении не явно, но все же просматриваются элементы бравады, видимо природа не наградила его другими исключительными качествами, иначе он бы и их обязательно проявил. Так вот, даже такой человек, который никогда не уставал, сломался и к концу стал уваливать от работы, правда ему это было явно неудобно и стыдно и он злился на себя – почему это я так устал.

Вечером, когда на работу должна была заступить вторая смена, поднялся такой ураганный ветер, что выйти наружу стало невозможно. Полеты и работу пришлось прекратить.

24 января

Скорость ветра 25 м/сек, разгрузка корабля приостановлена. Мы заняты своим делом – продолжаем монтаж локатора.

25 января

Мои отношения с аэрологами осложняются, сегодня произошел небольшой инцидент, мы работали на седьмом километре, таскали на склад продукты. Я попал туда случайно: вчера вечером Комаров предупредил меня, что утром выходим на работу, куда – не уточнил, утром ушел один трактор с людьми, я поехал на втором. Когда прибыли на место, членов моей бригады там не оказалось, они, оказывается, были на разгрузке вертолета. Делать было нечего, проработал на складе со всеми до трех часов, очень устал. После возвращения,

мою руки и тут умывающийся рядом спрашивает – Правда, что Усов (бригадир) кричал и лез на тебя с кулаками, потому что ты прятался и отлынивал от работы? Усов встретил нас криком, выход я нашел в еще более громком крике. Потом целый день я его игнорировал. Вечером он зашел ко мне в комнату кривляясь и жеманничая и закидал меня смесью извинений и шуток. Выслушав его, я очень резко и категорично ответил ему, что никогда и ни от кого не потерплю криков и несправедливого отношения к себе, и вообще запрещаю ему сплетничать и проявлять неуважение ко мне. На этом мы холодно распрощались. Чувствую, хитрый он мужик, если поддашься, уступишь, не слезет с тебя.

Вообще здесь в основном работают люди двух категорий. Первая – это зимовщики-профессионалы, которые из года в год ездят в экспедиции или сюда, или в Арктику, так как они работают в институтах соответствующего профиля и других рабочих мест для них просто не существует, вторая – сотрудники разных других организаций, приехавшие на зимовку в основном впервые. Их основной интерес не связан с «зашибанием» больших денег, они едут сюда или для реализации своей научной идеи, или чтобы самим увидеть все поближе, или испытать свои возможности в тяжелых жизненных условиях. Их действия более свободны и независимы, абсолютно лишены страха и элементов подхалимажа, интересы – неограничены, стремление к новым ощущениям – неудержимо. Эти люди сюда, как правило, больше не возвращаются. Состояние первых, без всякого преувеличения, можно охарактеризовать так – страх потери работы, что выражается в беспрекословном, «солдатском» повиновении непосредственному или вышестоящему начальству. Таковы отношения Слесаренко к Комарову, Комарова к Усову, Усова к Артемьеву. Нарушение этих отношений – неуместное высказывание собственного мнения или выражение недовольства – чревато последствиями – ты можешь не попасть в состав следующей экспедиции, потерять работу. Поэтому их действия определяются следующей тактикой – делай с прохладцей, а показывай рвение; наговаривай на других, чтобы тебе досталось чуточку меньше нареканий; спокойно принимай любые, даже ошибочные, приказы начальника, чтобы после его ухода, покрыв отборным матом, также равнодушно выполнить их. Кстати, мат здесь просто присловье, удивляюсь только как умудряются некоторые так вклинить мат в предложение, что ни то, ни другое не теряет смысла (мат, это проявление защитной реакции, и я, как и все, уже не обращаю на него особого внимания).

Для установки на стене кронштейнов нам потребовался мастер, приказы начальника и прораба не помогли, у него оказалось тысяча отговорок, правда, после обещанного спирта, моментально появился и десятидневную «тянучку» выполнил за два часа. Постройка павильона и агрегатной откладывается: старые не строят, говорят – Мы уже уезжаем, а у новых на нас просто нет времени – до начала сезонных ветров им надо начать сборку нового дома.

Наш начальник, как говорят, решает и никак не может решить, где поставить павильон, потом предложил начальникам помельче (чтобы снять с себя ответственность) послать в Ленинград коллективную телеграмму по поводу выбора места. Но и наш Усов тоже действует «мастерски», он умудрился за это время принять участие лишь в трех-четырех «авралах», всегда находились отговорки: то по причине своего руководства, потом из-за своей занятости и, наконец, из-за травмы ноги и все это он так здорово обставлял, что от жалости к нему умереть можно было. (Не нравятся мне мои нервы).

Сгрузили мебель для нашего дома, сказали, позднее перераспределят по комнатам. Вечером тракторист, по фамилии Франц, перетащил мебель к своему дому и там они распределили ее между собой. На второй день мы попросили его перевезти к нашему дому хотя бы оставшиеся тумбочки, так он принял позу такого законника, что ребята от него отстали. Вечером опять подогнал трактор и забрал все оставшееся. Правда нам обещают – Потом перераспределим – но что-то не очень в это верится.

Летчики схлестнулись с поварами из-за еды - действительно, ведь те накормили нас подгнившим мясом. Видели бы как засуетился наш пузатый снабженец, тут же это сказалоь на качестве еды – пока все нормально.

27 января

Сергея Гусев – первый пилот вертолета – предложил мне слетать на остров Токарева, надо было сделать три рейса для перевозки баллонов с водородом и гелием и ему нужны были грузчики: - Полетели, поработаешь немного, к тому же остров посмотришь и пингвинов поснимаешь – я с удовольствием согласился. На острове загрузили баллоны в сеть, подвесили ее к вертолету и отправили, а сами, оставшись втроем, пошли осматривать остров. Скалистый остров длиной в сто пятьдесят метров и вполовину ее ширины, почти полностью был оккупирован пингвинами Адели и их маленькими немощными птенцами, их было наверно не меньше пяти тысяч, в основном птенцы, которые собраны в группы, по несколько десятков в каждой. У каждой группы птенцов по два строгих, взрослых сторожа, которые иногда даже поклевывают шалунов. Взрослые пингвины рыбачат на берегу и вскармливают рыбой своих птенцов. Когда я впервые увидел такое множество пингвинов, меня охватило приятное волнение познания нового. Пингвины откладывают яйца в конце зимы, птенцы вылупляются с наступлением тепла, потом за январь-февраль-март они окрепнут и к наступлению зимы смогут начать независимую жизнь. Мы ходили от группы к группе, ласкали птенцов, дрожащих от холода, слабеньких малышей, покрытых пухом. Некоторые, самые слабенькие, стараются пробраться в центр группы, прижаться к другим, согреться их теплом, другие – здоровые, сытые, красивые, выглядят довольными. Как только подойдешь к птенцу, надсмотрщик бросается и начинает клевать тебя, не позволяет незнакомцу приближаться к

подопечному. Взрослые пингвины имеют черные спинки и белые грудки, малыши – мышинного цвета с легким, похожим на вату, пушистым оперением. Вертолет прилетал еще дважды, мы его загрузжали и отправляли, а сами в перерывах гуляли и снимали все на пленку.

1 февраля

Вот и прошел первый месяц этого года. Сегодня с корабля прилетели Гарри и Саша. Закончилась разгрузка-погрузка. Привезли запрятанную в ящик с инструментами водку, мы собрались в пятнадцатом доме и занялись делом. Эти мои друзья, как только выпьют немного, становятся такими теплыми, откровенными и добрыми, что в голову невольно лезут мысли: потому наверно и любят пить, что только это позволяет скрытым чувствам выплеснуться наружу. В самый разгар разговоров, мне послышался чей-то знакомый, характерно-неприятный голос, но чей никак не мог вспомнить. Сказали, что это начальник 19-ой аэрометеогруппы прилетел из «Молодежной». Тут же вспомнил – я был подготовлен к предыдущей экспедиции, с нетерпением ждал уже в десятый раз обещанного вызова, правда оказывается в кадрах договорились держать меня в запасе, но меня об этом не предупреждать. Наконец, когда мне отказали, полетел в Ленинград и выслушал объяснения заместителя директора института и управляющего Антарктиды Короткевича, который признал, что они поступили неправильно, не сообщив мне, что я зачислен в резерв, потом перезвонил, в надежде исправить ситуацию, по нескольким номерам, что-то выяснил и предложил – предварительно договориться с начальником экспедиции и еще каким-то типом, потом пройти дополнительную медицинскую комиссию (кажется кому-то отказывали, или кто-то сам не мог поехать, в общем до сих пор не знаю, что это был за вариант). С хозяином этого неприятного голоса я говорил всего пару минут, но этого оказалось достаточным, чтобы он надолго застрял в моей памяти – Моя группа укомплектована, если Короткевич хочет кого-нибудь переставить, пусть тогда сам едет вместо меня. Его соображение было, конечно, верным, но это было сказано таким писклявым голосом, такой нервной и возмущенной интонацией, что прочно засело у меня в мозгах. Ну вот сегодня я и выложил ему все, мол – внешне тебя не знаю, но голос хорошо помню. Он что-то затыкал в ответ, оказавшись в неловком положении, не ожидал, что кто-то посмеет ему вот так, на людях все высказать, у зимовщиков-профессионалов не принято нарушать субординацию. Ну, а зато сегодня буду спать сладко.

2 февраля

Сразу, с момента высадки, началась подготовка к выходу на маршрут санно-гусеничного поезда, ко вчерашнему вечеру все было закончено, сегодня в полдень его проводили. Лебедев, начальник поезда, опытный транспортник и зимовщик, вместе со своими мотористами восемнадцать дней приводил в порядок тракторы, сани, топливные емкости, груз и еще тысячу необходимых

мелочей; радиофизикам пришлось много потрудиться, пока они установили и наладили на тракторе свою аппаратуру; готовились и магнитологи, которые по пути следования должны будут устанавливать свои автоматические магнитные станции; затачивали свои буравы бурильщики и, конечно же, готовился и наш «Бетховен» (здесь очень любят давать прозвища) – Слава Ефимов, его приезд сюда служит двум целям: во-первых, путешествию вглубь континента, во время которого он должен свою теорию, построенную на точных математических расчетах, «приправить» по своему вкусу ощущениями, которые получит собственными глазами, разумом и телом, надеемся, что в теории прогнозов у него выйдет вкусное, глобальное и точное «блюдо»; во-вторых, работе на «Молодежной» на электронно-вычислительной машине над программированием своей теории.

Сегодня с утра пятнадцать тракторов вышли на морену с прицепленными к каждому санями с установленными на них двадцатипятитонными цистернами или двадцатью бочками с топливом, к одному прицепили передвижную столовую-кают-компанию и еще к одному – спальную. Они собрались на седьмом километре около продуктового склада, загрузились замороженным первым блюдом и другими продуктами, началось прощание, мы, около пятнадцати человек, попрощались с уходящими в тяжелый путь смельчаками. До сих пор все они были обыкновенными зимовщиками, а с этого момента, в моих глазах, они превратились в великих людей. Всем им придется проявить большую смелость и перенести много трудностей. Более полутора месяцев они будут жить и работать в движущихся со скоростью два-три километра в час домах. По дороге колонна разделится на четыре части: большая группа Лебедева доставит топливо на восьмисотый километр, на закрытую станцию «Восток-1», с тем, чтобы к концу этого года оно попало на «Восток»; группа Бориса Кудряшова выполнит до шестисотого километра магнитологические работы; радиофизики и бурильщики тоже разделятся. У каждой группы есть свои радисты и радиостанции. Очень хотелось поехать с ними, но не получилось ...

Прощаясь, мы пропустили по стаканчику спирта, закусили солеными огурчиками, обменялись крепкими, дружескими рукопожатиями и каждый из них направился к своей машине. Над бескрайним белоснежным снегом, при солнечной безветренной погоде поднялся такой невообразимый грохот двигателей, что создалась прекрасная ситуация начала, этого грандиозного и необыкновенного путешествия. Сердце у меня защемило, я чуть не расплакался как маленький обиженный ребенок, но еле смог успокоить нахлынувшие эмоции непрерывной съемкой. Потом провожающие на нашем маленьком быстроходном вездеходе опередили и встретили эти гигантские, широкогусеничные, выстроившиеся в одну колонну тракторы. Долго еще махали каждому из них, поезд растянулся на двести-триста метров, на

подъеме были видны черные силуэты в мареве поднятого гусеницами льда и снега.

9 февраля

Решено – лечу на «Восток». В четыре часа (через два часа) летчики разбудят меня. Когда все улеглись и уснули, разбудил Усова, руководителя нашего отряда, и сказал – Улетаю, сбегая, начальник не знает, если узнает будет скандал, тысячу раз повторит, вместо тебя лучше лишний ящик груза взять и, честно говоря, конечно же, будет прав. Но самолеты, скорее всего, все равно не успеют перевезти весь груз и оставшийся придется в конце года перевозить на тракторах. Я все понимаю, но упустить эту возможность не могу, как бы мне потом за это не влетело. Главное, чтобы мои симпатичные пилоты, которых мне удалось наконец уломать, не попали из-за меня в неловкое положение и сам Усов должен вести себя так, будто ничего не знает. Если это дело лопнет, буду вести себя как стойкий провинившийся ученик перед директором школы – все возьму на себя, покаюсь, извинюсь и пообещаю впредь подобного не повторять.

Никак не могу заснуть, чувствую себя как ребенок, который собрался накурлесить, но боится чтобы не узнали родители. Когда кто-то проходит по коридору, замираю, думаю лишь об одном – скорее бы улететь. Правда Володя предупредил – Если прилетев, ты застрянешь там из-за плохой погоды, учти, поднимется тревога! Хотя тут же добавил – А вообще, игра стоит свеч!

10 февраля

Уже второй день я на «Востоке», прилетел вчера в полдень. Сегодня, из-за непогоды, самолет не возвращается, не знаю на сколько я здесь застряну. Уже заснял кают-компанию, комнату отдыха, аэро и метеолабораторию, радистов, врачей, геофизиков, лабораторию ионосферы, бурильщиков, магнитологов и, что самое главное, людей – самых настоящих, мужественных людей. Молодцы Гарсеван Курдгелаидзе, Павел Майсурадзе и Тимур Григорашвили! В разное время каждый из них перезимовал на «Востоке». Представьте насколько скромен Гарсеван – сколько раз мы беседовали с ним об его зимовке и он, обычно, просто рассказывал о проведенных здесь днях, как о чем-то обыкновенном, повседневном, а ведь какой выдержкой должен оказывается обладать зимующий здесь человек.

Со всеми здешними ребятами я знаком, настроение у меня прекрасное, наверно потому, что знаю – я здесь временно. Но о настроении некоторых ничего хорошего не скажешь – многим вначале очень трудно привыкнуть к условиям высокогорья, боятся, что не смогут выдержать. Период акклиматизации у них пока не прошел. Нервничают, что никак не удастся перевезти на самолетах весь груз и их планы нарушаются. У врача Иванова может наполовину сорваться программа. У аэрологов и магнитологов осталось

много недоставленного груза. Круглолицего, красивого Игоря Никашина, инженера радиолокации, я сразу даже и не узнал: из-за несовместимости, он все время температурит, вдобавок еще и свинкой заболел, похудел уже наверно килограммов на десять, потерял бодрость. Виталий Прозоров – остроумный метеоролог зимует здесь уже второй раз, не унывает, но чувствует себя очень слабо. Вообще, я и по собственному опыту хорошо знаю, что маленькие и худые люди намного быстрее приспосабливаются и лучше переносят высокогорные условия. Маленький Пышев много рассказывает мне о Григорашвили, они оказываются вместе зимовали здесь. Помню только хорошее – говорит – все время приглашал меня в Тбилиси, но знаешь же, что такое экспедиция, семья, тысяча других причин; а в Грузии, если, конечно, смогу когда-нибудь выбраться, два хозяина для одного такого малопьющего человека, как я – слишком много.

Я, Вадим Алейников, Сережа Иванов и Костя Проценко напилили 420 кусков снега, длиной, шириной и высотой приблизительно по пятьдесят-семьдесят сантиметров, до наступления сильных морозов надо запасти как минимум тысячу таких кусков. Мы сделали почти половину дела. Все стараются ежедневно хотя бы понемножку работать, так как на высоте трех тысяч пятисот метров физическая работа на этих широтах очень утомляет, а еще к морозам в минус 40-45⁰С добавляется страшная сухость воздуха. Когда делаешь вдох ртом, чувствуешь, как ледяной воздух прямо вливается в твои легкие, поэтому обязательно надо стараться дышать носом, но и это очень непросто, выдыхаемый воздух тут же кристаллизуется в ноздрях и мешает нормальному дыханию. Усы и борода быстро покрываются ледяными сосульками и ты превращаешься в Деда Мороза, иногда языком обламываешь длинные сосульки, использовать для этого руки даже не стоит. Если смотришь на солнце, то высокая солнечная радиация приятно согревает лицо, только не надо шевелиться, чтобы не вызвать движения воздуха и согреть какой-нибудь свой бок, хотя, тогда холод обязательно подкрадется к твоей теневой стороне! Лучше всего двигаться (работать) в нормальном темпе. У меня нет «унт» и ноги очень замерзли, пришлось много попрыгать, чтобы немного разогреть их. Представляю, как сложно находиться здесь на воздухе зимой при стуже в минус 70-80⁰С.

Овсянников сначала очень удивился, увидев меня, даже упрекнул пилотов за самоуправство, но потом примирился с моим пребыванием здесь и теперь даже соблюдает все правила гостеприимства.

Вечером я в гостях у геофизика Вадима Алейникова. Собралось нас человек пять, Сережа принес спирт, позволить себе это могут только врачи. Хозяин угощает нас разнообразным советским провиантом и, оставленными американским геофизиком, законсервированными пивом и колбасой, кока-колой, орешками, веселой музыкой и журналом с фотографиями красоток. На

«Востоке» регулярно зимует один американский, а на «Мак-Мердо» или «Амундсен-Скотте» наш специалист, правда в этом году, обменная программа по непонятной причине задержалась. Лично я, во всяком случае, уверен, что задержка вызвана техническими причинами или научными соображениями и не имеет под собой никакой политической подкладки.

Наши разговоры постепенно перешли на местные проблемы. У всех свои трудности, они пока находятся в процессе притирки. Тяжелый это период. Пока не знают характеров друг друга, что для одного недопустимо, другому безразлично, третьему вполне приемлемо. Многим еще предстоит самостоятельно пересмотреть свойства своего характера, другим может понадобиться посторонняя помощь. Но пока заголовком нашей беседы является: благорасположенность, дружба и желание совместной работы. Все здесь серьезные, опытные, знающие свое дело и физически хорошо подготовленные люди. Все хорошо осознают, что это не твой родной город и работа, где, если не понравится ситуация, можно написать заявление и уйти, или после работы можно дома, в кругу родных, или, заскочив к другу, отвести душу. Сколько правильных мыслей было высказано! С такими людьми можно и в худших условиях сосуществовать, уверен, что и все остальные здешние такие же. Не представляю, чтобы, например Алейников, если понадобится, словом или делом, всем, чем только сможет, не помог тебе в сложной ситуации.

Вечером поужинали, посмотрели кинофильм, потом, погрузившись в уютной компании в сигаретный дым, окончили день вспоминая веселые истории. Многие звали на ночевку к себе, но я устроился спать здесь же на мягком диване и в дреме стал анализировать прошедшие события. Вечер был приятный... Будучи постоянно недовольным собой, здесь, в их кругу, я даже чуть было не понравился самому себе.

Лишившийся сна из-за избытка эмоций и высоты, постепенно погрузился в водоворот нахлынувших мыслей, отдался воспоминаниям и, чтобы привести их в порядок, стал задавать себе вопросы. Но все же предпочитаю озвучить здесь ответы на вопросы, поставленные себе на Кубе, посмотрим, что из этого получится. Если получится, может посмею и поделюсь с вами...

- Кто ты?

-Мой род один из старейших в Квемо (Нижней) Сванетии. Существует историческое сведение о том, что еще в начале пятнадцатого века один из наших предков, как описано в трудах Эквтиме Такаишвили («Древности Грузии», том 2), даже служил главой крепости при царском дворе. Наша же ветвь перебралась в Имеретию и мои непосредственные предки поселились в красивом селе Кведа Дими, хотя дед моих детей был уже тбилисцем. Один

англичанин сказал – джентльменом считается тот, чей дед джентльмен – так же и у тбилисцев, и я рад этому.

- Почему?

- У тбилисца врожденная своя философия, особая снисходительность и простота. Преступление перемешать или утратить этот генофонд, это значит отнять у Грузии какой-нибудь ее уголок, или заменить ее население чужеземцами.

- Что Вы собой представляете по природе?

- По природе я бродяга, несмотря на то, что внутри себя чувствую и глубокую консервативность.

- Так в чем же дело?

- Сказать – в генах, будет неверно, так как останется непонятным, почему тогда мои дети не любят горы и, несмотря на крепость ног, предпочитают топтать асфальт.

- Но, наверно, что-то все же обусловило это Ваше стремление?

- После моего отца, живет во мне память еще об одном человеке, пример жизни которого, не менее важен для меня. Это был достойный восхваления патриот Леван Готуа. Стоило мне слегка подрасти и опереться, как он стал брать меня во все свои экспедиции. Чистый душой, он без слов влюбил меня в горы и наследие предков. Увы, поздно дошло до меня – воспитывая подобных мне, он старался продлить свою суть. К сожалению, не очень-то хорошим воспитанником я оказался, хотя, думаю, что даже очень хороший не смог бы дотянуться до него.

- Наверно он был для Вас примером?

- Изумительным и ярким. Фактически я стал для него первоисточником чудовищно трагических вестей, так как в мартовские дни 1956 года власти запретили ему выходить из дома и он был похож на обезгривленного льва. 9 марта, когда я закончил рассказывать ему о страшных событиях, свидетелем и участником которых оказался, он был потрясен, крепко перевязав голову полотенцем, выругал меня за то, что я так просто отношусь к этому (и оказался прав – на завтра я пришел домой с разбитой головой) и включил радиоприемник. Как всегда послушали информацию «Голоса Америки» и, когда зазвучала музыка, я выключил приемник. «Молодой человек, разве прилично отключаться, когда за таких как ты молятся верующие грузины и поет хор их певчих!?!», видимо это замечание было определяющим для превращения меня в колеблющегося комсомольца и я им конечно стал.

- Ну и что же хотел колеблющийся комсомолец в партии?

- Дело в том, что другой жизненный путь был бесперспективен. Но главное не это, очень жалею, что совсем недавно я соблазнил одного добродетельного, многодетного молодого человека – работал он не поднимая головы в проектном институте инженером и, параллельно, в театре - художником. По договору выполнял для нас проектные работы. И вот у нас в Гидрометслужбе освободилось место моего коллеги, заместителя начальника (по строительной части), ну а мне настолько нравился его характер и отношение к делу, что я предложил ему перейти к нам. Он долго смеялся над моим предложением, так как оказался беспартийным и никогда даже не помышлял становиться коммунистом, а без этого он никак не мог претендовать на предлагаемую должность. Я долго обрабатывал его и наконец получил его согласие. И вот, вместо одного года, он вступил в партию через неделю. Потом и наш руководитель вышел из больницы и дело, которое до того никак не могло сдвинуться с места, пошло как по маслу. Кто ведает, было ли так лучше – не знаю!

Такое неконституционное ограничение прав человека в то время считалось априори допустимым и самим собой подразумеваемым. Тогда об этом даже думать было страшно, но сейчас уже можно рассуждать о том, почему является коммунизм абсолютно неестественной доктриной. В основе его неестественности лежит недооценка способностей личности к действию, возможности использования его таланта и навыков. Человек обладает склонностью максимального проявления своих навыков в той сфере деятельности, которая его привлекает, к которой стремится его душа, часто независимо от него самого, несмотря на полученное им образование или его специальность.

Марксистско-ленинское учение ограничивает деятельность человека, особенно в сфере, опирающейся на частную собственность, а у большинства людей навыки действий в этой сфере врожденная, уже генетическая привычка, выработанная его предками за тысячелетия. В прозаичной действительности даже весьма талантливая личность вынуждена пойти в государственные чиновники, чтобы достичь на этом поприще пика карьеры – Совета министров, где, как правило, окончит свою деятельность руководителем среднего уровня или референтом, или же устроиться научным сотрудником в научно-исследовательский институт, чтобы стать хотя бы заведомом, и все это, несмотря на совершенно иные убеждения, толкает его в ряды коммунистической партии. Многие из тех, кого никакими посулами не заманишь в партию, вынуждены испытать свою судьбу, окунувшись в теневую экономику со всеми вытекающими из этого последствиями, или же пожертвовать своим талантом и склонностями ради бесперспективной рутинной работы и стабильного заработка в рядовой государственной

организации. А все вместе – несмотря на внешнюю несхожесть ситуаций – недовольны жизнью и одновременно неискренни.

- Есть ли для Вас что-нибудь, что объединяет все чувства?

- Друзья!

- Самое полезное, что Вы сделали?

- Я участвовал в спасении жизни нескольких человек в горах и одной большой группы в Антарктиде – это большой, благодатный труд. К несчастью несколько раз, может быть по моей, а может быть и по чужой, объективной причине, помочь вовремя не удалось, посторонний взгляд возможно и не заметил бы, что тогда можно было действовать побыстрее, но я же знаю. Единственным утешением было то, что измученным неизвестностью родственникам мы хотя бы спускали тела усопших, а это не менее благодатный труд, но для спасателя он - беспощадный.

- Выходит у Вас еще в студенчестве была такая работа?

- Да. Я всегда мечтал быть участником экспедиции в затерянную Антарктиду, поэтому сразу же после окончания географо-геологического факультета Тбилисского государственного университета г-н Леван Готуа и г-жа Александра Джапаридзе (Боже, пусть множатся подобные женщины в Грузии!), зная о моей мечте, повели меня в Гидрометеорологическую службу и попросили руководителя – Поручите ему самое сложное дело, может наберется побольше опыта. Определили меня на работу на Казбекскую высокогорную гидрометстанцию (3650 м) и с тех пор, вот уже более полувека, работаю в этой системе.

- Рассказывали ли Вы об этом своим детям?

- Редко, понемножку. Но по-моему безрезультатно, наверно, всему есть свое время!

- Значит никому не рассказывали?

- Почти никому, раньше мне эта тема казалась деликатной.

- Ну а сейчас почему рассказываете?

- Может пригодится хотя бы одному молодому человеку, ступившему на путь дерзания.

- Что Вы делали на Кубе?

- Как то начальнику одного из отделов ЦК партии, недостойному человеку и невежественному функционеру, я заявил – Не нужна мне ни ваша работа, ни партия и партбилет сейчас же порву. Поднялся тут переполох, почти все

руководство нашей системы вызвали на «ковер». Потом посоветовались, «пожалели» и постановили – иди и продолжай работать. Я то продолжил, но сердце к этой работе у меня уже не лежало. Потом нам назначили нового руководителя и из старого, развеенного руководства остался я один. Чувствовалось, что я не очень-то устраивал нового начальника, мешал осуществлению на работе его высоких семейно-личностных идей. Дважды я подавал заявление – Освободи меня. Говорил, что ему нужны свои люди. Не подписывал, до сих пор не могу понять почему. Но в конце концов мы с ним все-таки сцепились – я же невыносимый человек! Выходом явилась моя командировка на Кубу.

- Чем Вы занимаетесь здесь?

- Я советник вице-президента АН Кубы по вопросам гидрометеорологии и охраны окружающей среды.

- Приносите ли коллегам какую-нибудь пользу?

- Как они сами подчеркивают – да.

- А Вашей семье?

- Выросшие на зарплате, я и мои домочадцы чувствуем себя богачами, но, вероятно, у владельцев крупных капиталов, заработанные мною здесь деньги смогут вызвать только улыбку.

- Бывали ли Вы в других странах?

- Да, в Антарктиде.

- Разве Антарктида страна?

- Нет, это Рай!

- Рай?

- Человек, желающий испытать себя, не может мечтать о лучшем.

- Что же тогда скажете о Кубе?

- Пусть не пешком, но на машине я объехал всю Кубу. Это голодающий остров, заселенный безобидными, теплыми и красивыми людьми, который по своим природным данным действительно сравним с раем.

- Жизнь в экспедиции и на Кубе позволила Вам приобрести большой опыт, вероятно, в обоих случаях Вам пришлось жить и работать в окружении русских. Какого Вы о них мнения?

- Подвыпивший русский интеллигент исключительно добрый, беззлобный, лишенный зависти человек свободный от великодержавного шовинизма и агрессивных комплексов ...

- Куда Вы смотрите?

- На молодежь, так как реально в будущее глядят только они и не только глядят – они туда смело шагают. Мы тоже глядели в будущее, но сделав шаг вперед, отступали на два назад. Если тот один шаг вперед приходился на мужественного человека, то в отходе на два назад виню в основном тех прилежных и преданных комсомольцев. Я часто говорил это им прямо в лицо еще тогда!

Вспоминаю один случай одновременно и смешной и страшный, после которого мой друг и очень смелый человек Важа Инцкирвели приобрел, от оскорбленных свидетелей этого инцидента, имя невыносимого пьянчуги. На одной пирушке, в которой принимала участие парочка зажиточных средненьких функционеров, Важа по принципу – что у трезвого на уме, то у пьяного на языке – вдруг крикнул – «Коммунисты, мать вашу... всех вас надо расстрелять!» Чем больше зажимали ему рот – «Ах, что это он говорит!» - тем больше он кричал. Ситуация сложилась, страшно вспоминать. В общем все сорвалось.

- У Важи оказался «крепкий» характер, а у Вас характер твердый?

- Нет, у меня колеблющийся. Как только равновесие нарушается, тут же склоняюсь в слабую сторону!

- Кого Вы любите, понятно, а что Вы любите больше всего?

- Могилы моей дочери, супруги, родителей и моих безвременно погибших друзей (это сегодняшняя фраза).

- Ну и помогаете в чем-то этим им?

- Им, наверно, нет. Помогаю моим потомкам и их сверстникам.

- Еще чем помогаете?

- Примером. Своим поведением, но не нравоучениями. Молодых передергивает при чтении им морали. Последующему поколению от тебя нужны твоя душа и поступки, а не чтение морали. Нравоучениями главным образом занимается тот, кто постоянно оправдывает свои поступки и другое его не волнует.

- Странный человек грузинский мужчина, не так ли?

- Да, очень. Особенно сильно в одном – для него характерно, с одной стороны, сверхмерное гостеприимство и терпимость, а с другой – хвастовство и беспощадное отношение к домашним. Хотя эти свойства есть в избытке и у других. Но мечта о независимой, единой и несокрушимой Грузии едина абсолютно для всех грузин. Это стремление души не упало к нам с неба, оно выработано нашей историей. На протяжении веков мы боялись, чтобы какой-нибудь «большой» сосед не раздавил нас, лекарство от этого видели в единстве и разумном правлении страной. Время заставило нас хорошо осознать, что местничество для нас пагубно. Так всегда считало и считает сегодня абсолютное большинство грузин. Но самое интересное и весьма полезное во всем этом, я думаю, то, что подаренное нам предками это стремление, а в нем заключен большой опыт борьбы с местничеством – в скором будущем приведет нас к надпартийному обществу.

- Что Вы говорите? Разве сможет Грузия, «обвешанная» таким числом партий, создать надпартийное общество, это же пока даже для мирового содружества социально этапный вопрос?

- Для построения здоровой страны, нам необходимо надпартийное общество, потому что партийная часть общества либо не знает этого дела, либо знает лишь для себя, а в результате консолидированного мышления масс, она почти бесполезна – так пойдете вперед и создадим надпартийную страну! Но сначала вернемся трусцой на двадцать один век назад и спросим Перикла – О, благородный разум! Действительно ли сказал ты, что страну спасет надпартийное общество и если сказал, тогда скажи и то - когда же мы поймем это?

- Что такое покорность?

- Восхищенный приходом секретаря ЦК на гражданскую панихиду одного работника телестудии, какой-то мужчина обогнал его на лестнице и, поднимаясь, шепотом, но так, чтобы все слышали, говорил – Идет, он идет! Под чью бы дудочку ни плясал этот человек, никуда от врожденного рабства не денется, единственное, что на своей собственной панихиде он не сможет подать голоса, пришедшему очередному секретарю! Ну, а мы, живые, в крови которых в большей или меньшей степени еще застряло это панихидное раболепие, должны избавиться от него, должны объявить себе войну и, когда мы преодолеем этот порок, тогда и победим. Кому это не удастся, тот останется и рабом и послушником.

- Знаете ли Вы всеобъемлющее слово?

- Знаю всеобъемлющее понятие из двух слов – «порядочный человек».

- Почему мы такие?

- Мы такие по причине изоляции, советской изоляции. А изоляция от цивилизации вызывает обычно обернутое в тулуп патриотизма безудержное буйство. Потому-то и исчезло с лица земли самое свирепое, дикое племя Африки – мурси. И европейцы одно время были жестоки и безжалостны друг к другу, а теперь эта болезнь подобно нам, перекинулась на мусульман и русских...

- Что грозит миру?

- Лень или бессмысленный труд.

- Как считаете, нужно ли «подсаливать» добро?

- Человеческий разум не может справиться с его слабостями, иначе, когда делаешь добро, ухаживая за доверившимся тебе одиноким, немощным пожилым человеком, продлевая этим ему жизнь и тут же перед другими попрекаешь его в этом – неужели не чувствуешь, что это благодатное дело уродуешь своими же словами?! Не боишься, что услышав эти твои попреки, доверившийся тебе человек может укорить тебя или вообще отказаться и от твоих услуг, и такой своей жизни? Если что-то делаешь, то делай это от всей души!

- Что считаете самым большим абсурдом в Вашей жизни?

- Гибель моего семнадцатилетнего старшего брата в Сталинградской битве.

- Как Вы смотрите на проблему сосуществования негрузин с грузинами?

- Совместное сосуществование должно устроить их, это их устройство устраивает и нас, ну и то что их устраивает мы и должны для них делать. Я в своей жизни встречался со многими иностранцами и живущими в Грузии негрузинами, имеющими явную грузинскую ориентацию. Я их, вначале им на удивление, а потом - удовольствием, называю почти грузинами. В мире существует много родственных наций и народностей, поддерживающих и помогающих друг другу, у нас таких нет, поэтому во внешнем мире для нас опорой являются именно такие почти грузины и мы должны стараться увеличивать их число. Что же касается злодеев и тем более насильников грузин или негрузин – с ними необходимо безжалостно бороться, а если нам не хватит на это сил и времени, то и нашим последующим поколениям.

Наш конфликт с абхазами и осетинами вовсе не имеет никакой политической подоплеки. Суть этого конфликта заключается в стремлении захвата несправедливых привилегий социального характера, что подразумевает «прогулку» за чужой счет. Обманывать русских и жить за их счет (философия наглеца) пока у них выходит хорошо, они думают так будет вечно. Поэтому стараются во всем походить на них и совершенствуются в знании их языка. К русским они вообще-то относятся не лучше, чем к нам, просто знают, что

«байрамничать» за их счет проще, чем за наш. Но они еще не догадываются, что русские пока спят, а когда проснутся, тут наш конфликт и закончится, вот тогда мы опять станем для них братьями.

- Что необходимо сделать для этого?

- По сравнению с русскими и абхазами, мы, грузины, имеем лучшую позицию, потому что знаем – с абхазами нам надо делать то, что делают с нами русские, ну а то, что делают нам абхазы, мы должны делать русским.

- Свободу надо защищать, есть ли у нас для этого сила?

- У одного моего друга скончался дядя генерал. На панихиды приходило много военных. И вот подходит к нему один пожилой генерал – Слушай! А где генералы? Один –говорит- лежит в гробу, второй – Вы, ну а третий – где-то здесь, сейчас куда-то отошел. Вот и вся наша военная мощь. Большие братья-генералы – У вас уже был один великий генерал, с вас этого хватит – совершенно отказались от подготовки для нас генералов. А ведь сегодня мир держится на генералах, то есть на образованных военных. Количество кануло в историю, сейчас главное качество, опирающееся на экономическую мощь государства. В этом деле маленькое израильское государство многому научило мир и сейчас обучает этому советских им же на пользу, если, конечно, они обучатся.

- А если не обучатся?

- Или до учебы распадутся, или обучатся. Посудите сами, сегодня в советском государстве никого ничто не объединяет, едины только Россия и мусульманские республики. Это единодушие и единство временное и совершенно не опирается на единство цели. Первая старается удержать старые границы, вторые – вернуть себе те земли, которые исторически считают своими. Первая, ублажая вторых, стоит на промусульманских позициях, вторые действуют демографическим путем, который стратегически более оправдан. Противостояние этих курсов позднее неизбежно вызовет взрыв. И тогда, сегодняшнее довольно сложное положение Грузии, еще более усложнится. Так что, самооборона - прежде всего!

- Вы рассуждаете так, что кажется будто считаете себя политиком?

- Вовсе нет. Спросите об этом любого грузинского крестьянина и получите такой же ответ.

- Какое человеческое свойство считаете самым интересным?

- Самоуверенность. С тех давних пор, как этот мир стал более или менее цивилизованным, всем его поколениям и конечно же и последнему, кажется, что только оно все знает и поэтому только оно правильно разрешит все

общечеловеческие проблемы. А то, что многокилометровое расстояние отсюда до нашего села, всего лишь незаметная точка во вселенной, этого мы не видим, так как ракурс нашего поля зрения не дает нам этой возможности – отсюда и самоуверенность. С другой стороны, от этой жизни до той (имею ввиду преходящий мир) нам отмерен очень краткий отрезок времени, поэтому-то и стремимся мы все успеть, но пока безуспешно. Не успели перейти с элементарных на полноценные методы лечения человека; изучить основы закономерностей построения мироздания; избавить от голодной смерти детей нищих стран; осознать, что своим агрессивным поведением, обессиливаем и этим укорачиваем жизнь друг другу – и это все потому, что из-за своего невежества, мы слишком самоуверенны.

- Что такое демократия?

- Демократия, это умение считаться с другими.

- Не устали отвечать на вопросы?

- Я – нет, но мой читатель, думаю, устал!

- Тогда пока отложим и продолжим позднее?

- Согласен.

11 февраля

Солнце здесь совсем не заходит, кружится над нами, снег очень чистый, несмотря на то, что ему тысячи и тысячи лет. Из-за низких температур, его физическая структура изменена – он рассыпчатый, похож на песок. К концу месяца температура упадет до минус 50⁰С и взлетно-посадочная полоса уподобится асфальту. Самолетам взлетать трудно, поэтому переброска грузов приостановлена. Но прогноз погоды хороший и Овсянников надеется, что Москва даст «добро» на дополнительные рейсы.

Небо почти совершенно чистое. При слабом ветре дым от агрегатов ТЭЦ создает облака. Если не знаешь, где находится их источник, становится странным появление здесь облаков. Сильных ветров здесь вообще не бывает. Горизонт напоминает обледенелый океан. Станция расположена на ровном плато в районе самых низких температур и магнитного полюса на высоте 3488 метров (географический полюс, где расположена американская станция «Амундсен-Скотт», значительно ниже). Здесь построено два новых одноэтажных панельных дома на сваях - кают-компания и электростанция. Все остальные дома разных размеров, построенные пятнадцать-восемнадцать лет назад из деревянных панелей и теплоизолирующего материала, уже наполовину увязли в снегу. Все работают там же, где и живут. Лаборатории оснащены новыми и новейшими установками и аппаратурой. Аэрологи обрабатывают радиозонды системой «Малахит-22», почти все у них

управляется дистанционно. Геофизическая лаборатория, изучающая ионо и геосферу, оборудованна американскими самописцами и магнитофонами, с помощью ареометрических наблюдений и микропульсирования в ней устанавливается проходимость радиоволн. Ионосферная лаборатория фиксирует состояние слоев ионосферы при помощи автоматических кино- и фотоустановок, требующих только периодическую смену кассет.

О профессии Владимира Баранова можно сказать, что он сначала зимовщик, а потом магнитолог, так как на «Востоке» он уже третий раз – в 9-ой, 15-ой и 20-ой экспедициях, кроме того 12-ую экспедицию провел на «Новолазаревской», а 17-ую – на «Ленинградской». Это сухощавый, высокий, пятидесятилетний, язвительный, вероятно справедливый, привыкший к одиночеству мужчина. Вооруженный фотокамерами, самописцами, проявляющим устройством, он изучает перемещение магнитного поля Земли, его активность, полярное сияние, межпланетную структуру. Подобно другим и его программа оперативная и международная.

Интересный эксперимент проводит лаборатория космической микробиологии Института микробиологии Академии Наук – возможно ли перемещение микроорганизмов и спор в космическом пространстве и перенос их с одной планеты на другую? Теоретически вполне возможно, экспериментальных же результатов пока не существует. Умные головы из АН подумали и решили – если на нашу планету когда-то, пусть даже миллионы лет назад или в еще более ранний период попали микроорганизмы с другой планеты, они сначала должны были проникнуть в верхние слои атмосферы, смешаться с ее воздушными массами и благодаря их перемещению, достичь поверхности Земли. Правда обнаружить их сегодня вероятно невозможно, так как они скорее всего совместились с земными микроорганизмами, после акклиматизации широко распространились и теперь уже установить их прошлое практически нельзя. Но с другой стороны, если «прокраившиеся» с другой планеты микроорганизмы где-то на нашей планете находятся в изолированном, анабиозном состоянии – то таким местом может быть только Антарктида. В течение сотен миллионов лет на материковых горных породах Антарктиды постепенно нарастал трех-четырёхкилометровый слой льда и если на нашу планету когда-нибудь вообще проникли какие-либо пришлые организмы они обязательно попали бы и на этот континент и законсервировались во льдах. Низкие температуры и нехватка кислорода для микроорганизмов не страшны, поэтому для их добычи и обнаружения необходимо провести стерильное бурение льда. Были созданы специальные термобурав и устройство для взятия проб из разных слоев льда, все это отправили в Антарктиду в 1973 году, доставили на «Восток» и установили. В 1974 году прислали специалиста по этому делу – Абизова, весьма образованного, спокойного, воспитанного и влюбленного в свое дело татарина со Среднего Поволжья.

Я у него в лаборатории – он увлекательно рассказывает об очень интересных вещах. Лаборатория находится в пяти-шестистах метрах от и так стерильной станции. До начала бурения, бур стерилизуют специальными горелками – нагревают до 2500⁰С и только после этого начинают бурить лед. Пробы последовательно достают с разных глубин. Образцы берут из центральной части керна и помещают в колбы с питательной средой. Колбы герметично запаивают и подготавливают к отправке в Москву. Результаты станут известны после проведенных в Москве анализов. Абизов с нетерпением ждет результатов анализа – от этого зависит будут ли они сезонниками или кого-нибудь пришлют на зимовку. Просит, когда образцы придут в «Мирный», чтобы я за ними проследил. А у меня времени не остается, самолет из «Мирного» уже вылетел и я решил возвращаться с ним. До его прибытия объявлен «аврал» – необходимо перетащить ледяные кубы к электростанции. Оставляю Абизову пленку и прошу его своим аппаратом заснять и привезти потом мне здешнюю ситуацию – он с удовольствием соглашается.

Собираемся в кают-компани. Выбрал момент и так, чтобы никто не заметил, от имени моего управления вручил, перехваченному в углу, Овсянникову копию чеканки нашего художника Ираклия Очиаури с изображением хевсурской женщины. Он очень обрадовался, показал ее всем и тут же поместил там же на стенде, где уже красовалось около десятка подарков от разных стран и организаций, на самом почетном месте. Я очень пожалел, что подарил копию, а не оригинал – ведь так было бы лучше. Созданная руками Очиаури эта неповторимая красота, действительно неповторимая, попавшая в общество настоящих мужчин, заброшенных на край земли, превращалась в предмет их восхищения, так как в них я ощутил настоящих ценителей женской красоты.

Более двадцати человек, укутанных в меха и бушлаты, с двумя парами перчаток на руках, вышли наружу, выстроившись в цепочку и, передавая друг другу снежные куски, загрузили сани, потом, вскочив кто на трактор, а кто на сани, поехали к электростанции. Повторили операцию уже по разгрузке будущей питьевой воды. На все это ушло часа полтора, но минус 56⁰С намекнули, что пора зайти в помещение и согреться. У меня заболели гортань и легкие. Здесь без маски долго находиться на воздухе нельзя, так как ноздри тут же забиваются льдом и ты вынужден вдыхать этот холодный сухой воздух ртом, а полость рта не успевает его согреть и твои легкие напрямую получают такой же ледяной воздух, как и вокруг тебя. Если человек этого не испытал на себе, ему невозможно даже представить себе масштабы той стрессовой нагрузки, которую испытывает человеческий организм в таких условиях. Особенно это ощутимо зимой, когда температура опускается чуть ли не до минус 90⁰С и плевки свободно успевают превратиться в льдинку даже не долетев до земли!

Согрелись, лед на бровях, ресницах, усах и бородах растаял, опять вышли работать. Сделали еще две ездки и уставшие еле вползли в кают-компанию. Повар Борис вкусно накормил и напоил нас различными соками. Мы с ним подружились – он настоящий, хороший парень, на корабле и в Лас-Паласе мы с ним провели хорошее время.

Радист объявляет, что самолет уже приземлился и даже готов к отлету. Все стали быстрее есть, а я вскочил и помчался к Сереже Иванову домой, надо собрать мой большой багаж, боюсь опоздать, а то меня действительно выгонят из экспедиции. Я же здесь из-за погоды уже и так задержался, а к этому еще добавилась вторая задержка, вызванная моей грузинской неупорядоченностью, но что делать, ведь надо же было погасить почтовые марки и конверты штемпелем Южного геомагнитного полюса, иначе если не филателисты всего мира, то грузинские уж точно разгневались бы! Ну я так и делаю, срочно гашу все, имеющиеся у меня в наличии марки и конверты. Профессионалы говорят, что со временем эта реликвия значительно поднимется в цене. Из-за спешки и суматохи, сердце зашло – а может скорее из-за разряженности воздуха и в результате нехватки кислорода, но как бы то ни было я все-таки успел точно к концу оговоренного срока!

Самолетные двигатели работают, пилоты вниз не спускаются, спешат побыстрее разгрузиться и вовремя взлететь. Все дружно работаем – укладываем багаж на сани. Срочно прощаюсь со всеми, с более близкими – обнимаюсь, замечаю, как они сильно огорчены, я ведь для них фактически последний «чужак» до будущего года.

14 февраля

Самолетам взлетать здесь всегда непросто. Ну и наш еле тронулся, потом сильно поддав газу заскользил по льду, в конце взлетной полосы наконец оторвал нос и поднялся в воздух. Я с облегчением выдохнул, посмотрел на остальных, у всех спокойные лица, но не думаю, чтобы внутренне и они не были взволнованы, хотя как знать, ведь это для них привычная работа. Развернулись и взяли курс на Север на «Мирный». Мне не нужны уверения других, сам хорошо вижу, какой опытный пилот наш сорокапятiletний Владимир Заварзин, он в полярной авиации с 1963 года, в Антарктиде уже третий раз. Хорошо, когда сотрудники так любят своего начальника и он для них непререкаемый авторитет. У Заварзина есть еще одно хорошее человеческое свойство – он никогда не повышает голоса, всегда говорит спокойно, уверенно, а главное – также все и делает. Ну, а обитатели самолета делаем тоже, что при вылете из «Мирного»: Заварзин и Петя Никонов сидят у штурвалов, штурман Валентин Летяшев устанавливает курс по солнечному компасу и часто выходит в салон для измерения высоты полета, радист Василий Вольченков уже поседевший, всегда улыбающийся сороколетний мужчина, заканчивает радиосеанс с «Востоком», я и бородатый «Дед», самый

старший по возрасту, бортмеханик Анатолий Смирягин заняты своим делом – чистим картошку, маринуем кусочки замороженной вырезки и чистим для варки курицу. «Дед», оказывается, в свое время служил в Кутаиси, подробно и с удовольствием рассказывает мне обо всем, что связано у него с Грузией. Этот представительный и крупный мужчина – само олицетворение необыкновенной доброты, его действия, разговоры, все направлено так, чтобы доставить удовольствие находящимся рядом с ним. Взамен он получает любовь и уважение экипажа. О том, как он воевал, о трудностях перенесенных полярной авиацией в 1964 году, о своих домашних делах – обо всем он рассказывает многословно и простодушно.

Курс взят, радиосвязь уже прервалась, все, кроме одного пилота, остались без дела. Вольченков из какой-то ткани шьет шапку, Летяшев рисует. Мы с «Дедом» приглашаем всех к обеду. Я, конечно, с разрешения Заварзина и по приглашению Пети, занимаю кресло первого пилота и, взявшись за штурвал, начинаю имитацию управления самолетом. Петя объясняет мне назначение тысячи тумблеров и кнопок, говорит об особенностях «Ил-14», рассказывает о новых моделях самолетов. Хотя наш самолет по классу и отстает от новых, но настолько вынослив и так хорошо приспособлен к полярным условиям, что для Антарктиды он пока незаменим. Сам Петя – молодой, он родился в 1943 году, летать научился в клубе «Досааф», параллельно с учебой, начал работать там же инструктором, влюбленный в авиацию, выбрал профессию пилота, прошел соответствующий путь и вот уже шесть лет он второй пилот, в полярной авиации работает с 1972 года.

Входит «Дед» и говорит, что Заварзин свернул с курса и летит по гусеничному следу, скоро пролетим над самым санно-гусеничным поездом. Я высунувшись в предназначенный для штурманов выпуклый иллюминатор увидел на белоснежном беспредметном поле четкий след, движущегося к станции «Восток-1», груженого топливом поезда и тут вспомнил, что мой аппарат заряжен кассетой с уже наполовину отснятой высокочувствительной киноплёнкой, оставшейся у ребят на «Востоке» с прошлых лет и подаренной ими мне. Спросил у Заварзина, успею ли перезарядить аппарат до появления поезда. Наверно успеешь – ответил он. Срочно стал снимать все подряд и бессистемно, чтобы поскорее заполнить кассету. Потом, при заправке новой, как всегда бывает в спешке, пленка дважды порвалась и только зарядил аппарат, говорят, что над поездом уже прошли. Очень огорчился, но не из-за этой сорвавшейся дурацкой навязчивой идеи съемки, просто хотя бы посмотрел, какие они с высоты. Потом самолет накренился и начал разворот. Ничего не понял, тем более что в этом безориентирном пространстве трудно о чем-нибудь догадаться, решил, перешли на новый курс, а Петя говорит – Вот видишь, из-за тебя обратно возвращаемся. Я очень растрогался и пилоты мою дурацкую улыбку приняли за знак благодарности. Короче говоря, развернулись и опять полетели по гусеничному следу, потом пролетели над

двумя тракторами, но почему-то никто не вышел и не помахал нам, хотя, стоящие на маршруте, обычно всегда поступают так. Один след уходил в сторону, видимо это были бурильщики, уехавшие на трех тракторах. Наверно, все пересели в один, которого мы не видим и работают где-то в стороне. В этом безграничном ледяном царстве эти два трактора выглядели жалкими, беззащитными, беспомощными. Видимо очень велики стремления человека, иначе, что ищет он, бродя в этих нелюдимых льдах.

По геофизическим данным, материковое основание Антарктиды образовано базальтами и гнейсами. На Западную и Восточную части материк делят хребет Антарктиды (Трансантарктические горы) и массив Королевы Мод. Горы Антарктического полуострова, вместе с горами Беллинсгаузена, Гамбурцева, Элсуэрта, Вернадского и Принца Чарльза в некоторых местах «высовывают» изо льдов вершины, изборожденные ветром, изломанные, в виде голых отвесных скал, на которых не задерживается снег. Эти, обнесенные глыбами обнаженные места здесь называют «оазисами». Их поверхность странно изломана и истрескана, потому что, несмотря на то, что Антарктида отличается высоким уровнем солнечной радиации, здесь также велика величина отражения солнечных лучей от снежной и ледяной поверхностей. В противовес этому на свободных от снега и льда, обнаженных местах, летом, когда температура воздуха все равно отрицательная, черная поверхность скал нагревается до плюс 36^oC, в расщелинах и впадинах собирается растаявшая вода, потом ночью, после захода солнца, вода опять замерзает, расширяется и разрывает скалы. Этим и объясняются странные формы и строение горных пород. Но обнаженные участки занимают менее 1% всей территории материка, остальная же его часть покрыта двух-трехкилометровой единой гладкой ледяной поверхностью. По форме континент похож на разрезанный пополам эллипс. От побережья к центру до расстояния в 150-200 километров высота сначала резко, а затем постепенно увеличивается и в геометрическом центре у полюса Недоступности достигает почти четырех километров. Покрывающий континент ледяной панцырь, медленно плывет от центра по всем направлениям, у побережья он откалывается айсбергами или льдинами. Средняя скорость сползания ледяного панцыря двадцать-двадцать пять метров в год, если же лед движется в желобе, это уже ледник и его скорость двести-семьсот метров в год. На этом безжизненном континенте почвы как таковой не существует, растения не растут и кроме гостящих на побережье пингинов, тюленей, буревестников и поморников, здесь не увидишь ни одной живой души, конечно кроме подобных нам, приезжих «пингинов».

На белом фоне очень далеко впереди появился синий, чистый океан – здесь ведь воздух исключительно безоблачен, чист и прозрачен, потом увидели темные пятна «Мирного» и огромное число разноцветных айсбергов в море.

Пролетели над станцией, сделали разворот над островом Хасуэль и приземлились на аэродроме со стороны моря.

15 февраля

Переполох, вызванный моим отлетом на «Восток», утих. Хотя я обижен на ребят из нашей группы (кроме Коли Марьинского) – сразу же, в день моего отлета, они доложили об этом директору обсерватории. Потом, когда я спросил их, почему они это сделали, ответили – Испугались, чтобы нам не влетело. Словами-то они так говорят, но смысл был в том, что думают иначе – мы здесь в «Мирном» по-второму и третьему разу, но попасть на «Восток» так ни разу и не смогли, а ты, кто-то, посмел и на собственный страх и риск сообразил и слетал. Это и дало, наверно, повод наябедничать, мол нарушил порядок и самовольно улетел.

К последствиям я был вполне готов и на собрании извинился перед начальником за проступок, все объяснил, сказал, что готов понести любое наказание и так, чтобы слышали наши, отметил, что вообще-то подхалимаж и эгоизм ничего хорошего человеку, тем более зимовщику, принести не могут, потом спросил начальника – Если бы попросил, отпустили? – Ты что, ни в коем случае – ответил он не задумываясь.

В подобной ситуации лучшее лекарство – работа, ну а такая работа, которая идет здесь уже третий день, не оставляет на раздумья ни минуты. Мы разделены на две бригады по двенадцать-пятнадцать человек, работаем по двенадцать часов, круглосуточно, днем или ночью не имеет значения, потому что солнце не садится. Два вертолета непрерывно подвозят грузы в ящиках, бочках и еще черт знает в чем, на каждом грузе стоит знак принадлежности – аэрологам, геофизикам, транспортникам, электростанции, мастерским или складу, куда идут все продукты питания, канцелярские и хозяйственные грузы. Кроме этого, отдельно приходят строительные грузы, среди них панельные и сборные дома, огромное число стройматериалов и грузы для «Востока», для чего созданы отдельные бригады из их людей.

Наша бригада заступает на работу в восемь часов вечера. Прилетит вертолет с подвешенным к нему в сетке двух-четырёхтонным грузом, мы налетаем, переносим и складываем все, на расположенный в ста метрах деревянный настил. Потом, до прилета следующего, перекладываем груз на большие сани и трактором отвозим к месту назначения. Когда возвращаемся назад, вертолет уже дважды успевает доставить новый груз, ну и опять сортировка, укладка на сани и так все двенадцать часов. Марьинского мы освободили от работы в бригаде, ему надо устанавливать локатор, там тоже много дел. Кончится перегрузка и мы тоже переместимся туда.

... не спится, на рассвете кончил читать последнюю часть «Философии разума» Гегеля и пришел к выводу: человечество спасет гармония, но для этого ему

необходимо создать единый язык и единую веру, замешанные на национальных традициях. Если подумать, то на осуществление этого необходимо не так много времени, как нам кажется, но это может произойти только после искоренения нищеты.

16 февраля

Сегодня утром разгрузка закончилась. Мы свободны, бригады распущены. Последним рейсом разгрузился «стратегический» груз – водка, шампанское, румынское вино и одна бочка спирта, все снесли в теплый склад и осторожно водворили на место. Кроме того внесли на склад огромное количество разнообразных высококачественных продуктов.

Завтра для членов предыдущей экспедиции последний день – кто не остается на сезон, переберется на корабль. В последние дни людей 19-ой экспедиции можно было легко отличить от нас по замасленной старой одежде, бледным лицам и приподнятому (вот что значит возвращение домой!) настроению.

Хорошо упаковал много писем и двенадцать рулонов пленки, до Ленинграда их довезет Миша Белов, потом почтой отправит их моим. Миша хороший, веселый, остроумный парень, зимовал на «Новолазаревской». Когда прибыл сменный радиоинженер, Миша не смог уплыть на корабле, он должен был ознакомить и научить людей работать на его локаторе. Учеба продлилась несколько дней и принесла плоды – наш радиоинженер Марьянский, ознакомившись с нюансами, остался доволен.

Нам же, нерадиоинженерам, уставшим от физического труда, партком предложил провести двухчасовые курсы партучебы и добавил: Это будет для вас лучшим отдыхом. Ну, что делать, ему же тоже надо выполнять свой план! Мы ответили ему ледяным отказом и предложили составить фиктивный протокол, записав в него все по своему усмотрению. Он что-то прогнусавил, но в результате все же согласился и отстал от нас. Ну и как же построят коммунизм строители коммунизма в руках таких парткомов!? – тут же промелькнула у меня непрошенная мысль – сейчас он составил один фиктивный протокол, завтра составит другой... и постепенно исчезнет вера в идею, особенно у последующих поколений, мы уже не в счет!

Поэтому старшее поколение постоянно должно заботиться об обучении и тренировке последующего поколения. Это обязательно! Как же иначе? Но главное в этом то, чтобы старания старшего поколения были оценены должным образом, так же как делает это мое поколение грузинских коммунистов по отношению к своим юнным комсомольцам, намного лучше и изысканнее, чем предыдущие поколения!

Однажды к нам в Гидрометуправление, которое курировало также и Противогорадовую службу, в одно дождливое утро позвонил один из самых

главных секретарей ЦК комсомола и категорически потребовал, чтобы всем подотделам нашей службы был отдан приказ, к трем часам дням развернуть все ракетные установки и пушки в сторону города Мцхета и разогнать, висящие над ним тяжелые грозовые тучи, так как намеченное на это время большое комсомольское мероприятие должен посетить первый секретарь ЦК партии и если будет дождь, он может промокнуть. Оставшись недовольным, полученным от меня холодным отказом, он все же спас своего отца и учителя от дождя раскрыв над ним зонт и бегая за ним с зонтом в руках пока тот не вернулся назад в свою машину. Разве не является это ярким примером благодарности младшего поколения благородному старшему за ранее проявленную заботу!!? Наступят времена, на рубеже столетий, когда благодарный комсомолец и его коллеги-патриоты станут у кормила власти независимой страны и не обделят благополучием ни себя, ни своих хозяев, ну и, если что останется, измученный, голодный народ. А потом нам уже не будет страшно, если эти силы сменятся их оппонентами – ведь и там многие из этой же плеяды! Все пока хорошо, но что же будет с нами, когда все они вымрут?

Помню я и то, что одного из них, будущего руководителя региона, поместили в психушку – на улице Амбиций, а его хозяин, уже глубокий старик, и поныне непрерывно крестится по поводу и без, так, на всякий случай.

17 февраля

Проводили старых, каждый знал, каким рейсом улетает на корабль, но все же все со своими пожитками заранее собрались на взлетной площадке. Была хорошая, теплая, безветренная погода. Экспедиционные мешки у всех заполнены до краев - увозят старую одежду и яйца пингвинов, красивые пестрые камни и собственноручно сделанные разнообразные сувениры, увозят потому, что все это очень дорого для них и, вероятно, со временем станет еще дороже. Многие, которых считал нашими, оказались из 19-ой экспедиции – понял это только перед их отъездом. В кают-компаниях нас обычно собиралось около двухсот человек, некоторые новые, некоторые старые, сезонники, моряки с «Оби» и «Визе», ну и пойми здесь кто есть кто. Наш сосед по коридору, начальник радиостанции Роман Ускатов, оказывается из старых, узнал только сегодня. Все прощаемся, они желают нам хорошую, безветренную зимовку, мы им – доброго пути. Отставшего Колю Яковлева еле втиснули на утренний рейс. Машем им на прощание и, наверно, все как и я жалею, ведь до нашего отлета еще целый год впереди. Но ничего, зато мы теперь все приведем в порядок и займемся своими делами, а до прибытия наших кораблей сблизимся, пообщаемся, помогая и поддерживая друг друга. Оба корабля прощаются с нами протяжными гудками. В ответ берег гложет от звука запускаемых ракет, видно у нас большой их запас. «Визе» берет курс домой, ну а «Обь» сначала зайдет в Новую Зеландию, потом завезет

зимовщиков на «Ленинградскую» и вернется к нам, чтобы оставить нам картофель, фрукты и соки и забрать оставшихся сезонников.

22 февраля

Сегодня на тракторах свезли последний груз на склад. Попросил тракториста пустить меня к рулю, он подвинулся, уступил мне свое место, объяснил, как надо управлять и я тронул машину с места, оказывается управлять этой громадиной не очень сложно, довольный, я через пару километров уступил место хозяину.

Вечером спустился к пилотам, мы попрощались. Завтра они окончательно улетают на «Молодежную», оставят там самолеты, а сами переберутся на корабль. Здесь они закончили все свои дела, а, главное, переправили на «Восток» весь груз.

25 февраля

Корабли ушли и у строителей, наконец, появилось время и для нас. Вчера и сегодня ставим на антенну локатора огромную трехметровую пластмассовую сферу. Вскрыли большой ящик и подняли веревками на крышу сегменты сферы, там соединили их попарно и стали устанавливать вокруг антенны, ну и трудное это оказалось дело, почти ни одно отверстие не совпало, на железной подставке просверлили около двухсот новых отверстий и закрепили сегменты гайками. Как будто не очень сложное было дело, но мы всемером потратили на это полных два дня. Хорошо хоть не поднялся сильный ветер, иначе все сдуло бы вниз. Ну а теперь ни нашей антенне, ни Марьинскому ветры уже не страшны.

Верные друзья, голубоглазый, добрый, похожий на мальчишку Миша Королев и длиннородый улыбчивый Вася Отисков, которые всегда вместе гуляют, едят и пьют, оказались к тому же еще и отличными работягами, если бы не они наши дела могли пойти совсем иначе.

28 февраля

Монтажные работы на локаторе в основном окончены, осталось почистить блоки, протестировать, заменить радиолампы и настроить локатор. Но это тоже не очень простое дело, так как локатор два года валялся в снегу и, несмотря на то, что был очень хорошо упакован, ветер все-таки кое-где забил в ящики снег и детали в некоторых местах покрылись ржавчиной. Вчера из морены подняли три различных кабеля длиной по двести метров каждый, необходимо провести радио-, электро- и телевизионную линии к газогенераторной и преобразовательной. Этим мы занимаемся после окончания оперативных дел, хорошо хоть еще старых аэрологов оставили на сезон, иначе нам было бы очень трудно.

Радиозондирование производится дважды в сутки - в пять часов утра и вечера, график дежурств очень прост, так как вместо четверых, мы работаем всемером. Сегодня дул средний ветер – двадцать метров в секунду. Два кабеля протащили через пятидесятиметровую трубу и проложили до здания старой радиостанции, там нам выделили одну небольшую комнату, где мы поставим преобразователь, правда пока не представляю, как можно внести наш крупногабаритный преобразователь в такую маленькую комнату. А пока, чтобы включить и испытать локатор, поставили преобразователь прямо под открытым небом перед зданием.

Тут со мной приключился забавный случай! Я залез под дом, чтобы подать Комарову снизу через отверстие в полу концы кабелей – подал ему один из двух кабелей, чтобы он укрепил его, потом потянулся за вторым..., а его нет, исчез! Присел и задумался, начал вспоминать – концы обоих кабелей точно были здесь, один я подал Комарову, а второго точно нету, его среднюю часть вижу в десяти-пятнадцати метрах от себя, а конца нет, но пока не спешу искать его, все еще размышляю – действительно был ли здесь второй конец или мне это просто померещилось? Может кто-нибудь его оттянул, но ведь поблизости никого же нет! Встал, подошел, конец кабеля лежит в снегу, по следу видно, что лежит неподвижно. Вновь начинаю все вспоминать, точно помню, что оба конца были у меня. Такое происходит со мной впервые, никак не могу установить причину этого. Продолжаю работать, а в мыслях все вертится, как это могло произойти, я же ясно помню высунутый конец кабеля! Видно очень уж мне хотелось, чтобы он был там.

Строители заканчивают сборку панельного дома, спешат, работают по двенадцать часов, надо до начала сильных ветров успеть окончить наружные работы. Потом они должны собрать наш павильон. И геофизики полностью зарыты в свои дела – переносят павильон и аппаратуру, добавляют новую. Транспортники в экспедиции. В механическом цеху многолюдно, всем срочно необходимо что-то выточить, высверлить, приварить, механики не успевают выполнять все заказы и поэтому заказчики сами стараются по возможности делать то, что могут. Я сделал каркас электрощита – почти нормально; Слесаренко – согнул и нарезал трубы; без дела только врач Протосеня, второй врач в экспедиции – поваром-врачем, а он помогает водовозам перевозить воду трактором. Сегодня закончился и второй месяц этого года.

1 марта

Мы, несколько человек, допоздна задержались в кают-компании, тут заходит механик подъемного крана Алик Хлопачев, кажется самый сильный из нас, всегда улыбающийся, тридцатипятилетний молодой парень и говорит – идемте, то что я вам покажу, вы еще никогда не видели! Облачившись в куртки, вышли наружу.

О, диво! Луна, опирающаяся на океанский горизонт, и, чтобы не соврать, раз в десять больше обычного размера, сияла в центре бордовым, красным, потом алым светом! Ближайшие окрестности освещались ею такими же, только более легкими тонами, а дальние переходили в сине-голубые цвета. В эти минуты невозможно было даже представить себе большей красоты – величественная, красивая – очень красивая и никогда невиданная, прекрасная картина. Даже только ради того, чтобы просто увидеть эту красоту, стоит человеку приехать в Антарктиду. Потом, когда возвратились домой, я еще долго стоял оцепенев на балконе и не мог оторваться от этой красоты. Подобное по грандиозности впечатление я испытал уже однажды на вершине Казбека. При втором или третьем моем восхождении, при идеальной, безоблачной погоде (что на Казбеке бывает очень редко) южный горизонт ясно просматривался до самого Тбилиси. Среди белых скал и коричневых гор постепенно нежно таяла зеленая долина и в конце, у самого Тбилиси, сливалась с голубым небом.

3 марта

С утра протянули на эстакаде еще один кабель, от локатора к старому дому радиста. Затем, под руководством наших строителей Миши Королева и Васи Отискова, в одной стене электропилой вырезали огромное отверстие – два на два метра, преобразователь трактором подтащили к этому отверстию, потом стараниями пятнадцати человек втянули его в комнату, вырезанную стену опять приставили к отверстию и «пришили». В шутках, смехе, а, главное, в работе незаметно пролетело время до семи часов и уставшие, но довольные мы пошли ужинать.

После ужина предложили посмотреть фильм Отара Иоселиани «Жил певчий дрозд», зная, что большинству он понравится, я заранее настроился на приятное. Фильм только начинался, когда мы услышали крик – Горит семнадцатый дом! Все выскочили наружу. Из угла, расположенного в семистах метрах от нас, дома валил дым. Изо всех сил побежал вместе со всеми и вспомнил, рассказанный кем-то случай, когда пожар в 5-ой экспедиции унес жизни семи зимовщиков.

Наконец добежали – уже почти обессиленные два человека, засыпают огонь снегом. Побежали за огнетушителями в близлежащие дома, оставшиеся чем попало под руки набирают снег и стараются потушить им огонь, тут и мы подоспели с огнетушителями, но приостановить пожар уже не удастся.

Само здание довольно глубоко, почти на четыре метра затянута в лед. На чердаке устроены комнаты, в которых расположены магнитометрическая и ионосферная лаборатории, на крыше установлено приемно-передающее и следящее устройство. Крыша от силы на метр выступает над поверхностью снега. Само здание построено из спрессованных из картона, опилок и досок, панелей, крыша же – алюминиевая. Как вообще в Антарктиде, так и здесь все

материалы так обезвожены, что одной спичкой свободно можно поджечь пень. Поэтому огонь в мгновение ока раздулся так, что еще до приезда трактора с водяным баком и бульдозера две трети крыши уже было охвачено сильным огнем. Как только прибежали, мы первым делом установили, что людей в доме нет, но видели, что горела дорогая аппаратура, мебель, результаты наблюдений, личные вещи, поэтому не щадя себя бросились спасать все, что только могли. Липов кричит – Может сможем спасти хотя бы установленную на крыше фотоаппаратуру. Быстро влез на крышу, начал откручивать гайки, уже сделал почти полдела, когда подняли крик – Скорей спускайся, крыша рушится - и стащили меня вниз. Тем временем, перерезали подведенный к дому электрокабель, включили компрессор и пожарным гигантом начали подавать воду, и бульдозер непрерывно засыпал дом снегом, и люди старались во всю силу не жалея себя, но уже становилось ясно, что спасти дом никак не удастся, так как ветер усилился и все наше самоотверженное старание свел на нуль. Но еще долго мы старались сделать, что могли, ветер же не отставал. Потом крыша провалилась, оказалось, что горело и среднее перекрытие, и вода кончилась, и мы остановились, в конце сдался и бульдозер. Люди оказались бессильны перед стихией.

... Виталий Казарин, уже перешагнувший свое пятидесятилетие опытный зимовщик, начальник группы геофизиков, в тот вечер дежурил в столовой. После ужина перемыл посуду, подмел кают-компанию, все прибрал и уставший пошел домой... на счастье Липова!

Потом рассказывает – Когда вы звали меня в кино, честно говоря, хотел остаться, но сердце почему-то потянуло домой. У входа его встретил дым, заскочил в дом, но причину задымления установить не смог, оббежал комнаты и в одной наткнулся на спящего Липова. Выскочили из дома, снаружи горит один угол здания, а внутри только дым коромыслом, телефон оказывается не работал. Сначала решили, пока кого-нибудь дозовутся попробовать самим погасить огонь, когда поняли, что ничего не выходит, один бросился в соседний дом и сообщил об обрушившейся на их голову беде.

У Липова, оказывается, ночью отказала аппаратура, он ее чинил всю ночь и еще полдня, уставший так крепко заснул, что даже проспал ужин.

Случившееся всем страшно испортило настроение, потом начались совещания и горячие споры о возможных причинах пожара, о принятых и не принятых противопожарных мерах, спорили, обсуждали, горячились и успокаивали друг друга. В конце усталость пересилила, спор прекратился и все пришли к единному мнению, что в Антарктиде одно из страшнейших явлений – это пожар.

9 марта

Сегодня 9 марта – для кого-то важное значение имеет 9 мая, для кого-то – 9 апреля. Для меня и моего поколения 9 марта 1956 года важно, потому, что эта страшная ночь, которой предшествовали пять дней непрерывных выступлений с декламированием стихов и требований, закончилась ужасной трагедией.

Не безликая толпа, а благородные, 15-20-летние девушки и парни атаковали здание телеграфа на проспекте Руставели и получили от властей адекватное. Со стороны входа в здание, окон и крыш близлежащих домов началась стрельба по ним бойцов Красной армии...

- Не бойтесь, они стреляют „холосгыми“! Не отступайте! - кричали люди, толкая, крепко напирая и прижимаясь к стоящим впереди, придавленным к лестничному входу. Потом кто-то крикнул - Разрывными пулями стреляют! Ложитесь! Тут ужас овладел всеми и люди бросились на землю. Мы с Нодаром Экизашвили оказались в середине проспекта прямо перед зданием, позади нас стоял троллейбус, полный пассажиров.

Люди в панике бросились на землю и мы вместе с ними, но, так как лежащему требуется больше места, чем стоящему, мы с Нодаром оказались под троллейбусом, а так как стрельба продолжалась, мы были рады, что находимся как бы в бункере. Вдруг троллейбус тронулся и его задние колеса оказались в нескольких десятках сантиметров от Нодариной годовы и она лопнула бы как тыква, если бы не крики людей, остановивших троллейбус.

Мы ползком вылезли из-под троллейбуса и под его прикрытием отступили к Александровскому саду. Выстрелы постепенно начали редеть и все, кто был в состоянии, кинулись с поля брани, но некоторые, особенно находившиеся на лестнице перед входом в здание телеграфа, не шевелились и тут мой мозг прорезала ужасающая мысль – они мертвы...

Потом мы присоединились к группе людей, которая осадила начальника городской милиции Дзлиеришвили, требуя у него оружие. Его отеческий тон не помог и не успокоил нас и мы начали искать оружие сами, но искали зря, чего не было, того не было.

Затем прошли немного вправо, в сторону гостиницы «Интурист». Кто-то крикнул - Кто умеет водить автомобиль? Мы, как большие автомобильные „специалисты“ откликнулись, лимузин «ЗИЛ» стоял с открытыми четырьмя дверцами, с сидящими внутри людьми. Нодар сел за руль, я – рядом, но посмотрев на заднее сидение и увидев там несколько мертвецов, в том числе одного с раскроенной головой залитой мозгами, мы от ужаса, почувствовав себя плохо, срочно ретировались – правда я еще долго не мог одолеть рвоту.

Возбужденные мы вбежали в гостиницу «Интурист». В вестибюле отеля русский солидный мужчина в гражданском, говорил по телефону. Вернее не говорил, а кричал - Ругаясь матом и призывая к прекращению огня, объясняя кому-то, что уже и так погибли сотни людей... Кто-то из наших предложил – Давайте-ка приклепнем этого „кагэбэшника“, но большинство, в том числе и мы с Нодаром, были категорически против.

Вскоре вместе с остальными мы двинулись в сторону Дома правительства и оказались около кинотеатра Руставели. Напротив, перед фасадом здания Дома правительства, плотной шеренгой стояли автоматчики, а через каждые пять метров пулеметчики и пулеметы у них были совсем не такие, какие мы привыкли видеть в кино, а большие, тяжелые, длинноствольные и грозные.

Вдруг видим – какой-то парень подкрался со стороны улицы Читадзе к углу фасада здания, стащил оставленный там кем-то без присмотра пулемет с патронами и мигом оказался среди нас – Давайте потащим пулемет на верхний этаж и оттуда поведем огонь - предложил один «стратег» свой стратегический план и в тот же миг кто-то разбил стекло входных дверей и кто-то крикнул - Кто умеет стрелять? Не успели мы зажать ладонью ему рот, как отозвался наш Резо Джанджгава - Я умею, я служил в армии - и кинулся к пулемету. Оттащив Резо, мы уверили организаторов, что он врет. Только чуть успокоились, как подал голос второй, еще более важный «стратег» – Этот план в данном случае не подходит, так как в ответ на наши выстрелы, нас в один миг выбьют отсюда минометным огнем и жертв будет еще больше. Мы-то были возбужденны и жаждали справедливости, но, на фоне увиденного, инстинкт самосохранения сработал у каждого из нас и мы срочно избавились от пулемета, сбросив его через барьер зала, но кто-то под шумок все же успел забрать патроны.

Затем началась периодическая стрельба с противоположной стороны улицы. Начинается стрельба и все мы врассыпную бросаемся наутек вниз по улице, после прекращения огня, медленно возвращаемся обратно – и снова, и снова. Особенно боялись мы трассирующих пуль, летящих с крыш расположенных вокруг зданий, возможно потому, что ясно был виден красный след их полета.

Наконец, сильно устав от беготни и переживаний, мы под утро разошлись по домам, условившись с друзьями, что на следующий день соберемся вновь.

На второй день люди начали собираться в начале проспекта Руставели от площади Ленина до Дома правительства. На митинге было много различных предложений, некоторые типы предлагали что-то от чистого сердца, а некоторые явно по заданию - таких хватало и в предыдущие дни у памятника Сталина, но оскорбленный народ – почти все без исключения – соглашался уже на все:

- Пошлем жалобу в ООН ;
- Пригласим Молотова;
- Сообщим другим союзным республикам и они придут нам на помощь;
- Срочно вызовем солдат из кутаисского полка, состоящего из грузин (в тот же день были расформированы абсолютно все полки, состоящие в основном из национальных меньшинств во всех союзных республиках)
- Срочно сообщим китайцам и они пришлют войска:
- Давайте пойдем в ЦК и поговорим с самым главным - с Мжаванадзе...

Требовали ту часть красно-желтой интеллигенции, которая голову клала за Сталина, а теперь прячется в кустах

Из этих и других требований, два полностью были выполнены – в Гори действительно поехала часть людей и, что самое главное, оттуда прибыли, стоящие на покрытом ковром открытом грузовике Ленин и Сталин, неподвижные и онемевшие, с кепкой и трубкой в одной руке, и с другой рукой, просунутой в жилет и китель. С полудня до полуночи, за один день до трагедии, принимая самые горячие одобрения, актеры объехали на грузовике все главные улицы города и потом, уставшие от стояния на ногах, выкриков и оваций, разошлись по домам.

Третье требование – о направлении телеграмм из здания телеграфа – тоже было удовлетворено, хотя все чувствовали и знали, что эта история может закончиться только трагедией и действительно так и закончилась... видно кому-то не хватило трех-четырёх десятков человеческих смертей!

На следующий день, люди удовлетворили желание еще одного «стратега» - о посещении Мжаванадзе и направились по улице Читадзе в сторону здания Центрального Комитета компартии. Переполненная людьми улица, требовала выступления Мжаванадзе. Спустя долгое время на крики людей откликнулся один из высокопоставленных чиновников, вышел на балкон над подъездом, взмахнул руками и начал толкать речь. Он-то начал, но люди не дали ему возможности высказаться, требуя Мжаванадзе и он срочно исчез с балкона.

Вскоре на балконе появился сам Мжаванадзе и грянули аплодисменты. Он так-же поднял руки и начал по-русски. Начал, но люди и ему не дали возможности говорить, требуя от него выступления на грузинском. Наконец Мжаванадзе исполнил нашу мечту и начал говорить по-грузински, с гурийским акцентом, прося нас успокоиться и разойтись по домам – но разве мы были готовы идти домой?

Напротив, новые лозунги ожидали нас и они не заставили себя долго ждать – один верзила вскочил на забор, привлек внимание людей, которые уже не слушали Мжаванадзе и призвал всех нас – поехать в Крцаниси – в резиденцию для приема государственных гостей - к Джу-Де – он то нам непременно поможет!

Джу-Де - насколько я помню, в то время китайский министр обороны и заместитель председателя правительства, в конце своего визита в СССР, прибыл в Грузию, для заключительной, хлебосольной его части (как обычно поступали всегда и другие высокопоставленные партийные гости) и попал в эту суматоху совершенно случайно.

Суть призыва, возможно, заключалась в том, что у нас появилась последняя возможность установить контакт с другом Сталина и Советского Союза, с Мао Дзе Дуновским Китаем и, как мы все тогда думали, это был последний шанс для всеми забытой Грузии быть хотя бы кем-то понятой!

И это предложение, как и предыдущие, тоже понравилось народу и он двинулся к площади Ленина. На площади начался беспредел... останавливали все большие машины - автобусы, грузовые и иные габаритные машины. Часть водителей без слов переходила на сторону народа, транспорт разворачивался в сторону резиденции и сразу набивался людьми. Некоторые из водителей отказывались подчиняться и тогда начинались опросы – Кто умеет управлять автомобилем? Обычно таких оказывалось более чем достаточно и транспорт тут же укомплектовывался водителем и пассажирами. Как только набралось 20-30 машин, они по чьему-то приказу двинулись к резиденции Джу-Де.

У Ортачалы колонна почему-то остановилась, пошли вперед, выяснить – кто мешает движению. Оказалось, что два десятка военных машин перекрыли улицу, а перед ними выстроились безоружные солдаты. Другого пути не оставалось, началась драка. Многим из солдат досталось и кулаками и ногами, затем в солдат полетели камни, а когда их интенсивность увеличилась, солдаты начали в попытках свертываться и бежать.

Я, кажется, слишком продвинулся вперед и предназначенный для солдат камень попал мне в годову – попал и свалил меня на землю. Пришел я в себя по дороге в находящуюся рядом поликлинику. Раздвинув других пациентов, друзья уложили меня на стол. Испуганные врачи срочно сделали мне укол, наложили швы и попросили какое-то время не шевелиться. Потом для регистрации спросили мою фамилию и тут поднялся страшный шум – Как смеете спрашивать его фамилию, вы же знаете какие могут быть последствия! И не оставили меня там.

Шедшие перед нами люди продолжали путь в Крцаниси и желание моих друзей присоединится к ним было насколько велико, что они не обратили ни

малейшего внимания на просьбу отвести меня домой. И вот в окровавленной одежде, с забинтованной головой, оглушенного, поддерживаемого по бокам выставили они меня вперед и все мы приступили к подъему по пути к правительственной резиденции.

Территория резиденции была набита большим количеством людей и почти полностью вытоптана. Видя мое состояние, люди уступали нам дорогу. Шедшие впереди Демур Русадзе и Нодар Бакрадзе кричали – Подпустите нас к Джу-Де - мы знаем что ему сказать... Вдруг, поддерживающему меня Нодару Экизашвили, кто-то сунул в руки алый флаг с длинным древком, и он, предпочитая флаг, бросил меня и крепко, двумя руками ухватила за него. Пройдя какое-то расстояние, мы оказались перед входом в коттедж, где, видимо, проживал Джу-Де. В течение всего этого времени и до нашего прихода, люди в один голос, непрерывно кричали – Джу-Де, Джу-Де, Джу-Де и требовали встречу с ним.

Народ-то требовал, но Джу-Де не было видно. Перед закрытым подъездом стоял десяток грузинских верзил-профессионалов в галстуках. Среди их начальства кто-то узнал Георгадзе, который за усердие до или после этих событий был выдвинут на высокую должность в Москве, и он твердым голосом сообщил нам, что Джу-Де здесь уже нет - утром он улетел в Москву.

И вот, Нодар со своим большим и алым флагом оказался прямо перед Георгадзе и вместе с другими стал наступать на охранников, чтобы прорваться и проверить наличие или отсутствие в коттедже Джу-Де. Долгое время толкались, особенно Нодар с большим флагом и Георгадзе и в конце сказал Георгадзе Нодару – Я коммунист, здесь умру как коммунист, но не пропущу!

Вот-вот Нодар и стоящие рядом с ним, должны были, этому пламенному коммунисту надеть на голову его коммунистические убеждения, как открылась дверь балкона второго этажа и там появился один низкорослый, узкоглазый человек. Его появление вызвало такую бурю оваций, что только воскрешение Сталина могло вызвать подобное – тем более, что и он был выряжен в китель.

Нам не понравилось, что когда Джу-Де своим низким голосом говорил длинные фразы, его русский переводчик переводил короткими фразами – не понравилось потому, что он не переводил те благоухающие слова, которые мы хотели слышать. Постепенно возросло недовольство и кто-то вновь выдвинул предложение, на этот раз уже последнее – Люди, кто знает китайский язык проходи вперед к нам! Не нужен нам этот переводчик, он не все переводит и как видно обманывает нас – мол успокойтесь и расходитесь по домам! Правильно, правильно – заволновался Народ и стал искать среди грузинских чиновников знатоков китайского языка, но увы, таких не оказалось ни среди них, ни среди народа...

В скором времени и Джу-Де устал и Народ начал постепенно расходиться, с той уверенностью, что нет на свете ни одной живой души, которая пришла бы на помощь этому несчастному и беспомощному Народу!

12 марта

Прошло тридцать шесть дней и в полдень 8 марта вернулась транспортная экспедиция. Мы смотрели в сторону южного горизонта и искали черные точки на белом фоне. Потом вместо точек задымилось небо. Они шли вереницей, до нас им надо было идти еще не менее двух часов. Наконец, остановились на морене, отцепили сани и опять вереницей тронулись к домам. По мере приближения, увеличивалось число запускаемых нами ракет – восемь человек стреляло из револьверов, один из специального ружья, один из самодельной трубки! «Фотокорреспондентов» было уйма, я тоже снимал.

Наконец, транспорт, прошедший 2500 километров, приблизился, они с веселыми и счастливыми лицами издали махали нам, потом все тракторы скопом остановились около первого дома и из кабин начали выходить люди.

Почти не припоминаю, чтобы я так ошибался, чтобы мое представление о чем-то и действительность так различались. Я представлял, что выйдут уставшие, бородатые, изменившиеся люди. Но чтобы такие? Во-первых, очень трудно оказалось опознать их, они были совершенно другими. Одежда на них совсем черная, полностью вымазанная в мазуте, изодранная. Оказывается с одеждой можно обходиться и так, когда ее состояние тебя совершенно не волнует и от нее требуется лишь, чтобы она согревала тебя и днем и ночью, во сне и на работе, в тракторе и около трактора. Во-вторых, отросшие и слипшиеся от грязи волосы и бороды. В-третьих, осунувшиеся, измученные и счастливые лица.

Я тоже сердечно был рад за них, что наконец-то окончилось это их мучение. Были объятия и поцелуи, приветствия, долгие рукопожатия, русские хлеб и соль на белой скатерти и хлопанье пробками шампанского.

Потом оказалось, что для нескольких человек почему-то не было определено место проживания и я с большим удовольствием уступил двоим из них часть моей пятнадцатиметровой комнаты, тут же нашли «лежанки», матрасы и одну простыню. Ужин немного припозднился и они в веселом настроении вошли в комнату. Хотя водка и придавала их лицам здоровый цвет, следы усталости все же были заметны. Борис Кудряшов, перешагнувший сорокалетие, профессор Ленинградского горного института, и Юра Мураев, который работает в том же институте инженером. Боря впервые в Антарктиде, а Юра уже раз зимовал на «Востоке».

Сложилась интересная ситуация, когда и им хочется рассказывать, и мне – слушать. Во-первых, меня очень волнуют и интересуют проблемы, связанные

с продолжительными работами на морозе, особенно руки, тем более, что бывают ситуации, когда работать в перчатках просто невозможно и их надо обязательно снять; как действует на человека постоянное колебание трактора, причем такое, что каждую минуту возможно свалиться со стула или кровати, невозможность чтения во время движения; как решается проблема туалета и удаления грязи; и еще – где были, какие работы выполнили, где и что у них портилось, какие качества и слабости характера людей, незаметные в обычных условиях, дали о себе знать и так далее, и тому подобное.

2 февраля группа из двенадцати машин – три «Харьковчанки» (№№ 21, 22, 23) и девять тракторов «АТТ» (№№ 40, 52, 64, 70, 71, 72, 73, 74, 77) с десятью грузовыми (по двадцать тонн топлива на каждом), одним жилым и одним кухонным прицепом со скоростью три-пять километров в час двинулась на юг, вглубь континента. Цель была тройная: главная группа должна была достичь «Комсомольскую» и оставить там топливо, чтобы облегчить дело тем, кто в начале будущего лета пойдет на «Восток»; Кудряшов на станции «Восток-1» (в 250 километрах от «Комсомольской») по своей программе должен был провести бурение; Шалыгин со своей группой должен был свернуть с маршрута и продолжить программу ежегодных радиоизмерений толщины льда.

После хорошей погоды первых двух дней, она вдруг испортилась, подул сильный ветер, стало еще холодней. На семьдесят седьмом километре старый трактор №72, надежды на который и так было мало, остановился, его оставили, а прицеп перецепили на другой трактор. Шура Федотов, молодой, веселый парень, остался не у дел. На сто тридцать пятом километре «умер» и №77. Оставили и его вместе со своим уже пустым прицепом, так как по дороге тракторы успели «проглотить» загруженное в него топливо.

Из-за крутого подъема, первые сто километров тракторы двигались с большим трудом, шли только на первой скорости. Потом Шалыгин ушел в сторону и прихватил с собой повара, оставшейся большой группе еду готовили врач и Шура.

Часто ломались гусеничные оси, а их ремонт – сплошное мучение.

... Шура, который в жилом прицепе обычно бездельничал и пытался читать, однажды решил затопить печку на «солярке» - может обледенелую комнату протоплю да и косточки немного прогрею. Оказывается печка была дырявая и «солярка» капала на пол, он это заметил, когда пол уже загорелся. Вскочил, воды нет, стал тушить руками и одеждой, потом накрыл каким-то паласом, ничего не помогает, комната вся прокоптелась. Выскочил, догнал трактор, остановились, огнетушителями и сами ошпарились и огонь потушили, кое-что из одежды все же сгорело, комнату почистили, лишнее выбросили и после этого таких печек больше не зажигали.

Водитель, после двенадцати-четырнадцатичасового сидения у руля, страшно устает, в результате чего могут возникнуть непредвиденные обстоятельства – трактор Коли Назарова был сцеплен с передним и они оба тянули спаренный прицеп. Первый решил остановиться. Остановился, глядит – Колин трактор не останавливается, приближается, вот-вот столкнется с ним. Первый проедет еще вперед, остановится, а этот опять наталкивается на него. Так мучаясь какое-то время догнали №22, в неслыханном грохоте, проезжая мимо него, первый знаками показывает №22-у – Скажите ему, чтобы остановился! Глядят, а Коля спокойно сидит в черных очках и ... спит.

Тем временем прошли «Пионерскую» и подошли к «Востоку-1». Кудряшов, Мусаев, Сахаров и два водителя, Шура Федотов и Смирнов, остались для проведения буровых работ.

Руководитель экспедиции Лебедев, прославленный полярник, побывавший в Антарктиде уже пять раз, энергичный, серьезный и остроумный человек, с остальным транспортом продолжил путь вперед до «Комсомольской». Этот человек установил скоростной рекорд при передвижении в Антарктиде на тракторах и сейчас он обещал оставшимся вернуться через пять дней. Все подумали – Это просто невозможно! Но оказалось, что инженер-изобретатель Харьковского тракторного завода хорошо знает свое дело – за пять дней они прошли пятьсот километров, оставили там три трактора, полные топлива три прицепа и 23 февраля, всем на удивление, вернулись на «Восток-1». Они так отметили это событие, что на следующий день были ни на что не способны.

Возвращаться было легче, на спуске с пустыми прицепами можно развить большую скорость, труднее тем, у прицепа которых поломался жесткий соединитель и он привязан к трактору тросом, на некоторых участках прицеп так разгоняется, что наталкивается сзади на трактор, тогда тот должен прибавлять скорость, иначе могут пострадать гусеницы и придется опять работать на морозе ... Две машины Кудряшова остались еще на один день, чтобы докончить работу. Они пробурили две стометровые скважины, собрали керны и срочно бросились догонять основную группу. По дороге один трактор испортился, не заводился, прицепили его ко второму, скорость снизилась, а таким ходом догнать основную группу было невозможно. Установить радиосвязь на расстоянии более двадцати пяти километров было нельзя, а они были еще дальше, попытались связаться по азбуке Морзе, но единственный радист Володя Белокуров, который был впереди, не смог ничего разобрать. Решили, что через два-три дня в основной группе поймут, что наши дела не очень хороши и вернутся. Но на третий день случилось чудо, когда ночью они чуть не натолкнулись на тракторы! Оказалось, что и у основной группы испортился трактор и они остановились. По дороге к «Пионерской» к ним присоединилась и группа Шалыгина, они провели все запланированные измерения. Мой партнер по шахматам и волейболу, Слава

Чечуров, молодой научный сотрудник Московского института магнетизма Земли, для испытания установил на маршруте несколько автоматических станций, его группа и институт надеются что станции проработают весь год и к будущему году они получают готовые материалы.

Потом все они вместе двинулись назад. И вот однажды они наткнулись на одиноко стоящий прицеп и, что сделали? – конечно же подцепили его и продолжили путь, проехали уже больше километра и видят гонится за ними трактор без прицепа, пролетел мимо каравана, а потом заметил, что они тащат его прицеп, оказывается он так проехал этот километр, что даже не заметил потерю прицепа.

В конце маршрута, на семидесятом километре, поднялся такой сильный попутный ветер, что ничего не было видно, ветер нес вперед такую снежную пыль, что видимость упала до нуля. Поэтому пришлось сделать вынужденную однодневную остановку.

В два часа ночи Лебедев будит всех – Быстро поднимайтесь, трогаемся, Ефимов говорит ветер скоро уляжется – и, действительно, пока собирались, прогревали газовыми горелками двигатели, ветер стих. Все очень удивились, когда Славино пророчество сбылось. Вообще Славу здесь полюбили все: умный и трудолюбивый, он ежедневно, невзирая на погоду, по три-четыре часа проводил наблюдения снаружи, много помогал и механикам, в результате вернулся с обмороженными щеками.

Экспедиция, в составе двадцати пяти человек, закончилась благополучно. Программу выполнили полностью и, несмотря на задержку при отправлении, вернулись вовремя. Из двухсот тонн топлива на «Комсомольскую» доставили шестьдесят, остальное понадобилось на маршруте самим. Успеху экспедиции способствовала лебедевская техника. Обычно путешественники ночью спят, а передвигаются днем, но из-за низких температур, прогрев двигателей утром, тем более в глубине континента, затруднен, а иногда вообще невозможен. Лебедев, в глубине континента, поменял режим – днем спали, а вечером, не дожидаясь сильного падения температуры, начинали движение.

Сегодня мои гости весь день собирались, а вечером вертолетом перебрались на «Обь», счастливые, что уезжают. С Юрой передал моим письма и пленки – Просить не надо, не волнуйся, перешлю их твоим сразу по приезде. С обоими обменялся адресами и телефонами, хорошие ребята, умные, веселые, правда схожесть их характеров мешает им в сближении и мне бывало смешно, когда при отсутствии одного, другой начинал говорить о странностях характера первого.

14 марта

Вчера подсчитал, до девяти часов утра, я четыре раза поменял одежду: встал в

половине шестого, оделся по-домашнему, умылся, подготовил радиозонд; переделся в кожаные брюки, джемпер, обул сапоги и пошел в газогенераторную; вернулся, опять переделся, через два часа передали на «Молодежную» телетайпом данные, опять переделся; пошел завтракать, позавтракав вернулся и опять переделся, решил немного поспать; тут нас позвали – надо помочь строителям и я опять переделся. Смешно, а ведь многие мои коллеги как облачатся с утра в кожаные брюки и сапоги, так и ходят в них до ночи. Никогда не любил и не носил сапоги, особенно такие теплые и тяжелые, но ко всему надо привыкать!

Вечером состоялся большой банкет, отмечали день открытия обсерватории. Были, фактически, только мы, старые уже все перебрались на корабль, был только один гость, капитан танкера «Геленджик». Стол был красиво и очень вкусно сервирован, была конечно и выпивка – вино, шампанское, водка, коньяк, правда все это в ограниченном количестве. Сначала все было чинно и спокойно, ясные и короткие тосты. Потом когда все смешалось, ребята попросили – ты же грузин, скажи нам хороший грузинский тост – и я предложил выпить за любовь, причем в тот момент, всё до тех пор бессистемно вертящееся в голове, уложилось в одну цепочку. Ребятам, хотя и были они слегка подвыпившие, понравилось, честно говоря, я и сам остался доволен и сейчас постараюсь его восстановить ...

... Понятно, что все живое воспевают любовь. Что такое любовь так или иначе тоже известно, но я постараюсь по-своему объяснить почему это чувство имеет такую силу и тост мой посвящу этому – и начал:

Любовь это особое чувство, и она, если не на две, то на одну голову уж точно выше всех остальных чувств (хотя для некоторых стяжательство более высокого ранга), когда Бог – создатель и вершитель судеб Вселенной – окончил её формирование, он приступил к оживлению некоторых её систем, но все это без чувства любви. Наконец очередь дошла до Солнечной системы, пришлось ему по сердцу для этого наша Земля и выбрал он для оживления на ней объекты – все существа, начиная с одноклеточных, кончая человеком. Все просчитал до мелочей и в конце, так как пространство и объект были выбраны, начал подбирать время. Решил отпустить для жизни бесконечность, но засомневался, что люди (других это не касалось) из-за бессмертия, бесконечное свое время будут использовать нерационально, а часто и злонамеренно – обленятся, сопьются, не будут уступать другим привилегий, жизнь им надоест – одним словом выродутся (знал же он с кем имеет дело) и решил он разбить жизнь на мельчайшие частицы. Он создал и тут же убил человека и другие живые существа, взамен тут же создал подобных им и их тоже убил, потом еще, и еще, и еще, ... и так он это бесконечное число точек уложил в ту длинную цепь, которая представляет собой свое бесконечное повторение, подразумевающее свое бесконечное возрождение или

преемственность непрерывного перерождения. Закончив это, задумался над тем механизмом, которым удалось бы скрепить эти точки так, чтобы их цепочку невозможно было разорвать. Думал, думал и придумал ... любовь – нечто исполинское, исключительное по силе и значению, к тому же, зная, что за эгоистичное существо человек, скрыл от него функцию размножения, сказав – Я придумал для тебя сексразвлечение. Вот с тех пор и стал человек жить развлекаясь и, параллельно рожая детей и не прерывая цепочку жизни. Потом, когда у человека увеличился объем мозга, начал он сам создавать производные той, главной, любви – любовь к родителям, детям, ближним и врагам, так появилось добро и живет теперь человек безопасно и безмятежно.

А вот любовь к Родине, это не производное чувство, а божеский дар, это было задумано Богом уже в самом начале созидания. С момента возникновения человека и остальных живых существ им надо было пошевелить рукой (лапой, плавником, крылом, ластом), чтобы прокормить лишь себя и своих крошечных детей, вначале так они и поступали, не конкурируя и не мешая друг другу. Но когда размножились, стало им тесно и все стали присваивать себе территории – волки, птицы, скот, собаки, акулы, рэкетеры, оккупанты и черт знает кто еще! Люди вначале честно поделили землю между собой, потом начали ее перераспределение, некоторым ненасытным своего не хватает, и они отнимают у других (услышав это, кто-то воскликнул: Ну, ну... что ты этим хочешь сказать?). И вот, чтобы у того, кто отнимает пропало желание отбирать, Бог сказал тому, у кого отбирают – вот тебе любовь к Родине и защищайся и с тех пор, победа остается за тем, чье сердце пылает этим чувством.

18 марта

Четыре дня у нас рабочая «запарка». Так непрерывно работать, по-моему, мне пока не приходилось – просыпаемся в пять часов, до девяти занимаемся своими делами, запускаем радиозонд. Позавтракав, идем на строительство новой газогенераторной. Для строителей сейчас главное успеть до сезона сильных ветров собрать новый дом и кончить наружные работы, но и нашу газогенераторную тоже надо успеть собрать и часть их людей переброшена к нам, а мы, как и обещали, помогаем им во всем, работаем как настоящие мастера. Во всяком случае, не хуже иных столяров и плотников крепим большие фанерные панели к потолку и стенам, правда забивать гвозди в потолок не очень удобно, они часто гнутся. К пяти срочно покидаем строительную площадку и до девяти занимаемся своими непосредственными делами. В половине девятого запускаем радиозонд и еле успеваем к ужину.

Капитан «Геленджика» все еще здесь, хотя прилетел сюда ненадолго – на приемо-сдаточных актах по топливу надо было поставить подписи и все никак не может улететь. Ветер не унимается и вертолет с «Оби» пока не может прилететь. Чтобы провести во льдах «Геленджик», «Обь» со своими

пассажирами уже несколько дней ожидает его, а он стоит у барьера и переливает топливо в цистерны. Кажется сегодня наконец закончил перекачку, когда я выглянул в окно, он уже отошел от барьера. Скоро неделя, как ребята попрощались с нами и поднялись на корабль, но пока не уплыли.

Услышав стрельбу, вышел наружу, оказывается корабли уходят, наши запускают ракеты, те отвечают гудками. Как только чуточку унялся ветер, прилетел вертолет и забрал капитана, оказывается, если можно было уплыть без капитана, они бы это сделали еще утром.

Все кончено – теперь до будущего года нас не посетит ни одно живое существо, кроме императорского пингуина. Отныне связываться с домашними можно будет только телеграммами. До «Молодежной» на корабле уплыл Липов, отличный парень, по-совместительству Алик еще и довольно приличный поэт, здесь он все свои дела закончил, ну а там ему что-нибудь подберут.

21 марта

Сегодня вечером было первое общее собрание, быстро разрешили многие вопросы, затянулся только один – как распределять водку! Каждый пусть использует свою долю по своему разумению или распределять всем поровну за общим столом?

Народ так разволновался, было так много мнений и каждый так рьяно защищал свое, что появилась надежда – у людей пока не остыл интерес к жизни и не пропала способность творческого мышления!

23 марта

Сегодня день моего рождения, это первый случай для оставшихся здесь. Повар все приготовил, даже испек большой торт. Нас было двенадцать человек, все уютно разместились в моей комнате. Думаю мои гости провели чудесное время. Директор обсерватории с теплыми пожеланиями преподнес мне «Антарктический дневник» Смуля с автографами всех зимовщиков, Коля Дреер и Вова Барышев подарили собственноручно сделанную чеканку. Мои коллеги, аэрологи, хлопотали с самого утра, оказывается печатали снимки и подарили большие фотографии чудесного качества странных красот Антарктиды. Много интересного рассказали мы друг другу, много смеялись, танцевали и пели, есть своеобразная красота в русском застольи, которое отличается от грузинского, люди здесь становятся откровенными, добрыми, веселыми и печальными, лишь тогда они позволяют заглянуть в тайные уголки их души.

Самый приятный подарок принес Белокуров, чуточку запоздав с дежурства, он передал мне толстый конверт с телеграммами, чувствуя, что не смогу справиться с нахлынувшими эмоциями, извинившись, я вышел в рабочую

комнату, теплые поздравления моих действительно очень взволновали и растрогали меня...

25 марта

Получил еще уйму телеграмм, хожу веселый и счастливый, многие шутят – Сколько телеграмм можно получать, радиоприемник занята только тобой, но в шутках некоторых просматривается и глубокая печаль.

Ознакомились с результатами медицинской комиссии, как видно, мое физическое состояние не изменилось. Многие анкеты заполнили повторно, некоторые были новые. На вопрос – С кем вдвоем пожелали бы провести зимовку – конкретно ответить не смог, написал, что, вероятно, смогу ответить только в конце года; что переносите тяжелее всего? – разлуку с домом; что является обязательным для единодушия коллектива? – общие интересы, несколько веселых членов в коллективе, взаимотерпимость, отсутствие невежд; пожелали бы еще зимовку? – не знаю, вероятно, ответить на этот вопрос до конца года не смогу; не было ли в обсерватории случая, вызвавшего у Вас шок? – Божьей милостью, нет и впредь ничего подобного не ожидаю – таким был мой последний ответ!

27 марта

Весь день бурили во льду шурфы, завтра вставим в них железные столбы и поставим на них два перевернутых автоприцепа, прогреем полученную комнату электропечами и будем использовать её для обработки резиновых баллонов.

Уже два дня, как ослаб ветер и лед стал сковывать воду, море совсем побелело, еще пару дней и ветер уже не сможет помешать этому процессу, увеличится толщина льда и он свяжется. Получил телеграмму от Миши Белова, мои письма и посылку он уже отправил ко мне домой.

28 марта

Сегодня, наконец-то, закончили строительство газогенераторной, красивое здание получилось, двухэтажное, приподнятое на столбах, с межэтажным просветом! Снаружи оно отделано полированной фанерой, внутри – декоративной. Завтра разберем старое здание и перетащим оттуда огромные металлические установки для перегонки водорода. Нас ждет тяжелая, грязная работа – воздух, пропитанный высококонцентрированной содой, жжет кожу и рот. Американцы еще двенадцать лет назад установили для этого на «Мак-Мердо», «Амундсен-Скотте» и «Бэрде» автоматические химические установки.

Вот и кончились наши пятнадцатичасовые рабочие дни.

30 марта

Получил с корабля телеграмму Абизова – он уже отснял мои пленки и

спрашивает адрес, куда их переслать. Ящики с кернами уже ждали его на седьмом километре и он был очень этим доволен.

2 апреля

Собрали в газогенераторной установки. Три дня ходили в мастерские, придумали новую конструкцию центральных перегонных труб, вернее, расточили и сварили подобные тем, какие мы видели на «Молодежной», установили, испытали, провели пробную перегонку водорода, где-то пропускало. До сих пор не могу понять, как это могло прийти мне в голову, но я почему-то решил найти протечку при помощи зажженной спички. Когда произошел взрыв, я стоял в центре комнаты, Слесаренко в дверном проеме, Комаров в проходе, звук был похож на разрыв гранаты. Стены выдержали, но все мы на пару часов абсолютно оглохли, очень испугались, но при этом смеялись, наверно от горечи, а может от радости, что спаслись. За свою жизнь я сделал достаточно много глупостей, но подобной не припомню! Оба тут же начали издеваться надо мной, и сейчас тоже насмеваются и в будущем наверно еще продолжат. Тут же тихо выбросили разорванный в клочья газгольдер и от стыда никому не поведали о случившемся.

8 апреля

После моего, справили еще два дня рождения - Юры и Гарри, приглашены были все те же. Как-то незаметно уже стало традицией, что все поем обязательные как гимн две песни, причем так громко, что дом сотрясается – «Солдаты в путь» и «Жаренные раки», радиста Толю Макеева, обычно, просим запевать и при этом все умираем со смеху, ведь куплеты – это мат высокого философского смысла.

14 апреля

Главным по спорту выбрали Шуру Черняка, он баскетболист и очень любит спорт, а мы впятером во всем поможем ему. Решили провести спартакиаду, первенство по шахматам, бильярду, шашкам, поднятию тяжестей и нардам, а в конце года сыграем в футбол и может еще что-нибудь придумаем. Главное найти людям развлечение на долгую зиму, чем-то их заинтересовать и отвлечь от мыслей о доме, в подобной ситуации, думаю, спорт – самое полезное лекарство. Сегодня нам раздали по пятнадцать бутылок «Боржоми», пять бутылок фруктового сока, четыре килограмма яблок и фундука – это наш «персональный» паек.

15 апреля

Вчера в двенадцать часов ночи редакция последних известий Российского радио устроила для нас передачу: директор Института Арктики и Антарктики поздравил нас с приближающимся Первомая, потом передали интересные для нас последние известия и в конце – магнитофонные записи членов семей десяти-двенадцати зимовщиков. Слышимость была плохая, еле разбирали поздравления и слова. Перед началом каждой новой записи, как и все, очень

волновался, может услышу голоса своих, но моих не было, наверно будут в следующий раз.

Супруга Черняка говорила минут пять, а мы никак не могли понять кто это, почти ничего не было слышно, в конце Саша грустно сказал – Это была моя жена, когда она упомянула о Шевченко, я только тогда догадался. Оказывается Шевченко их соседи и передавали ему привет.

Сплю днем, вдруг кто-то меня будит, выхожу, слышу разговор на высоких тонах, почти переходящий в ссору. Спорят о какой-то глупости, меня вызвали судьей. Еле удалось успокоить Марьяинского, нервы у него уже совсем расшатались! Он настолько вышел из себя, что если бы имел оружие – наверное, применил...

... Вообще-то, если подумать, бесконтрольное оружие, особенно в руках молодых, это символ трусости, нечистоплотности, наглости и насилия. Поэтому не оружие надо запрещать, а, если ты способен кого-нибудь чему-нибудь научить – должен вызвать в молодом человеке отвращение к оружию, обладанию им и бестолковой стрельбе. То, что бесконтрольное оружие, это дело злобного искателя легкой жизни – вот, что должен осознать человек, вот, что надо втолковать ему, вместо обучения его многим другим зачастую совершенно бесполезным вещам.

Это я тебе говорю, тебе! Тому, который не должен стрелять! Отцу твоему и друзьям твоего отца даже в голову не пришло бы стрелять друг в друга – чтобы рассчитаться с кем-то за нанесенную обиду. Все решалось справедливо, в честном поединке, где ценились сила, скорость и красноречие – при условии обязательного сохранения достоинства побежденного.

24 апреля

Работа потекла по привычному руслу, ежедневно занят делами по шесть-семь часов, остальное время уходит в основном на чтение. Умываются здесь, обычно, после сна, я же умываюсь каждый раз, когда мою руки. Вода здесь абсолютно стерильная, не содержит никаких примесей, мыло с рук смывается с большим трудом, когда же мыльными руками провожу по лицу и бороде, легко сходит – грязь и соли с лица нейтрализуют мыло. Когда в пять часов утра возвращаюсь из газогенераторной, совсем не хочется подставлять лицо под ледяную воду, но тогда руки останутся мыльными.

Вчера вечером пришлось пойти в старую газогенераторную, идти было недалеко – километр туда и километр обратно, но страшно измучился. Нанесло много снега, да и ветер был двадцать метров в секунду, шел по пояс в снегу, одна рука была занята – держал в ней радиозонд, другую держал около рта - прикрывал рот от ветра, чтобы иметь возможность нормально дышать, к тому же было темно, не видел куда ступал, тело со стороны ветра промерзло.

Сегодня прошел слух – Миша Франц, комендант первого этажа, занес к начальнику станции заявление на выдачу спирта. Ребята наконец-то убедили его, что для особых нужд начальник спирт все же выдавал – Вон твой коллега выписал и уже получил два литра и в последующие месяцы еще получит для дезинфекции туалета. Сначала он не верил, потом все-таки убедили, поверил и пошел – во время ужина пятьдесят человек посмеялись от души.

2 мая

Веселый Первомай вышел, утром устроили кросс, Черняк флажками наметил трассу, от каждой команды хотя бы по четыре человека должны были пробежать по два километра, в кожаной одежде, сапогах и при ветре, мы еле добежали до финиша. Удивительно, но некоторые бежали так легко, будто были в летних трусах. Первым был Слава Швайков, директор бани.

Потом устроили митинг, длинная речь нашего начальника отморозила нам ноги. Вечером подвели итоги конкурса прогнозов первенства мира по хоккею и первые шесть победителей получили коньяк, книги, пиво, шоколад и другие подарки. Занявшему последнее место повесили на шею воблу на красной ленте. Потом сели за прекрасно накрытый праздничный стол, каждого ждали конверты с поздравительными телеграммами. Меня вспомнили многие с «Востока» и от Проценко я тоже получил телеграмму, очень обрадовался, но и застыдился, что он опередил меня, тут же постарался исправить ошибку – по телефону продиктовал нашему радисту Володе текст и попросил срочно передать, он пообещал. Потом в официальной речи наряду с другими делами, отметили и нашу энергичную работу, особенно на строительстве. Вечер закончился парочкой драк, драчунов разняли быстро, так что кроме «фонарей» под глазом у двоих пострадавших, никаких следов инцидентов не осталось.

5 мая

Сегодня у всех очень плохое настроение – на «Молодежной» скончался инженер ракетных установок Тютиков, москвич, хороший парень, остались жена и взрослая дочь. Что случилось, от чего он умер, ничего не знаем, зашифрованной телеграммой сообщили только, что скончался и больше ничего. К этому человеку с мягким, немного странным характером на корабле мы все так привыкли и привязались, что часто, играя в волейбол, если у кого-то что-то не ладилось, требовали обычно его замену Тютиковым и не имело значения, какой команде это требовалось ... будто это чем-то могло помочь делу, ведь он никогда в жизни не играл в эту игру. Весь корабль обычно начинал кричать: «Тютикова на поле!», он, бедный, никогда не обижался и смеялся вместе со всеми. После окончания первенства, он даже получил специальную грамоту, как самый сильный ... запасной!

Сегодня впервые подул настоящий здешний ветер, на ногах устоять почти невозможно. К кают-компаниям шли в связке, Коля очень боялся и его

действительно чуть не унесло ветром. На ужин из отдаленных домов никто не пришел, по переданному по радио приказу, выход наружу запрещен, запас продуктов есть в каждом доме и надо довольствоваться этим.

7 мая

Электрохозяйство в очень тяжелом состоянии, электроинженер весь в делах, линии во многих местах дают короткое замыкание, двадцатилетнее хозяйство устарело, требует обновления, а одному человеку это не под силу. У остальных пока все в порядке: научный отдел полностью выполняет программу; строители опережают график работ; транспортники заканчивают ремонт техники; питание нормальное и хозяйственные дела идут нормально. Единственно плохо, что ребята на электростанции совсем измучились, очень часто выходят из строя двигатели, у Коли и Володи усталость написана на лице, ведь им, кроме проведения ремонтных работ, приходится еще и дежурить. Но по всему видно, что в этом году помочь делу уже ничем невозможно, только следующая экспедиция введет в эксплуатацию новую электростанцию и тогда проблема снимется.

Сегодня закончилось первенство по бильярду, мое честолюбие удовлетворено, тем более, что мне удалось обыграть Слесаренко и Усова, хотя оба играют отлично, особенно последний, он бывший офицер, прошедший свою юность в ленинградских бильярдных, как и я – только в сололакских (один из районов Тбилиси). Здесь бильярд любят все и на игру всегда бывает большая очередь. И на финал собралось очень много болельщиков – свист и крики стояли, как на стадионе, люди, по-моему впервые, за все время нашего здесь пребывания, так остро выразили свои эмоции, есть, видимо, у человека эта потребность – дать иногда свободу своим чувствам, тем более в таких тихих и спокойных условиях, в которых находимся мы.

9 мая

Праздничный вечер начался с поздравлений в адрес наших пятерых ветеранов Второй мировой войны. Начальник нашей станции Сергей Николаев, шеф хозяйственной части Михаил Евграфов, наши Марьинский, Виталий Казарин и Саша Галкин, все они участники этой войны, каждый коротко рассказал свою военную историю. Много страданий выпало на их долю.

Хороший человек наш Николаев – веселый, простой, отличный знаток своего дела, понятливый и мягкий, здесь нужен именно такой человек. Он очень интересно, с хорошим юмором, рассказал почти обо всем, что с ним приключилось с начала и до конца войны, но рассказ очень затянулся и в конце, когда спросил – Продолжить? – все дружно ответили отказом, тем более, что по две-три стопочки мы уже приняли и продолжение решили переложить на завтра.

Многословность часто мешает в выборе верного слова, но сказать верное слово, это еще не значит сделать верное дело!

... Перед сном еще раз перечитал телеграммы, пришедшие из дома, была там и телеграмма от ветеранов войны моей службы.

... Уснул и во сне увидел ветерана, но кого, никак не мог вспомнить. Позже, когда стал перебирать в памяти сон, вспомнил – наверно это был тот ветеран-поэт... однажды холодным вечером, в пору холодной войны, повстречавшийся нам, соученикам, собравшимся в конце улицы Мачабели. Вместе с нами тогда был и Джансуг Чарквиани, тогда уже давно окончивший школу, но пока еще неиспорченный поэт, который с увлечением рассказывал нам что-то – ложь или правду – скорее всего совершенно для нас тогда неважное. В это время к нам приблизился щедушный, худой мужчина, с кипой книг подмышкой и торжественным выражением лица ... догадались, что это скорее всего был поэт и шел он из Союза писателей. Поэты поздоровались тепло и величественно, потом наш поэт представил нам другого – величественно. Мы также величественно извинились за то, что не узнали его и, в результате, каждый из нас получил в подарок украшенный автографом сборник его величественных стихов.

Также величественно как и познакомились, попрощались с этим большим поэтом – прошедшим войну. Только собрались продолжить нашу прерванную беседу, как один из наших, уткнувшийся носом в список оглавлений только что полученной в подарок книги, потребовал от всех тишины и торжественно зачитал заголовок одного из стихотворений – «Жалкому Черчиллю»!!!

Прочел и взорвалась смехом та часть присутствующих, кто заметил, что в самый разгар зимы автор этих строк был обут в белые парусиновые туфли – видно за неимением ничего более подходящего. Остальным стало обидно за свою невнимательность, но и мы присоединились к смеющимся.

Нельзя отвергать силу Геракла и его брата Амирана, умение созерцать истинную сущность явлений Конфуция, мудрость Соломона, образованность Сократа, смелость Александра Македонского, созидательство царя Давида Строителя, упрямство Джордано Бруно, преданность царя Димитрия, гениальность Шекспира и Эйнштейна, музыку Бетховена, музыкальность стихов Пушкина, жестокость Чингиз Хана и Гитлера, мечту Сервантеса и Экзюпери, странность Сальвадора Дали, хитрость Шеварднадзе ... так же нельзя отнять у утонченного Черчилля, вместе с его двумя великими партнерами, блестящее знание технологий победы в войне; впрочем им всем можно приписать еще многие для них менее значимые качества и Черчиллю тоже - из-за его странного характера, его полноты и многого другого – но «жалкий»!!! - имей совесть, Бога не боишься? Если не боишься - тогда постесняйся хотя бы своей белой парусины!

14 мая

Опять плохая весть – скончался Виктор Ткачев, мой симпатичный старик, первый помощник капитана «Оби», детали не знаем. Какой великолепный был моряк, всю жизнь сеял добро, о смерти никогда не думал – Еще разок схожу в экспедицию, а потом можно отдохнуть – сказал он мне на прощание, никогда не забуду проведенное с ним время.

Если когда-нибудь у меня спросят – К чему ты относишься с самым большим почтением? – ответу – К памяти моего отца. Иногда подмечаю в себе какие-то черточки характера этого человека великолепной натуры и понимаю, что я пока еще не совсем пропащий. Отец говорил – Мужчина, когда ему суждено, должен умереть внезапно, от избытка собственной внутренней энергии, нет ничего приятного, когда уходишь, выжав из этой жизни все до конца, так, что и сам уже жить не хочешь и другим надоел. Я всегда был согласен с ним в этом, а с возрастом – тем паче. Он скончался неожиданно, не сказав ни единого слова, вообще-то его смерть оставила во мне очень глубокий след, также как и вся его жизнь.

Не знаю почему, но вспомнил, однажды Ткачев сказал мне – На всей Земле самые безразличные к смерти – русские. Посмел и спросил его – Почему? Об этом, нашем разрушительном качестве только и думаю всю сознательную жизнь, как Бердяев..., но...!!! – ответил тогда он мне. И в смерти Ткачева, наверно, есть только одно это утешение.

17 мая

Саша Размолотин, очень скромный, спокойный, молодой брюнет с умными глазами, наш сейсмолог, приехал поздно на «Ванкарене» и тут же ушел с головой в накопившуюся работу – приводит в порядок программу, делает уйму всяких дополнительных дел. Ночная работа совсем не оставляет ему свободного времени и поэтому он отказывает всем, желающим сыграть с ним в шахматы, ссылаясь на нехватку времени. Он профессиональный шахматист и нам интересно, насколько ступенек его аналитические способности выше наших, но ничего, всему свое время, потихоньку втянем ... никуда не денется.

Вспомнил, кстати, по-поводу профессионализма... что значит высокий профессионализм и порядочность. То, что американцы, вместо предложенных российскими чиновниками «Подмосковных вечеров», послали в космос пик грузинского песнопения «Чакруло» - заслуга одной русской специалистки, поэтому прошу, при поголовной ругани русских, оставьте эту благородную женщину в покое и не приписывайте себе то, чего вы не предлагали и никто вас и не спрашивал! Получается, что грузинская песня – гениальна, русская искусствовед – порядочна, а грузинская пропаганда – глупа!

Вечером Коля починил Юрин магнитофон, в рабочей комнате мы были четвером, все в хорошем настроении, для проверки Коля сначала записал

счет, потом решил спеть. Только Коля начинает петь - мы умираем со смеху – у него нет ни слуха, ни голоса, но музыку он очень любит, со своей супругой в Москве он часто ходит в театры и чаще всего в мюзикомедию. Потом мы составили программу, что и как нам надо записать, роль комментатора я взял на себя: сначала записали шум и аплодисменты, будто г-н Марьяинский, внук бывшего владельца Петербургского Мариинского театра, гениальный певец и исполнитель, солист Большого театра, после гастролей по Соединенным Штатам и Южной Америке, из-за неисправности самолета, случайно приземлился на нашем аэродроме и теперь вынужден остаться здесь на несколько дней. Просим его сказать зимовщикам несколько слов и затем что-нибудь спеть. Коля поблагодарил за оказанное внимание, перечислил около десятка городов, где он был тепло и с большим уважением и успехом встречен, сказал, что несмотря на переутомление, он все же споет для нас арию из оперетты «Мистер Икс» и начал, он начал, а мы все повалились на пол, после отъезда из дома я столько и так не смеялся. Перекрутили запись, настоящее интервью, до начала арии мы так серьезно ведем беседу, что у слушателей не возникает никакого подозрения по поводу вокальных данных «великого певца». На шум к нам зашли радисты, потом метеорологи и транспортники. При появлении каждого нового человека, заново крутили запись и смеялись также, как и при первом прослушивании. Потом проинтервьюировали друг друга, но я здесь дерзну и, вместо них, предложу продолжение моего раннего интервью:

- Развита ли у Вас нюх?

- Не думаю, но когда на машине въезжаю в Тбилиси, чувствую особый запах – даже, если ночь и я не знаю, что уже приехал – догадываюсь по запаху!

- Какова цель существования человека?

- Любовь, человек существует для своей страны, всего мира и потомков, все остальное – суета сует.

- Тогда скажите – что такое любовь?

- Любовь - это наилучшее времяпрепровождение.

- А само время?

- Время – это сущность всего, как нас, так и вселенной, у времени нет конкурента.

- Что такое справедливость?

- Справедливость - механизм правды в руках правдивого человека.

- Что является определителем прогресса?

- Когда сын лучше отца – это и есть определитель прогресса.
- Чего Вы ждете больше всего?
 - Начала осени – каждый год собираемся одноклассники то в одном месте, то в другом – в семьях, ресторанах, иногда еще где-то. Собираемся и до утра окунаемся в бесконечные воспоминания, споры, хныканье, суматоху, забывая обо всем, становимся опять такими, какими были когда-то, давно. Собираемся и ради тех из нас, кого уже нет с нами, чтобы помянуть их, а еще для того, чтобы по доброму поиздеваться над тем из нас, кто проживет дольше всех и, оставшись бобылем, в старости не будет иметь рядом ни одного друга-одноклассника.
- Имели ли Вы клад?
 - Да, однажды. Собрал в Антарктиде почти полкилограмма мумие - эликсира жизни, потом раздал его своим друзьям-товарищам и продлил каждому из них жизнь - якобы!
- Что такое писательство?
 - Писательство это не профессия, это неопишное удовольствие, особенно процесс обдумывания.
 - В жизни перед кем надо быть правым?
 - Правым, каждую секунду и всегда, а не от случая к случаю и не так, как тебе хочется и перед кем тебе хочется, надо быть перед самим собой.
 - Что за категория общества политики?
 - Самая амбициозная, здоровая, закрытая, эгоистичная, аналитически мыслящая, беспощадная, вероломная и кокетничающая с народом категория, которая выросла такой и поэтому ее большинство стало политиками. Вдобавок ко всему политика обязательно должны беспокоить идеи, а глаза его всегда должны быть сухими от слез.
 - Что для Вас сложнее всего?
 - Сложно и невыносимо терпеть, когда вор и взяточник учит тебя уму-разуму, но вообще-то на этом свете воры и взяточники будут всегда...
 - Душа сладка?
 - Если бы душа не была сладкой, жизнь потеряла бы смысл. Утрата вкуса может довести до самоубийства.
 - Какова связь между учебой и учителем?

- Учеба это анализ, а не зубрежка, а учитель намного дороже учебы! (разве?)
- Что предвещает человек Земле?
- Не дай Бог человеку возможности сделать так, чтобы на Земле мы остались одни, без других животных!
- Вы хорошо знаете людей?
- Предпочтительнее было бы изучать людей по поведению животных.
- Как по-вашему - что такое наука?
- Наука - повторение пока не виденного, искусство и вообще культура - хорошее повторение виденного, а жизнь - плохое повторение виденного.
- Что произойдет в 21-м веке?
- В 21-м веке техника скопирует и заменит человека, но только не его мозг, мозг человека копируют, наверно, в 22-м веке.
- Когда страны найдут общий язык?
- Страны найдут общий язык, когда его создадут верующие.
- Почему происходят восстания – из-за крайней нужды?
- Восстания происходят для того, чтобы восставшие выделили себя из общей массы, если власть учтет этот постулат, восстаний может никогда и не быть, сколько бы тысяч таких выделившихся не было в стране, правда, пока неизвестно чем это сможет помочь бедствующим?...
- Что является основной целью человека?
- Зависит от личности, но точно знаю, что для некоторых основная цель, свое бесосновательное оправдание. Причем, чем более безнравственен человек, тем более неистово старается он оправдать себя, хотя и уверен и знает, что оправдания ему нет и оправдать его может лишь только подобный ему.
- Что необходимо для воспитания поколения?
- Как можно воспитать полноценное поколение, не дав ему полноценного образования, как можно воспитать творческую часть этого поколения, дав ему полноценное образование и посчитав, что этим все сделано!
- Что такое диссидентство и кто такие диссиденты?
- Грузин уже по своей сути диссидент, потому что это у него сидит глубоко в генах. Наши предки передали нам механизм борьбы с существующей действительностью, выработанный за последние восемь веков. Может именно

это свойство, вместе с другими нашими свойствами и спасло нас в свое время от уничтожения.

... Однажды мы с моим другом, Муртазом Кикачеишвили, тоже могли стать «выдающимися диссидентами», если бы начальник милиции не помешал нам!

Как-то ещё в мои студенческие годы, в конце пятидесятых годов, хорошо подвыпившие, мы с Муртазом атаковали в начале проспекта Плеханова, около воронцовского моста, один самый негрузинский, помпезный дом с четырьмя колоннами, вернее атаковал его, подобно быку, Муртаз, потому что на всех его четырех колоннах висели огромные красные полотнища с лозунгами. Тысячу раз просил Муртаза – Не надо, не срывай – но он не слушал меня, сначала сорвал один, потом второй, а когда приступил к третьему, я не стерпел и тоже начал помогать ему, очень уж интересным и красивым показался мне процесс срывания, а тут и милиция подросла, обидно, что не дали нам доделать дело – сорвать кайму четвертого, они спокойно, без сопротивления, усадили нас в «воронок» и доставили в отделение милиции. Там немного понадавали нам по шеям и составили протокол, в котором, несмотря на то, что мы и представления о них, а тем более желания быть ими совершенно не имели, приписали нам «диссидентство», из-за, совершенного нами диверсионного акта, объявили нас политически опасными элементами и пригрозили десятилетней «сибирью».

Из уважения к нашему общему другу и по его просьбе, пришедший поутру, неотразимый Отар Чочуа – начальник этой организации – прочитав нам нотацию, вызвал своих вчерашних ночных сотрудников и сказал им (повторяю дословно) - Эти невежи, оказывается не помнили, что вчера был праздник Великой революции – 7 ноября – необразованные они, о политике и представления не имеют, давайте их отпустим – Да, да, Вы правы... давайте отпустим – дружно закивали начальнику, составители протокола, тут же порвали его и выпустили нас. Вот так мы и не стали «диссидентами» - или почему мы вообще должны были ими стать? А, если подумать, то может быть большим, чем мы и многие другие «выдающиеся» диссиденты, настоящим диссидентом был тот благородный Отар Чочуа!...

Вообще-то диссидентство не должно становиться самоцелью человека, потому что в период созидания страны, оно может явиться причиной начала патологического собственничества и бессмысленного сопротивления.

- Можете ли привести пример обоснованной претензии?

- Отец одного «благородия» имел привычку – косточки от съеденных им фруктов, он обычно бросал с балкона своего шестнадцатого этажа во двор живущих напротив. Прошло время и во дворе, благодаря стараниям хозяина и, частично, косточкам, брошенным с шестнадцатого этажа, зацвел чудесный

фруктовый сад. В один прекрасный осенний день, когда хозяин собрал большой урожай, явился к нему этот наш «благородие» и потребовал часть урожая... вот вам и обоснованная претензия!

- Интересно, каким критерием измеряется общественный критерий?

- Интеллектуальный уровень самой бойкой, образованной, претензионной и имеющей собственническую психологию части общества прекрасно измеряется в здании Парламента страны на проспекте Руставели и точно соответствует интеллектуальному уровню общества на соответствующий промежуток времени.

- Ну и каков результат?

- Результат адекватен системе нашего образования, нашим душевным запросам и жизненным правилам.

- Сталкивались ли Вы с проявлением превратного нрава?

- Это когда явный гений упрямо доказывает свою гениальность и кроме него самого доказательство этого никому не требуется – вот вам и проявление превратного характера.

- В чем назначение человека?

- Наиважнейшее назначение человечества – стремление к благородству и доброте. Не будем судить друг друга за то, что пока, лишены должного совершенства, не выполняем эти заповеди. Если мы пока не можем выполнять их должным образом, родим же мы потомков, которые когда-нибудь родят более или менее совершенных исполнителей этой миссии!

- Может остановимся на этом и продолжим позднее?

- Давайте, остановимся ...

20 мая

Море уже так схватилось, что ходить по льду уже не опасно. Вчера нам позволили сходить к пингвинам.

Сегодня дует нормальный ветер и мы вшестером пошли к колонии пингинов. Барьер, высотой десять-двадцать, а кое-где и пятьдесят метров, почти везде вертикальный и неприступный. В конце своего маршрута «движущийся континент» частями откалывается и присоединяется к океану айсбергами или обломками льда. На северо-востоке территории, около транспортного гаража и мастерской, бульдозер срезал край барьера, сбросил лед в море и провел удобную дорогу. Мы спустились по этой дороге и, выйдя на идеально ровный, покрытый снегом лед, взяли курс к востоку от острова Хасуэль.

Антарктические ветры формируются в центре континента, постепенно набирают силу и стекают к побережью. Последние сто-двести километров рельеф круто снижается с полутора-двух километров до нуля (уровня моря), соответственно и разность температур велика и ветер крепчает, у побережья он иногда достигает скорости пятьдесят-пятьдесят пять метров в секунду, но как только, отрывается от барьера и выходит на открытое пространство, теряет силу. Вот и сейчас, только отошли от расположенного в двухстах метрах от берега рабочего места гидрологов, как ветер стих и мы почувствовали необыкновенное спокойствие, какого не было после февраля. Подошли к первому, совершенно голубому айсбергу, впереди виден бесконечный ряд гигантских по размеру и объему айсбергов, ходим между ними по замерзшему, растрескавшемуся морю и не можем оторваться от этой непривычной и суровой красоты. Все голубое – чистое небо, лед, снег, хотя больше фактически ничего и нет. В теневой стороне цвет айсберга из голубого переходит в синий, а на освещенной, солнечной стороне голубой становится более «глубоким», будто айсберг позволяет заглянуть в свое сердце. Создается полное ощущение того, будто ходишь между огромными белыми дворцами.

В трех километрах появилась непонятная черная полоса. Колония пингвинов! Потом, когда мы приблизительно подсчитали, их вышло не менее пятнадцати тысяч. Императорские пингвины, значительно крупнее породы Адели – достигают высоты 100-120 сантиметров, очень красивые – с черной спиной, белой грудью и желтой полосой у основания головы. «Императоры» ходят степенно, гордо вскинув голову. В их гордости просматривается много забавного, некоторые из них даже напоминают мне знакомых людей. Между ногами почти у всех лежит прикрытое телом яйцо, при ходьбе и отдыхе яйца вообще не видно и льда оно обычно не касается. Если пингвин спешит, он ложится на живот и скользит, помогая себе крыльями-ластами, как веслами, увидеть яйцо, вернее его малую часть, фактически можно только в такие моменты и то, если смотришь сзади.

«Императоры» отличаются от остальных видов пингвинов тем, что выводят своих птенцов зимой, в августе, и, главное, на льду, а не на камнях, поэтому постоянно в течение двух-трех месяцев носят яйца между ног, не касаясь ими льда и согревая их своими телами, а если вдруг, кто-то случайно уронит яйцо, в этот год он остается без потомка, так как не способен вернуться и положить яйцо обратно на теплое место между ногами.

Мы осторожно смешались с пингвинами, началось щелканье аппаратов. Чувства страха у них нет, опасности не чувствуют, потому что на суше врага они не имеют. Подпустит к себе на полметра и смотрит на тебя, подвинешься к нему поближе, отодвинется и ждет, причем делает все это с ленцой, будто все, включая тебя, ему уже надоело. Пингвины Адели очень агрессивные,

кдюются и ужасно пищат. Этим агрессивность абсолютно не присуща, когда приближаешься к ним, отходят, поворачиваются, смотрят и ждут, когда же ты, наконец, остановишься, чтобы и самим остановиться, при этом они очень приятно будто бы бормочут что-то своим непривычным органическим голосом. Целыми днями они почти неподвижно стоят, понуро опустив головы. Изредка переходят из одной группы в другую. Выстраются около десятка пингинов и с деловыми «лицами» шагают стройным, солдатским шагом, двигаясь удивительно синхронно. И, когда думаешь, что вот сейчас, проходя мимо других, они отсалютуют им по-военному, ничего подобного, даже головы не повернут и не взглянут друг на друга. Если вдруг первый или старший спешит и уляжется на живот, все остальные тут же поступят так же.

Может быть из-за нас, один из них выронил свое яйцо, мы остановились, он тоже, прошелся около яйца вертя головой, чувствует, что произошло что-то ужасное, но что, не может понять. Яйцо лежит рядом с ним, а он его будто не видит, я взял яйцо и положил перед ним – никакой реакции, раз десять наверно повторил, он все равно ничего не понял, тогда я решил сам вложить яйцо на место, но он меня и близко к себе не подпустил. Ходишь среди бесчисленного количества этих переродившихся птиц и все больше и больше убеждаешься в беспорядочности законов природы, питая их, океан сроднил их с собой. Эти на один взгляд неуклюжие, похожие на круглые бурдюки, тяжелые, красивые тела, которые не способны на земле даже нормально подпрыгнуть, в воде двигаются быстрее рыб, там у них появляется чувство страха и они становятся осторожными, настолько осторожными, что при появлении акулы, могут выпрыгнуть из воды, свободно преодолев трех-четырёхметровый барьер на берегу!

22 мая

Припомнил одну историю: как-то зимой на Мамисонском перевале заболел один наш сотрудник, необходимо было срочно спустить его вниз. Моему Ото тогда было четырнадцать лет, он очень попросил взять его с собой, отказать я не смог и согласился взять только с одним условием, останется внизу в деревне и будет там дожидаться пока мы с больным не спустимся вниз, просится идти с нами наверх не будет. На рассвете шестером выехали на «Виллисе», проехать надо было двадцать километров, когда наконец приехали в селение, увидел полные слез глаза сына, я и сам хотел, чтобы он поднялся вверх с нами, но чего-то испугался. Ребята все поняли без слов и предложили – Давай возьмем его с собой и наверху до нашего возвращения оставим вместе с водителем в машине. Еще около пяти километров машина нас еле тащила, потом почти столько же мы сами тащили ее, измучились вконец, остальной путь надо было идти по пояс в снегу, Ото настойчиво попросил – Пойду с вами – я почувствовал в нем что-то такое, что понял – сможет, не подведет. Тронулись, но меня все еще грызла мысль – не совершил ли я роковую ошибку. Шли по глубокому снегу часов шесть или семь, один раз пришлось

поменять ему носки, ноги совсем окоченели, но когда я попытался согреть ступни, положив их себе на живот, отказался – Люди смотрят, что скажут! На счастье погода стояла спокойная и солнечная, так что мы, хотя и обессиленные, благополучно добрались до станции. Лучшее всех выглядели мой Отари и один, крепкий как камень, молодой рачинец, все были приятно удивлены выносливостью моего, пока еще неоперившегося, мальчугана.

На второй день больного благополучно доставили вниз, так что я сделал два очень нужных дела – оказал помощь больному и испытал сына в деле!

10 июня

Как видно, постепенно ко всем подкрадывается апатия, в кают-компании уменьшилось веселье, пропорционально этому наваливаются разные думы. Но это можно регулировать, а, так как мне и чтение уже немного надоело, решил занять себя... изготовлением сувениров! Черчу, рисую, сверлю, опиливаю, полирую, крашу и так развлекаю себя. Вообще-то замечаю, что этим обеспечил себя делом на целый месяц.

16 июня

Сегодня директор обсерватории зачитал нам программу будущего сезона, которую получил из Ленинграда. В летние месяцы, январе, феврале и, возможно, еще и в марте, будут проводиться работы, предусмотренные международной программой «Полак-Север», в которых примут участие до тридцати пяти антарктических станций двенадцати стран мира. По усиленной программе должны быть проведены наблюдения и исследования по всем дисциплинам: исследования верхних слоев атмосферы в сутки вместо двух, будут проводиться восемь раз, то есть каждые три часа, и нашему бедному локатору, вероятно, придется работать непрерывно и состав группы соответственно увеличится с четырех до десяти человек.

Начальник предложил нам остаться на сезон, а это выгодно по многим причинам: сезонники уедут отсюда в марте, в Ленинград придут в конце апреля, то есть в теплый период, весной; институт сразу по прибытии предоставляет зимовщикам трехмесячный отпуск, а использование отпуска в летние месяцы для них великое благо. Так что все с большим удовольствием согласилось с предложением, для меня же эти аргументы не так важны, поэтому желания остаться я не высказал.

19 июня

Этот благословенный континент особенно выделяется сухостью воздуха, ни на чем нельзя обнаружить и следа влажности, при сильном ветре все, железные и даже деревянные предметы, наэлектризованны, сила трения ветра собирает статическую энергию во всех предметах. Достаточно дотронуться рукой до радиатора, прислоненного к стене стула, двери или оконной раме – как тебя бьет током, слабым, но достаточно неприятным. Поэтому у нас

выработалась привычка – до всех предметов, от которых мы ожидаем удара током, инстинктивно сначала дотрагиваемся носком сапога, заземляем и уже потом используем обыкновенно. Обычно, в сильный ветер, выходя наружу, мы открываем двери ногой, как артист цирка Дадешкелиани. Это явление абсолютно не раздражает зимовщиков, наоборот – даже немного развлекает нас. Сухость воздуха и абсолютная стерильность удивительно сохраняют предметы и, тем более, продукты. Когда американский полярник Бэрд, вернулся на покинутую десять лет назад станцию «Литл Америка», он нашел, оставленные им на ней много продуктов и другие вещи, совершенно без изменений; а оставленные Амундсеном еще в начале века на маршруте к полюсу продукты, в случае необходимости, свободно можно использовать и сегодня; погибшие от слабости и голода, возвращающиеся с полюса, гордость англичан, капитан Скотт и члены его экспедиции, были обнаружены через несколько лет совершенно не измененными.

Работая на складе на седьмом километре, мы обнаружили завезенные сюда еще в 1956 году соленые бисквиты, попробовали, они были как новые, как завезенные в этом году, один ящик мы забрали с собой домой и теперь, когда лень идти на завтрак, мы с удовольствием пьем с ними кофе.

Порезанная или содранная рана заживает как-то странно и к тому же долго, а на месте зажившей раны остается какой-то странный, выпуклый шрам. Это легко объяснить, ведь здесь отсутствуют бактерии, впрочем как и абсолютно все другие, способствующие заживлению ран.

В 1961 году в оазисе Ширмахера, недалеко от «Новолазаревской», нашли мумифицированного тюленя, на высоте десяти-пятнадцати метров выше уровня морского льда и в восьмидесяти километрах от берега, верхняя часть туловища отсутствовала, а под костями, в песке была видна хорошо сохранившаяся шкура. Учитывая, что эти животные никогда не удаляются от берега и место, где его обнаружили, для них практически недоступно, выходит, что тысячи и тысячи лет назад океан около оазиса Ширмахера летом освобождался ото льдов и его уровень был там намного выше, только в таком случае мог попасть наш тюлень в это место. Трудно точно определить, сколько времени понадобилось на то, чтобы верхняя часть его туловища была унесена ветром, а нижняя мумифицировалась, но предположить, что очень, очень много, вероятно, можно.

За то время, которое мы здесь уже находимся, ни у кого из нас не было и не будет ни гриппа, ни насморка. Распространенные на континентах тысячи видов гриппа, сюда не достигают, но, говорят, что, по возвращении домой, это будут первые недуги, осилившие нас, потому что у нас будет сильно понижен, по отношению к ним, иммунитет.

Какое-то странное чувство, кроме нас – зимовщиков, двух собак и «императоров» – вокруг нет ни одного живого существа. Кожа ни разу не зазудит, и комар не укусит, и муха не сядет на тебя, и муравей не перебежит. Недавно, во время дежурства на кухне, чистил лук и вдруг из ящика вылетело несколько мошек, смотрел на них и улыбался – как сильно, оказывается, может человек обрадоваться простой мошке.

22 июня

День начинает увеличиваться. Солнце поднимается все выше. Сегодняшний день для южных полярников – зимовщиков Антарктиды – считается очень большим праздником, прошла половина зимовки, все трудности остались позади, зимовщик прошел закалку и с сегодняшнего дня считается настоящим полярником.

Все станции поздравили друг друга с окончанием половины зимовки. Институт, Главное управление и многие организации прислали телеграммы. С праздником сердечно поздравил нас и американский президент Форд. Почти все зимовщики получили поздравления и от своих домашних. Скажите, ну откуда мои домашние могли знать о существовании еще и такого праздника, иначе ведь и они обязательно бы поздравили меня. Вчера Центральное радио опять устроило передачу с родными и близкими зимовщиков.

С утра у всех хорошее настроение, после завтрака смотрим фильмы, снятые о 1-ой экспедиции. После обеда устроили соревнования по поднятию тяжестей, принесли пудовые и двухпудовые гири. Все шесть команд соревнуемся в поднятии тяжести двумя руками, параллельно проводится и личное первенство, по выявлению самого сильного зимовщика. Соревнования оказались настолько азартными, что невзирая на возраст, в них приняли участие почти все. Весь зал дружно считал и охал, были здесь и растирание и массаж рук, и наставления, и суммирование килограммов, и прогнозы.

Поднятый вес высчитывался по произведению количества отжиманий гири на ее вес. Все предпочли отжимать пудовую гирю. Есть у нас силач – повар Витя Морозов – он взялся отжимать двухпудовую гирю и ... ошибся, Коля Назаров, отжимая пудовую, обогнал его. Мы заранее знали, что первое и второе места поделят между собой Гена Иванов и Адольф Хлопачев – они тяжелоатлеты. Хлопачев отжал пудовую гирю сто десять раз, правой и левой рукой, Геннадий поняв, что может проиграть, взял двухпудовую, отжал ее шестьдесят восемь раз и выиграл.

Вначале я на это дело смотрел скептически, никогда в жизни не отжимал пудовые гири, но азарт передался и мне и, очень постаравшись, отжал ее тридцать пять раз правой, а потом столько же – левой рукой. При подведении

окончательных итогов, я, себе на удивление, оказался на шестом месте, а вечером торжественно получил приз.

К семи часам вечера, срочно закончив наши рабочие дела, присоединились к ожидающим нас празднующим друзьям.

После торжественного награждения атлетов, началась основная церемония: в роли владельца Антарктиды перед нами предстал, облаченный в белую простыню с блестящим венком на голове и красивым полуметровым ключем в руке, начальник станции Николаев и начал крещение новичков – которых было больше половины. Вызовет очередного зимовщика, выраженный в красную парчу церемониймейстер Виктор Евграфов и покроет ему голову белой простыней, Иванов экспромтом зачитает стихотворение, потом скажет церемониймейстер громовым голосом – Преклони колени пред всемогущим – и опускаешься на колени, приложит к твоей голове владыка свой ключ и начинает крещение, надо обещать ему выполнять все его поручения, причем отвечать надо быстро – будет воля Ваша – иначе, плохи будут твои дела.

- Обещай, что будешь выполнять работу качественно и не будешь при этом мошенничать!

- Обещаю.

- Обещай, что радиобюро перенесешь в новое помещение до окончания экспедиции!

- Обещаю.

- Обещай, что с сегодняшнего дня отучишься пить водку!

- Будет воля Ваша.

- К вниманию некоторых – совершенно не пить тоже не хорошо, обещай что с сегодняшнего дня начнешь пить и привыкнешь!

- Обещаю.

- Обещай, что с сегодняшнего дня станешь классным плотником и в новом доме повесишь нормальную дверь!

- Всячески постараюсь.

- Обещай, что будешь хорошо ухаживать за своим телом, чтобы, когда вернешься домой жена была довольна!

- Обещаю.

Вот настала и моя очередь:

- Обещай, что прекратишь ходить в свои любимые ухабистые горы и отныне каждый второй год будешь приезжать в Антарктиду и полюбишь ее!

- Обещаю (хорошо, что все это шутка).

Потом спрашивает старых зимовщиков – Примем в семью зимовщиков?

- Примем!!!... кричит весь зал.

- Аминь!...

Виночерпий наполняет пиалу вином, слегка окропляет твою голову и протягивает пиалу тебе, выпиваешь вино до дна и, с этого момента, становишься настоящим полярником. Церемония затянулась до двух часов, в зале жизнь била ключем, все принимали в ней участие, поддерживая ее громкими криками, о еде никто не помнил, мы умирали от смеха, но главным заводилой все-таки был владыка, какие только вопросы не придумывал Сергей Николаевич, причем чем больше мы смеялись, тем смешнее вопросы он придумывал. При этом, он со своей «свитой» были абсолютно серьезны и даже не улыбались.

В конце поздравили друг друга с тем, что перевалили через половину зимы, выпили за всех нас и наших домашних, пожелали всем зимовщикам безветренной зимовки и продолжили пиршество допоздна.

28 июня

Именно в это время я окончательно и разобрался в одной тайне, которая касалась очень деликатного и в то же время значительного вопроса и которую на первых порах обычно скрывали от всех новобранцев. При смене состава экспедиции, одним из важнейших дел является передача имущества, но уезжающие так спешат освободиться из плена этого вечного льда, что проводят обычно эту процедуру поверхностно, наспех, новенькие, понимая их состояние, очень не придираются, за исключением одного деликатного случая, обе стороны очень серьезно подходят к приемо-сдаточной процедуре перегонного аппарата. Перегонный котел нелегален, и комната, где гонят спирт тоже нелегальна, поэтому и передача носит неофициальный характер и при этом никакой документ не составляется, но все участники этой акции, чувствуют величайшую ответственность перед собой и коллегами! Одно только хорошо, что из-за избытка сырья, вопрос этот никого не волнует. Сахар, из которого гонят спирт, лежит в штабелях из огромного числа мешков на морене, под открытым небом в течение многих лет и совершенно не поврежден. Несмотря на избыток этого стратегического материала, каждая новая экспедиция привозит с собой его новую порцию и никто не задумывается – кто же пьет столько сладкого чая с таким сладким печеным. Во время передачи и я заметил, какую-то возню, но меня отвлекли – Для тебя здесь нет ничего интересного! Потом, когда старые уехали и значительные

запасы, приобретенных на Канарских островах спиртных напитков иссякли, в полную силу заработала местная спиртовая индустрия, а технология ее очень проста – не жалея сахара, засыпают его в котел и заливают туда воду, долго и хорошо размешивают и ставят в тепло для «созревания», через два-три дня начинается главное и самое ответственное дело – дегустация, для того, чтобы установить, когда будет готова эта белая как снег масса к перегонке спирта. В дегустации обычно участвуют все и результат выходит соответствующий, а если учесть еще и то, что эта процедура сопровождается еще и невыносимой головной болью, утром результат у всех виден на лице. И еще, если в первые два дня, для того, чтобы нормально прочувствовать вкус этого пойла, необходимо «пропустить» хотя бы три кружки, на пятый-шестой день для того, чтобы дойти до полной кондиции хватает уже одной. Потом, наконец, наступает и день начала перегонки спирта – процесс это обычный, подобен перегонке нашей чачи. Вначале полученная продукция делилась на всех поровну, но потом система поменялась, так как наступила пора запоев, а это означает, что каждый, запасаясь достаточной для себя нормой выпивки, уединяется в своей комнате и начинается процесс чередования питья и сна, однообразие которого изредка нарушается приемом заранее заготовленного сухого пищевого пайка и тихим, неприметным хождением в туалет. Так проходит пять-семь дней, пока организм полностью не истощится, потом бедолага выходит в люди и мы видим небритого, похудевшего, пожелтевшего человека, но вот он побрился, привел себя в порядок и, о, чудо – перед нами жизнерадостный, полный энергии и доброты человек, на которого очень приятно смотреть. И никого это не удивляет, и никто не спросит, где же он был столько времени (ведь и у них в свое время никто этим не поинтересовался), но существует неписанный закон, если кто-то «запил», его работу перераспределяют на себя оставшиеся. Когда я немного разобрался в ситуации, скромно предложил – Для меня, непривычного к таким вещам человека, все это чрезвычайно сложно, но, пока пообвыкну, вашу долю дежурства без слов беру на себя. Очень и даже вдвойне обрадовались – похвалили и одобрили мой поступок. Так продолжалось почти два месяца, но вскоре я заметил, что очень переутомился и мне пришлось отказаться от своего предложения, что же было им делать, не могли ведь они отказаться от выпивки и вынуждены были перераспределить дежурство между собой.

Во всей обсерватории вообще непьющих всего пять человек, которые пользуются этим и удваивают свой паек шоколадных конфет. Дело в том, что зимовщикам иногда выдают шампанское, водку, коньяк, вино и шоколад и тут начинается живой обменный процесс между пьющими и непьющими, а конъюнктура, из-за дефицита спиртного и малочисленности последних, всегда на их стороне.

Почему мне все это вспомнилось? Совсем недавно, этому вопросу было посвящено специальное партсобрание, оказывается центр издал приказ об

изменени правил распределения спирта, причиной которого явилась смерть на «Молодежной» моего старого, доброго знакомого Тютикова, который, находясь в нетрезвом состоянии, заснул и замерз в пути, ну и, чтобы в будущем избежать подобных инцидентов, норму спирта, выделяемого для технических целей, решили сократить в два раза. Собрание началось спокойно, но потом страсти начали накаляться, а выступления принимать характер протеста. Многие выражали возмущение по поводу принятия подобного решения. Выходило так, что локационная станция, радио и телетехника, двигатели и транспорт, все могло одновременно вдруг остановиться, если не будет вовремя и обильно почищено спиртом. Все это говорилось так серьезно, будто хотя бы одна капля спирта когда-нибудь использовалась для этих целей. Когда все высказались, председатель обратился и ко мне – А что скажешь ты? Ну я и высказал свою более мудрую мысль, а окончил тем, что, если об этом узнают американцы, мы опозоримся, ведь они на «Мак-Мердо» используют спирт для технических целей в неограниченных количествах. Эти мои слова конечно же были занесены в протокол, но я сомневаюсь, чтобы это хоть в чем-то могло помочь делу!

7 июля

Вчера вечером опять была передача – говорила супруга Галкина, потом передача на несколько минут прервалась, а когда включилась опять, уже оказывается, говорила супруга Комарова, она рассказывала о семейных делах, о том, что их ребенок чувствует себя хорошо и даже уже говорит «папа», создалось полное впечатление, будто беседу продолжала вести супруга Галкина. Мы все хорошо знали, что у Галкина уже большой ребенок, а передача просто дала сбой, но не удержались и, когда вошел Галкин, все стали поздравлять его с рождением ребенка, Саша категорически отрицал это – Вы что? У меня только одна большая дочь... Тут поднялся смех, начали подсчитывать, сколько месяцев прошло после того, как он уехал из дома, успокаивали – Такие вещи с зимовщиками часто случаются, не переживай. Потом стали подбирать ребенку имя, но самое смешное в этом то, что Галкин не знал, кто у него родился – мальчик или девочка, он совсем растерялся, покраснел, чуть не потерял дар речи. Не знаю, в тот момент он все принял всерьез, или просто подыграл и не сорвал нам шутку.

16 июля

Получили из «Дюмон-ДеЮрвиля» телеграмму – французы предлагают провести шахматный матч по переписке. Ответили, что с удовольствием принимаем это их предложение, но при одном неукоснительном условии, проигравшая сторона ставит ящик шампанского, думаю, ценители и любители шампанского – французы – не откажутся.

Перед сном, сыграл в шахматы и, потом, между шахматами и сном, ушел в мысли о гениальности шахмат и, наконец, понял, что один человек придумать

их никак не мог. Ведь это процесс – продукт слияния творческой мысли народа и времени. Но ведь существует же и гениальность одного человека, ведь имеешь же ты право причащения к сокровищу этого человека, какого не имеет никто другой? – Имеешь! Такое же право ведь имеет и твоя семья? – Имеет! Имеет же такое право и твоя страна? – Имеет! Как же иначе! А, если так, тогда имею и я, и моя семья и моя Родина – «Витязя в тигровой шкуре».

Я вовсе не собираюсь говорить о размере и весе гениального Руставели (ведь современные технологии пока еще не имеют ни средств, ни единиц измерения, для измерения размера и веса гениальности, это, вероятно, дело будущего, а может, скорее – далекого будущего), я говорю о том, как можно взвесить современного его читателя. Ведь имеющиеся в наличии в моей библиотеке, изданные в разное время, около тридцати томов «Витязя в тигровой шкуре» ничего не могут сказать ни о моем весе, и, если угодно, ни о размере моих интеллектуальных возможностей.

Люди! Родился ли у вас ребенок? Прогуливались ли вы пешком по Дарьяльскому ущелью, когда очень жарко? Были ли вы когда-нибудь в Ушгули? Бывали ли вы в гостях в семье простого кахетинского крестьянина? Посещали ли вы когда-нибудь мастерскую Ладо Гудиашвили, когда он сам рассказывает о своих картинах? Если бывали, то помните же те чувства, которые испытывали, выходя оттуда? Вот такое чувство и появляется у грузина, когда он читает Руставели, только не так, как учили нас в школе – а спокойно, в одиночестве, по-крупинке, когда несколько раз перечитав прочитанную строфу, и продолжив чтение, все еще никак не можешь расстаться с предыдущей и опять возвращаешься к ней, и нет предела твоему удивлению и удовольствию, уставший, окончишь чтение и начинаешь сравнивать сегодняшнюю суетность с безмерностью его мудрости. Сравнишь один раз, такого уровня будет тебе цена, сравнишь два-три раза – того уровня, ну, а если все время будешь сопоставлять, то безмерной станет твоя цена, пусть даже только в твоих собственных глазах. В том случае, если тебе не удастся оценка – еще раз почти благословенную – внимательнее.

Сделаем вывод! Взрослых образованных грузин можно поделить на две категории – внимательно читающих «Витязя в тигровой шкуре» и тех, кто пока этого не сделал. Есть и такие, которых нельзя отнести ни к одной категории, те, которые вообще не читали; или не читали, а говорят, что читали, хотя точно знают, что не прочтут; не прочтут потому, что им не имеет смысла читать (однажды ведь в школе они уже попытались); или времени не остается на чтение – все время голова кружится, от восхищения собой; или постоянно что-то подсчитывают до конца жизни и времени на остальное просто не остается; или больше любят отдыхать, чтобы не подорвать свое здоровье; или будто заботятся о народе и думают, что о народе заботятся; или книгу пишут и думают, будто правда пишут книгу. Но все они вместе

признают, что же еще мог сделать этот единственный человек, больше того, что он уже сделал.

18 июля

Антенна локатора вышла из строя, Марьинский с утра начал ее ремонт, мы со Слесаренко как можем помогаем ему. По работе необходимо после обработки полученных данных продиктовать партнеру приблизительно полторы тысячи цифр для того, чтобы напечатать их на телетайпе. Получается так, что в мое дежурство, обычно печатает Комаров, а я ему диктую. Из-за шума телетайпа, цифры надо произносить громко и отчетливо. Юра немного глуховат, мне обычно лень диктовать громко, но когда очередь доходит до пятидесяти или шестидесяти, он как правило начинает переспрашивать, вначале это меня очень раздражало, но потом заметил, что протягиваю звук «с» и эти два числа становятся похожими. Это уже немного развлекает и мне смешно, что я никак не могу отчетливо произнести эти числа. Кажется это единственное в моей жизни непреодолимое препятствие.

Диктую и знаю, сейчас Юра остановится и переспросит: «Пятьдесят два?», если так, отвечаю: «Да!», если говорю: «Нет!», значит «шестьдесят два» и мы оба смеемся.

19 июля

После того, как радисты сообщили, что за нами придет теплоход «Крупская», у нас появились дела - после ужина это главная тема всех наших разговоров. До мелочей разбираем неофициальное сообщение радистов: когда отплывут корабли, где они останутся, когда придут к нам, мы на каком уплывем, в какую страну зайдем, когда вернемся домой. Обычно каждый из нас имеет собственный вариант, особенно старые зимовщики. Один рассказывает, что в такой-то и такой год было так-то и, вероятно, в этом году тоже будет так, другой не соглашается и предлагает свой, совершенно иной, вариант и так далее.

Обычно, разговоры заканчиваются так: считаем, что июль прошел, скоро кончится и август; в сентябре дети пойдут в школу, а мы наконец получим официальный график и точно будем знать кто, когда и на чем отправится домой; в октябре, когда сравнительно потеплеет, отправим транспортников на «Восток», потом наступят ноябрьские праздники, в «похмельи» дни пролетят быстро, потом в конце декабря придут корабли, потом Новый год и ... все, экспедиция окончилась!. Да, надежда - великое дело. Встаем в отличном настроении – ведь прошло уже почти пять месяцев и ... даем знак дежурному механику, что к просмотру фильма уже готовы...

Сегодня день рождения моей Кетеван! Не думаю, что на свете есть другая девочка умнее, красивее, добрее и здоровее, чем она! Ведь все эти двенадцать

лет мы с ней провели всегда любя, всегда веселясь и всегда обласкивая друг друга.

31 июля

Такого спокойного дня, как сегодня, начиная с января пока еще не было, ветра, можно сказать, совсем нет. Все вокруг стало совершенно другим, а вернее – для нас более привычным, ведь снег стал похож на снег и снежинками падает с неба! Старый снег уже покрылся двадцати-тридцати сантиметровым слоем – мягким, пушистым, таким, какой обычно бывает у нас в горах. В ветренную погоду снег здесь никогда не падает с неба, ветер его приносит с внутренних областей континента. А здесь если и идет снег, то он никогда не достигает земли, так как ветер сносит его к океану. Небо чаще бывает чистым, светит и греет солнце, но ощутить его тепло из-за ветра невозможно. А сегодня мы собрались на углу здания и пригрелись на солнышке, как, оказывается, хорошо, когда тебя греет солнце!

Одним словом, выпавший сегодня теплый снежок, смягчил, округлил и облегчил окрестность, состоящую в основном из созданных ветром грубых, тяжелых, одеревеневших, угловатых форм.

Обычно, при прохождении центральной части территории станции, где ветер так уплотнил снег, что фактически превратил его в лед, мы зачастую подскользываемся и падаем, ну и когда упадешь, копчик так болит, будто упал на бетон или асфальт. А сегодня я прошел это место мягко. В полной тишине снег издавал какие-то непривычные звуки, будто идешь по жестяной крыше. И еще я услышал мяуканье и завывание и вспомнил рассказ одного полярника: зимой на станции «Лазаревская» врывается как-то ночью техник и говорит – Я был снаружи, погода спокойная и мне точно слышались голоса людей, зовущих на помощь. Все выскочили наружу, ведь этого вообще-то не могло быть, но вскоре они все услышали голоса, просящие о помощи, потом, один сообразил, давайте совсем не будем шевелиться, будут ли голоса – замерли и, действительно, голоса исчезли, начали шевелиться и голоса появились вновь, оказывается, вблизи от здания, снег, по-разному уплотненный ветром, в тихую погоду издавал такие странные звуки.

3 августа

Сегодня был день моего дежурства и на ужин я предложил хорошо прожаренное в большом количестве лука мясо и жаренный картофель, консервированные красные помидоры и подливу.

Вообще-то, пару слов, вероятно, надо сказать и о питании. Утром нам предлагают сыр, копченую рыбу, колбасу, сельдь, сметану или кефир, кофе, печенное; часто делают очень вкусные блины со сметаной; в обед, обязательно мясное первое, на второе – баранина, говядина или телятина с гарниром с обязательным компотом, или яблочным, вишневым или

персиковым соком, реже – кисель, часто бывает селедка, которую все с удовольствием аппетитно потребляем; на ужин иногда вместо мясного бывает рыба, чай, печенье или какое-нибудь печенное, временами пекут даже торт, очень вкусный и красивый.

По субботам, в банный день, у выхода из бани нас ждет вкусный холодный квас, а на обеде по бутылке австралийского пива «Леопард». В воскресенье нам обязательно варят кур или индюшку, а на ужин к варенью добавляют еще и другие сладости.

Честно говоря, повара у нас хорошие, готовят вкусно, правда однообразие первых и вторых блюд немножко начало уже надоедать. Из первых блюд конечно всем без исключения нравится чанахи, которое на наше похоже только названием, но все же лучше всего остального.

Бывает время, когда в кают-компании, люди, собравшись у раздаточного окошка, суетятся в ожидании его открытия; красноречивый дежурный разложит на столах перец, соль, масло, салфетки, а на подоконник положит ложки, вилки, ножи и стаканы. После открытия раздаточного окошка, каждый снимает крышку с лотка и берет то, что ему нравится и сколько ему хочется, если судить по тому, какая часть стойки пустеет быстрее, можно сделать вывод, что большинству по вкусу жаренная вырезка, красная рыба, грибы, копченая колбаса, тешка, хорошо поджаренная венгерская курочка, соленные огурцы и персиковый компот – повар не успевает подкладывать их в лотки на стойке. Остальные блюда опустошаются медленнее.

Однажды наш второй повар и кондитер Саша Таллис решил испечь «шу» и заранее поставил нас об этом в известность, но когда дело дошло до дела, понял, что испечь двести-триста «шу» он практически не успеет и вывесил объявление – Если возьмешь больше пары штук, это и тебе повредит, и твоему другу не достанется!!!

Из-за пониженной влажности, потребляем очень большое количество жидкости и, особенно я, живот, в результате этого, всегда раздут. Каждый день, после ужина, во время просмотра кинофильма, успеваем выпить пару-тройку ведер компота или воды с вареньем, правда мы предпочитаем им газированную лимонную воду, но сифон у нас давно испортился.

Аппетит у всех отменный, и если на столе перед кем-то стоит обыкновенная, а не двойная порция, мы начинаем подозревать, уж не заболел ли он.

В первые месяцы, когда нам всем одинаково приходилось физически очень много работать на воздухе, аппетит, соответственно, у всех был одинаковый. Однако в последнее время, большие физические нагрузки приходятся на транспортников и строителей и это заметно отражается на их тарелках. Но все же из всех выделяется начальник радиобюро, сороколетний, крупный и

плотный Борис Казадаев, чья тарелка всегда наполняется до краев, не зависимо от характера работы, погоды и настроения. Вообще-то, Боря немного странноват, в экспедиции он уже в пятый или шестой раз, блестящий знаток своего дела, очень начитанный и образованный, холостяк, остроумный верзила, занятый только работой и чтением – ни кино, ни какие-либо игры, ни собрания и лекции, ни питье и кутеж для него не существуют. Новое радиобюро располагается в конце нашего коридора и я часто замечаю, с какой любовью и старанием использует он свои время и знания при монтаже своего радиооборудования. Устав, запирается в своей комнате и читает, если заговорит с кем-то, то по быстрому, но все-таки успеет рассказать, что-нибудь оригинальное или смешное, или предложит поменять пиво на шоколад или сок. Если учесть и то, что за время пребывания здесь, он еще ни разу не подстригался, совсем нетрудно будет представить внешность этого великана.

Кроме того, что мы постоянно питаемся в столовой, раз в два месяца нам еще выделяют персональные пайки – объявят по радио, мы явимся со своими сумками и каждому из нас выдают по пять-восемь килограммов яблок, десять-двадцать плиток шоколада, сок манго, консервированные ананасы, орешки-фундук, кофе, десять-двадцать бутылок «Борджоми» и еще различные деликатесы.

7 августа

В обсерватории нас пятьдесят три мужчины и две собаки - один кобель и одна сука. Кобель уже со стажем, зимует здесь четвертый год подряд, по кличке – Маркони – прозван так в честь итальянского изобретателя радио, в прошлую экспедицию он жил у радистов и это они дали ему эту кличку. Он уже пожилой, ходит степенно, никогда не бегаёт, если ласкаешь, он вилянием хвоста даёт понять, что доволен, в кают-компанию никогда не заходит, стесняется, еду ему носят домой механики. Подружке Маркони и нашему развлечению, немецкой овчарке Люсии, пока нет и двух лет. Перед обедом и ужином она обычно торчит у дверей и ждёт, когда же мы наконец впустим её вовнутрь. Все кому не лень кормят её мясом и она очень избалованна, если у мяса есть хоть незначительный душок, ни за что до него не дотронется – совсем не похожа на нас!

Когда после обеда, наевшиеся, мы рассаживаемся в холле на низких длинных скамьях, начинаются игры-мучения Люсии – кто-то хватается за хвост, кто-то за ухо, кто-то за лапу, а она прыгает, огрызается, вертится не останавливаясь, кувыркается, кусается, тянет кого-то за обувь, игра ей не надоедает, потом мы устаем и отстаем от нее и она немного успокаивается, ложится посреди комнаты, замирает и смотрит своими влажными водянистыми глазами то на одного, то на другого. Подойдет к ней кто-нибудь, соскучившийся по ласке, потреплет по голове, положит себе на колено переднюю лапу, в тот же миг она преобразится, доверчиво начнет ласкаться, оближет руки, лицо, начнет

бережно покусывать руки, иногда может не соизмерить и случайно болезнее вонзить зубы в руку, тогда на крик – Люсия, больно! – тут же отпустит. Живет она у астрономов Юрия Устилова и Олега Воробьева и если кто-нибудь громко спросит – Люсия, Юра как ругается? – дважды громко пролает, потом на более энергичный вопрос – Олег как ругается? – она пролает так громко три-четыре раза, что, находящиеся в комнате могут оглохнуть.

Сейчас собаки в Антарктиде бездельничают, только развлекают зимовщиков. А в свое время, в первых экспедициях, до ввоза техники, да и долго еще потом, без собак в Антарктиду не приезжала ни одна экспедиция. Амундсен завоевал Южный полюс на запряженных в сани собаках. Что же касается Скотта, то он использовал собак только на части своего маршрута, ведущего к полюсу и многие называют это одной из причин, приведших к трагическому финалу экспедиции. У Бэрда и Шелктона в их экспедициях было более сотни собак с их погонщиками – каюрами. Австралиец Ричард Моусон достиг геомагнитного полюса на собаках. И в наших первых экспедициях тоже были собаки, но постепенно мощные гусеничные вездеходы лишили собак работы и завоевали господство на континенте.

В 1957-58 годах англичане вместе с новозеландцами, под руководством Вивиан Фукса и Эдмунда Хилари, совершили трансантарктический санно-гусеничный переход через Южный полюс и этим положили конец господству собак, а вернее будет сказать, положили начало скатыванию господства собак вспять.

В 1958 году японцы, в результате обязательной необходимости закрытия станции, вынуждены были оставить там пятнадцать собак, которых они привязали ремнями, оставив им корм на несколько недель. Вернувшихся через одиннадцать месяцев зимовщиков, радостно виляя хвостами, встретили две из них. Спасшиеся собаки, очевидно, как-то освободились от ремней и все это время питались пингвинами и их яйцами. Позднее, в городе Осака этим пятнадцати собакам японцы поставили белый мраморный монумент.

11 августа

Сегодня начальник транспортников Лебедев окончательно отказался от моего участия в санно-гусеничной экспедиции, которая в конце октября отправится на «Восток», у меня просто нет никакого шанса попасть в экспедицию – врачом, штурманом или радистом я не подойду, ни один из механиков-водителей и повар не отказываются от поездки, а больше нет ни одного места. Правда, Анатолий оставил мне одну надежду, твердо пообещав – Если кто-нибудь из двенадцати водителей заболеет, первым кандидатом будешь ты, даю честное слово. Посмотрим, что выйдет.

Мне же остается пока лишь одно, пойти в библиотеку, поискать интересные книги. Библиотека у нас большая и интересная, каждый может выбрать и

найти здесь себе духовную пищу, ну а самые интересные книги, обычно, переходят прямо из рук в руки. Все мы много читаем, времени для этого достаточно. В обычных условиях, свободное от работы время уходит на домашние дела, воспитание детей, на друзей и родственников, знакомых и незнакомых, на еду-питье и заботу о внешнем виде, на чтение газет-журналов и еще на тысячу разных мелочей, в результате чего жизнь проходит незаметно и жизнерадостно. Здесь, ни на что подобное время не тратится, ничего тебе не нужно и никого у тебя нет: необходимая одежда есть; когда голоден, просто должен пойти и переложить нужное количество еды себе в тарелку; чтобы попасть на работу, транспорт тебе не нужен – она в соседней комнате и так далее.

Когда подсчитал, оказалось, что за эти восемь месяцев я прочел около сотни книг, без разбора и бессистемно, читаю обычно то, что мне в данный момент интересно и к чему предрасположено настроение. Параллельно с этим перечитал и проработал всю литературу по Антарктиде – атласы, отчеты, антарктические бюллетени, энциклопедию и если где-то есть упоминание о ней, так что до конца года умственной пищи хватит. Одним словом, столько времени на чтение и раздумья у меня никогда не было. А вообще, совсем, оказывается, неинтересна беззаботная жизнь! Поэтому-то и поддался я грандиозности и красоте этого благословенного континента и эта грандиозность и красота напомнила мне нечто подобное из будущего, из того периода восьмидесятых годов, когда лавины и сели навредили жителям горных районов Западной Грузии и появилась хорошая причина для начала строительства новых поселений в Центральной и Нижней Картли. Эта история была намного важнее, чем ее верхняя, видимая часть и поэтому делали дело быстро и с большой любовью все вовлеченные в него строители и многие другие.

Обязанностью нашей службы была: перепись пострадавшего от снежных лавин населения; экспертиза лавиноопасных строений и опись разрушенных домов.

Пока строители строили пострадавшим дома, мы ездили в экспедиции и делали свое дело. Прошла пара лет и наступила пора их переселения. Одним из главных документов, выданных пострадавшим от лавин верхним и нижним сванам на право получения нового дома, являлся и наш.

Собралось огромное количество людей – казалось, что добрая половина населения Сванетии выстроилась у дверей нашей службы. Дело продвигалось очень медленно, так как обычно из десяти только три семьи попадали под необходимую категорию, которая получала жилье на равнине, а оставшиеся семь изо всех сил старались любыми способами заполучить необходимый, но увы не положенный, им документ. Чей только родственник, родственник родственника, друг и друг друга не звонил, не приходил, не ждал меня на

работе, улице или дома в эти дни. Эти несчастные, обездоленные люди даже собирали деньги на взятки, но, к сожалению, ничто не могло помочь их делу ... и ситуация стала накаляться – начались угрозы.

И вот, в один прекрасный день, мне звонят и сообщают, что меня срочно вызывает к себе первый секретарь ЦК партии, я, конечно, живо явился к нему обремененный своими заботами. Выслушав меня, он по-мужски сказал: «Ты что, не понимаешь, что я тебе говорю? Иди и сейчас же начинай выдавать необходимые документы всем, у кого есть хоть крошечная зацепка, не станем же мы заселять в дома, построенные в избытке, каких-нибудь чужаков».

Обратно я не просто шел, а летел, срочно собрал экспертов экспедиции и мы быстренько почти всем выдали эти прекрасные справки на основании наспех переделанных актов и за пару-тройку дней закончили все дела, а я, в результате, получил от партийного начальника Верхней Сванетии искреннее приглашение в гости. Это я рассказываю для того, чтобы показать, до чего может довести человека мера восторга.

Вскоре наступил август и вот моя супруга, один мой друг и его супруга говорят: Мы уже такие взрослые, а Сванетию еще не видали, а ты только и делаешь, что треплешься, будто получил приглашение. Давай съездим, может хоть после этого ты остановишься.

Ну и собрались мы и на моей машине тронулись в путь, спокойно добрались до Мингрелии и проголодавшись, пообедали в городе Цаленджиха в одном маленьком уютном ресторанчике, и чего только не было на нашем столе! Действительно благословенный край Мингрелия!

Получив от обеда огромное удовольствие, мои спутники даже предложили: После такой еды, насмотревшись на красоты окружающей нас природы, зачем же нам ехать в Сванетию, можно уже повернуть домой.

Наконец добрались до ухабистой Сванетии и природа стала суровой. Меня одалела грусть – может действительно лучше было бы вернуться? Разве можно будет чем-нибудь удивить этих моих спутников, ну а, если не смогу их удивить, тогда в чем же будет выражаться принесенное мною добро?

Постепенно начало смеркаться и мы так добрались до Местии, что мои спутники почти ничего не увидели – у них уже не было ни желания смотреть по сторонам, ни слушать.

У гостиницы нас ожидал один местный высокопоставленный чиновник, после нашего отказа от ужина, он все же угостил нас чаем и кофе и потом разместил в прекрасные отдельные номера.

Перед сном я никак не мог отправить этих наших друзей-супругов в их номер, они были недовольны этими ужасными дорогами, им не понравились и те

бедные лачуги, которые они успели заметить в полутьме, даже отметили ради справедливости и без удивления как-то замеченные ими парочку маленьких церквушек. И то, что было холодно им тоже не понравилось, а то, что нас угостили чаем и кофе, стало поводом для их безудержного смеха. Но это еще полбеды, я никак не мог успокоить свою собственную жену, которая во всем их поддерживала – это было мне особенно обидно.

Страшно уставшие они наконец успокоились и заснули – и я тоже – с жалостью и грустью по поводу того, что приехал и привез их сюда.

Рассвело, высокие горы осветились солнцем и в тот же миг с шумом и криком распахнулись двери нашего номера. Я испугался, не случилось ли какое несчастье, и вскочил. В дверях, в исподнем, с сияющими глазами стояли наши друзья-супруги, поняв, что ничего плохого не произошло, я немного успокоился и у меня появилась какая-то надежда, а после надежды по телу пробежала приятная дрожь – ожидания чего-то прекрасного.

Друзья заставили нас побыстрее встать и выйти на улицу, чтобы увидеть – как они утверждали – настоящее чудо.

Мы вышли и увидели красивое чудо или чудо красоты – сильное и впечатляющее. Первое, что увидел глаз, были лучи солнца и, видимые на их фоне, вершины Бангуриони и Корулды – с покрытыми местами снегом скалами, грандиозные и величавые – младшие братья Ушбы и Шхары. Половину верхней части горизонта занимало небо, а вторую половину скалистые горы, но ведь не будешь же смотреть все время только вверх и мы опустили взор вниз. Внизу Местия, пока без солнечного света – в тени, гармония природы и результатов человеческого труда ... башни, башни, башни ... нескончаемые башни – напряженные, суровые, но необъятные для недоброго глаза башни – венец этого сказочного пейзажа. Только сейчас я почувствовал, что этот мир создан и для меня. Есть, но не могу понять – эти башни этого или того, иного мира? Видимо это тот исключительный случай, когда созданное руками человека почти равняется с созданным природой!

Последующие три дня пролетели как фейерверк. Были в доме-музее и в гостях у родных Миши Хергиани; видели в больших и малых деревнях большие и малые церкви-сокровища, окунулись в их глубину и богатство; гостили в традиционных семьях, а в последний день – Ушгули – без этого никак было нельзя.

Сопровождал нас председатель исполкома и мы на двухосной машине тронулись в путь рассчитывая вечером успеть на, устраиваемую хозяевами в нашу честь недалеко от Местии, в красивой обстановке, встречу.

Патриархальный Ушгули – это есть Ушгули и его надо увидеть. Просто увидеть и больше ничего. Даже если потом не сможешь передать эту красоту – не беда – ведь в тебе же она уже осталась навечно.

В конце, пополудни, в отдалении от деревни, там, где берет начало Ингури, хозяева накрыли нам стол.

Мы очень спешили – нас ждали внизу и не хотелось опаздывать, если бы не песни, полноценное исполнение которых можно услышать только здесь; это не просто пение, а, очевидно благодаря окружающей среде, непередаваемый словами, сказочный, завораживающий, неземной, какой-то особенный, музыкальный гул человеческих голосов; чудо, достойное сванских башен и может даже что-то еще большее. И разве может иметь большее богатство человек, страна и мир?

Время давно перевалило за полдень и уже даже начало смеркаться, но никто не смел отвлечь нас от этого внеземного чуда, да и нам самим, растроганным и умиленным, ничего больше не хотелось.

Когда время вплотную подступило к нам, пребывавшим в раю, мы опомнились и, наконец, встали из-за стола. Перед отъездом, мы босиком несколько раз пересекли исток Ингури, благо здесь он был неширокий, чтобы могли потом потрепаться этим. Попрощались с нашими добрыми хозяевами и поехали обратно. Мы-то спустились до конечного пункта, но когда спустились все единогласно отметили, что по идее, из-за опасной дороги и нашего нетрезвого состояния, вообще-то не должны были так благополучно доехать вниз.

Продолжившийся в тот вечер кутеж, наш утренний отъезд и спуск в долину, уже не были для нас важны. Главным было то, что было главным там! Там и тут: в Картли или Кахети, Месхети или Пшав-Хевсурети, Имерети или Рача-Лечхуми, Аджарии-Гурии или Мингрелии-Абхазии, по эту или ту сторону лихского хребта, по эту или ту сторону границы – нерукотворная красота грузинской земли и гармония с ней грузинской души!

14 августа

Механики срезали ледяную стену и провели дорогу к поверхности морского льда, первый вездеход вышел на замерзшее море. Надо перевезти транспорт и другой тяжелый груз, оставленный летом на острове Строителей.

Коля Назаров, бульдозерист, нашел на острове птенца пингвина, откуда он попал туда, непонятно, ведь императорские пингины по камням и скалам не ходят. Принес его домой, посадил в коробку и со вчерашнего дня птенец живет с ним. Сегодня мы целый день развлекаемся – оказалось это очень интересное маленькое существо. Поставишь его в конце коридора как куклу, станешь к нему лицом и начнешь пятиться назад, он идет за тобой,

переваливаясь с одной стороны на другую, как заводная игрушка. Остановишься перед ним, соединив пятки сапогов и расставив носки – подойдет, прижмется к сапогам и нос глубоко засунет, видимо черные сапоги за маму принимает. Куда поставишь, стоит неподвижно, только клювом шевелит. Потом Коля заявил, что его приемыш устал и проголодался, поставил птенца в коробку, открыл ему клюв и засунул туда кусочек мяса, со вторым кусочком чуточку завозился, так тот поднял такой крик, что перекрыл наш хохот. Проглотив десять-двенадцать кусочков мяса, успокоился, похоже наелся. Потом хозяин развернул его лицом в угол, пару раз сильно надавил на него, будто иначе он опрокинулся бы на спину, легонько ударил по голове и, в ответ, птенец, спрятав клюв в грудку, послушно заснул. Коля все это делал так уверенно и тот так подчинялся ему, будто это был не живой, а игрушечный пингвин.

16 августа

Кажется сегодняшний ветер особенно сильный – метеорологи зафиксировали максимальную скорость - пятьдесят метров в секунду, он дует порывами, пару минут отдохнет, будто набирает силу, и опять начинает дуть. Стены ужасно сотрясаются, в комнате стоит оглушительный шум. В шесть утра, тепло одевшись, собрался вместе со своим радиозондом идти в стоящую в ста метрах газогенераторную. Открыл, выходящую на балкон, первую дверь и, о чудо, все пространство между двумя дверьми до потолка забито снегом! До тех пор, пока ветер не стихнет, ходить через эти двери будет невозможно. Закрыл эту дверь и вышел через первый этаж. С большим трудом дошел до стоящего на двухметровых железных столбах железного кузова машины, который мы используем для бензинной обработки резиновых оболочек. Двери у него с подветренной стороны, знаю, что будут занесены снегом. С расстояния двух метров, наконец, увидел черный предмет, знаю, что это кузов, но со стороны двери ветер уложил такой длинный шлейф глубоко снега, что она чуть видна. Нашел лопату и начал копать, дышать очень трудно, потому что за дверью ветер закручивается и воздух забит снегом. Для отдыха выхожу на открытый участок, становлюсь спиной к ветру и прячу лицо в куртку, так дышу нормально. Увидев, что я очень задерживаюсь и поняв в чем дело, Юра и Гарри пришли мне на помощь. Два часа по очереди рыли снег, наконец кое-как открыли входную дверь. В комнате для надувания оболочек ветер вырвал дверь и комната была забита снегом ... только этого не хватало! Дважды попытались, но запустить радиозонд так и не удалось, решили вернуться домой. Только вышли наружу, тут же потеряли друг друга, в одном метре ничего не видно! Идешь к дому и единственным ориентиром является ветер. Если хочешь, чтобы он привел тебя к дому, надо стать к ветру левой стороной половины спины так, чтобы он дул в основание левого уха. Ветер тащит тебя к барьеру и если не оказывать ему сильного сопротивления, может сбросить вниз, тем более, что барьер тут же рядом, всего в двухстах метрах. Если

потеряешь чувство расстояния и ориентации, можешь пройти совсем рядом с домом так, что даже не заметишь его, пройдешь мимо и броди потом наугад. К лестницам подошли почти одновременно, но никак не можем приблизиться к ним, отталкивающаяся от стены дома волна еще больше усиливает и без того ураганный ветер и не подпускает к лестницам. Станешь спиной к ветру, отдохнешь, подготовишься, потом энергично кинешься головой в волну и налегаешь всем телом. Ничего не получается ... в конце пришлось лечь и ползком преодолеть последние три-четыре метра, ввалившись в коридор, сопели так, будто пробежали десять километров. Сняли с себя штурмовки - куртки, сапоги. Карманы брюк и кожаных костюмов полны снега, но это совершенно не удивительно. Как-то мы зашли в старое, давно покинутое здание и около одного окна обнаружили большую кучу снега, никак не могли понять откуда он здесь взялся. Потом в одном углу окна обнаружили малюсенькое отверстие, в которое не пролез бы даже кончик иголки! Поразительно, в воздухе крутится такая масса снега, а воздух все равно страшно сухой. Этот снег не здешний, его несет сюда из глубины континента ветер, по дороге его мучает, мелет и превращает в такую пыль, что, попав в глаз, вызывает резь как от песка, он проникает в любые, даже наимельчайшие отверстия и, если вовремя не перекрыть путь, заполняет любые пространства. Влажность в комнате не достигает даже двадцати процентов, вдыхаемый воздух такой одревеневший, что кажется будто шумит, вливаясь в легкие. На воздухе железные предметы так наэлектризованны, что стоящие рядом становятся проводниками тока. В комнатах наэлектризованны даже деревянные предметы – все двери мы открываем ногами. Поэтому здесь железные предметы не ржавеют годами.

26 августа

Вчера нарушилось однообразие последних дней. После ужина радист принес, присевшим на длинной скамье и лестницах, ушедшим в свои мысли зимовщикам, длинную «простыню» – график движения кораблей, оказалось это планы новой экспедиции. Нас будто ветром сдуло, все повскакивали и стали читать, потом начались такие горячие споры и обсуждения, что просмотр кинофильма пришлось отложить на целый час. Не имеющие уже в последнее время тем для разговоров и поэтому почти онемевшие, мы просто не могли остановиться. Кто о чем только не говорил, в каких только углах не активничали, обсуждая новую весть, особенно ценились предположения бывалых зимовщиков. Потом начали высчитывать, когда придет корабль в «Молодежную», на сколько дней задержится в пути, когда прибудет к нам. Потом - в какие порты зайдет, в каких городах что интересно, где и что можно купить и еще много другого. Если многое более или менее приблизительно известно, то уж цены на пиво и спиртное во всех портах мира все знают точно.

Вчера и сегодня разговоры на новую тему не кончаются и, наверно, она еще долго будет предметом обсуждения, не теряя своей актуальности. Со

вчерашнего дня, как правило, любая беседа начинается приблизительно так – Так ты считаешь, что «Визе» будет здесь двадцать пятого?... – и разгорается! Существует четыре варианта вывоза зимовщиков: на самолете из Австралии; на грузовом дизелеходе «Капитан Федосеев», проездом через Австралию, во Владивосток (в обеих этих случаях ты попадаешь домой в феврале); на «Визе», который выйдет отсюда в начале января, в проливе Дрейка проведет двухмесячные работы по программе «Полак», зайдет в Монтевидео, на «Беллингаузен» и в какой-нибудь европейский город и 20 марта вернется домой; и, наконец, основную часть зимовщиков в конце сезона, 10 марта, заберет пассажирский теплоход «Михаил Калинин», который будет дома 16 апреля. Одним словом оживляющие новости у нас есть.

Вчера азартный Марьинский обыграл в нардах и меня, и Слесаренко, и Комарова – и теперь по уговору мы не должны играть в нарды целую неделю и при этом обязаны носить на груди, как узники Освенцима, картонки с надписью – «Марьинский – гений, а я играть не умею и не имею права играть одну неделю», радости Марьинского не было предела. От счастья он, как ребенок прыгал и громко смеялся, и с удовольствием принимал поздравления всей обсерватории. И действительно был этого достоин, так как смог выиграть все три партии, умело развернув игру в свою пользу. Кончилось дело тем, что он решил: Все, в экспедиции больше ездить не буду, работу брошу и начну «гастроли» по Кавказу – буду делать деньги! Развернулся и полный гордости ушел на «испытания занавесок», так мы называем дневной сон в комнате с черными занавесками, если спалось хорошо, считается, что испытания прошли успешно!

27 августа

Наше вчерашнее и сегодняшнее появление в кают-компании с надписями на груди, вызывает у окружающих смех и жалость к нам. Вечером мы решили больше картонки не носить, Марьинский злится и угрожает – За нарушение уговора, пожалуюсь начальству.

Утром стоит спокойная погода, перед завтраком механики разогревают двигатели, стоящих перед нашими дверьми, вездеходов. Работающие на малых оборотах обе машины слабо дымят и выхлопные газы через дверную щель проникают в комнату, в которой из-за этого стоит совершенно невыносимый запах гари, может вообще-то он и не такой уж невыносимый, но наши, изнеженные чистейшим воздухом легкие, не в силах его выносить, иначе скажите, кто бы обратил на это внимание? Вот об этом обычно и говорят: «Очень хорошо, тоже не хорошо!»

29 августа

Вчера посетили императорских пингвинов. Спустились с барьера и перед нами открылось очень интересное зрелище – морской лед имеет не ровную, а волнистую поверхность, будто от окрика волнующееся море вдруг замерло и

окаменело, причем высота этих волн достигает двух-трех, а длина десяти-пятнадцати метров, волны направлены параллельно барьеру. Интересно, неужели лед двухметровой толщины настолько эластичен, что способен извившись, как волна на вскинутой за конец веревке, и, не расколовшись, застыть! Зато хорошо рассмотрев барьер, догадались о причине его возникновения: видимо континентальный лед, двигаясь вперед, стал налегать на морской лед, находящиеся же позади него айсберги, притормозив отступление морского льда, вынудили континентальный лед измяться. Дорогу мы продолжили по гребню застывшей волны, так как у её основания стояла морская вода, а мочить ноги нам совершенно не хотелось. Колония уменьшилась почти наполовину, зато оставшиеся пингвины развили бурную деятельность. Почти у всех уже вылупились птенцы и некоторые, согревая, носят их между ног, как до этого носили яйца, многие птенцы уже подросли, покрылись пухом и гуляют в «детском саду». Собравшиеся жмутся друг к дружке, те, которым не холодно смело гуляют отдельно. Взрослые находятся в отдалении, что-то бормочут или гуляют. Несколько взрослых пингвинов внимательно ухаживают за «садом», обходят его кругом, следят чтобы птенцы не рассеялись, некоторых кормят из клюва в клюв. И никак нельзя понять, кормят они своих собственных птенцов или, как работники профсоюза, помогают всем голодным и нуждающимся.

Встретили несколько пингвинов с яйцами, несчастные они высидывают уже давно протухшие яйца, но ни о чем не догадываются.

У основания айсберга было уютно и чуть тепло, мы все мужественно разделись и окружили одного пингвина, чтобы поймать и, пока окончательно не окоченели, сфотографироваться в его обществе. Постепенно начали стягивать вокруг него круг, крутится бедный император и никак не может понять, что хотят от него эти люди с растопыренными руками и ногами? Схватить его никто не осмеливается, так как знаем, что крылья у него сильные и острые, как хорошо заточенный нож, немножко боимся. Наконец мы с Пастуховым решились и бросились на него, но совершенно неудачно, пришлось тут же отскакивать назад. Потом все повалились на лед и, к счастью, голова пингвина оказалась между ног у Морозова, кинулся Пастухов и поймал его за крылья. Потом, стараясь, чтобы император случайно не поранил нас, каждый по очереди, сильно прижимая его к себе, красовался перед, снимающими нас объективами остальных. Замерзли, оделись, немного согрелись, потом опять разделись и теперь окружили уже трех очень красивых, мягких и беспомощных птенцов.

Вдали, вплоть до горизонта, видны маленькие движущиеся группки. Это некоторые пингвины идут за пропитанием, другие же, возвращаются уже насытившиеся, а ведь до чистой воды – в конце шельфа – больше трехсот

километров, хотя это расстояние ничто по сравнению с описанными в литературе случаями.

В декабре 1959 года зоолог Ричард Пени отловил около австралийской станции «Уилкс» пять пингвинов Адели, самолетом перевез их на «Мак-Мердо» и выпустил. В начале ноября следующего года с разницей в два дня двое из них вернулись обратно, еще один вернулся к своему старому гнезду позже, в декабре. Получается, что каждый из пингвинов преодолел путь более чем в четыре тысячи километров, они проходили в день по пятнадцать километров и вернулись на свое старое гнездовье!

В 1962 году сотрудники Винсконсинского университета, отловленных на островах Крозе двадцать пингвинов, перевезли в три различных пункта – на Землю Мэри Бэрд, Землю Виктории и в центр шельфового ледника Росса – и там выпустили, на протяжении трех-четырех километров следили за их передвижением используя триангуляционный метод. Все выпущенные пингвины сразу начинали движение по прямому, кратчайшему пути, хотя иногда они находились на расстоянии тысячи километров от морского побережья. Кроме этого, ученые обратили внимание на то, что в пасмурную погоду, пингвинам не удавалась точная ориентация. Зоологи пришли к довольно интересному выводу – пингвины, при выборе пути следования, ориентируются по Солнцу. В тоже время, вероятно, у них в мозгу есть что-то вроде физиологических «часов», так как они производят коррекцию изменения движения Земли по отношению к Солнцу, иначе их маршрут выходил бы криволинейным.

Обратно мы возвращались в обход айсберга, по дороге наткнулись на пятерых тяжело сопящих тюленей, в двадцати-тридцати метрах от них обнаружили пять маленьких прорубей, диаметр которых был меньше половины обхвата туловища тюленей, интересно, как они помещаются в эти крохотные проруби. Животное, очень ловкое и быстрое в воде, на льду совершенно беспомощно, подходишь к нему близко, оно переварачивается на спину открывает огромную пасть и мычит, а иногда даже плюется и пофыркивает, как лошадь. Передние зубы у них крупные, а боковые – мелкие, недоразвитые, как у младенцев, рыб они прямо заглатывают, а планктон щиплют передними зубами и их неиспользуемые боковые зубы не развиваются. У них очень красивые, обтекаемые, скользкие голова и туловище, которое кончается, расположенными рядом, хвостом и задними конечностями, уже почти превратившимися в ласты. Передние конечности украшены плавниками, некоторые имеют черные, а некоторые серые пятна. Движения этого более чем двухметрового животного напоминают движения, лежащего на земле, связанного по рукам и ногам человека. Из раны на коже одного из тюленей капала кровь, видно он поранился, вылезая из проруби на лед.

6 сентября

Сегодня узнал ужасающую историю гибели Малхаза Эристави, хожу пораженный, понурый, ни с кем не хочу говорить, никого не хочу видеть, видя мое угнетенное состояние, все обходят меня стороной. Я же постоянно думаю о Малхазе – сколько хороших дней провели мы вместе. Маленькими бегали за мячом и потом вместе ездили на соревнования в Ростов, Мингечаур, Чебоксары, Москву. Я был влюблен в его голос, его пение доставляло мне огромное удовольствие. Сколько благодатных дел умел и любил он делать. Как часто, с болью в сердце, говорил о жизненной несправедливости и разве его уход в середине жизни не есть эта самая жизненная несправедливость? Он знал и умел почти все, кроме плавания, и, видимо поэтому был пожертвован этому своему неумению плавать. Выходит, прошло уже столько времени, что и нашим рядам пора начать редеть.

Потрясенному и оглушенному этим известием, мне кажется, что все вокруг меня ходят без настроения. Потом понял, что я сам ищу контакт с теми, у кого какие-то переживания, иначе с чего меня потянуло к Саше Черняку и почему он сказал – Теперь я точно знаю, какое настроение бывает у человека перед самоубийством; или Николай Таров – этот теплый человек именно в эти дни уделяет мне особое внимание, часто подсаживается ко мне и начинает вести со мной тактичные разговоры.

Сегодня Коля говорит – Нам всем присудили по году и пять месяцев, только ты получил полтора года, видно у тебя более тяжелые «провинности». А ведь действительно, я выехал из дома почти на месяц раньше всех и наше здесь пребывание во многом схоже с отбыванием наказания.

Когда всеобщий любимец и симпатия Коля Дреер – тридцатипятилетний смуглый, высокий, красивый молодой человек, начинает говорить, все обращаются в слух, потому что никто не может лучше и остроумнее него сформулировать необходимое. В связи с этим разработан даже определенный ритуал – все трех-четырёхминутные паузы, возникающие во время просмотра кинофильма и связанные с перемоткой пленки после просмотра очередной части и началом следующей, официально предназначены для Дреера: сидим в темноте и слушаем комментарии Коли о ком и о чем угодно. И пока смех не утихнет или сам Коля не проявит милость, киномеханик не имеет права продолжать сеанс, а происходит это так: из окошечка кинопроекторной слышится – Ну как, барон Дреер, можно пускать? – Не можно, а нужно! – разрешает «барон» и показ фильма продолжается.

12 сентября

Сегодня хирург Протосеня прооперировал строителя Славу Коркина. Если не этот случай, находясь в окружении таких здоровых людей, Протосеня не успел бы выполнить свою прямую обязанность, а теперь, пока Коркин не встанет на ноги, наш хирург никому не поможет таскать воду; не расскажет

нам, услышанные по радио последние известия; не напечатает что-нибудь на печатной машинке. Этот человек умеет делать все, а хирургию он или должен ненавидеть, или не должен о ней иметь никакого представления, иначе, что могло заставить этого человека среднего возраста приехать в такое место, где в течение почти двух лет, он всего один раз случайно получил возможность применить свою профессию.

Совсем другое дело терапевт Юрий Пастухов, вот у него тысяча дел по своей профессии: всестороннее обследование людей, врачевание, эксперименты, психологические и социальные программы – дел у него по горло. Или тот же Швайков – по профессии тракторист, этот молодой человек и свое дело делает, и «директорствует» в бане – поручили и делает, правда он как-то сказал мне: Если бы знал, что это такое, ни за что не согласился. Географ, штурман, метеоролог, повар, физик, летчик – все делают свои дела в тяжелых условиях и все задания подлежат беспрекословному исполнению, но зато и удовольствия от этого много. А вообще-то здесь отсутствие хирурга недопустимо и неудобно!

... Может здесь будет удобно продолжить интервью ... попробую ... с Вашего позволения ...

- Что лучше для Антарктиды?

- Если люди вообще не будут касаться этого красивого континента.

- В чем Вы уверены?

- Уверен, что обыкновенных, нормальных европейцев да и всех остальных ожидает большое удовольствие от знакомства с грузинской культурой и традиционными обрядами.

- Что Вы считаете самым большим недостатком человека?

- Амбициозность – при ограниченности ума.

- Какие художественные произведения ждут нас в будущем?

- В 21-м веке сброшюрованные в художественные произведения выдуманные истории уйдут на второй план, господствовать будет художественно оформленная действительность – преимущественно.

- Как делается бизнес?

- Бизнес как дождевая вода, течет туда, где наклон – где лучше.

- Можете сказать, почему мы в таком положении?

- Сегодняшнее невыносимое положение страны, результат нашего вчерашнего всеобщего веселого кутежа.

- Что такое социализм?
- Социализм это, когда за всех думает один, или делает вид, что думает.
- Почему футбол является самым массовым и динамичным спортивным зрелищем?
- Потому что взять мяч в руки не удастся ... ногами.
- Современные грузины отважные?
- Они не отважные, они – борцы, очень воинственные!
- За что борются – за Родину или идею?
- Нет, за карьеру, только за карьеру ... Посмотрите, только посмотрите на них! Если бы эти боролись за идею и народ, они были счастливы – вместе с народом!
- Почему человек становится эгоистом?
- Потому что не может унять свои неограниченные желания, не контролирует их.
- Менялось ли Ваше впечатление о человеке ... мгновенно?
- К одному, уже состоявшемуся, серьезному человеку, нашему бухгалтеру, по фамилии Гогуа – в период, когда мы входили в коммунизм – выражая свое к нему уважение, обратился – Господин ... – и в ответ получил – Кто твой господин?!
- Что такое смерть?
- Для умершего со смертью кончается все, поэтому живые празднуем смерть – со скорбью, а иногда будто бы со скорбью.
- Думаете смертью кончается все?
- Для людей того склада, которые думают, что из-за нехватки времени на добрые дела здесь, они хоть там будут успевать все делать, смертью кончается их смерть.
- Что такое гармония для Вас?
- Юноша и пожилая женщина – с цветами в руках.
- Дисгармония?
- Когда люди держат цветы как веник.
- Какую страну Вы хотите?

- В стране, где истина спорна – в такой стране жить не хочу.
- Что или кто есть та суть, которая создает и правит вселенной?
- Да есть такая суть – в ее незримом теле времени расположены потребность, опыт и потомство. Во вселенной существует множество совершенств, к сожалению, пока для нас неизвестных, а в ее малой части – на Земле – более или менее совершенен человек, у которого больше, чем у других, появилась потребность в совершенстве, в результате чего он набрал опыт, который генетически передал потомству, для его усовершенствования и так ... бесконечно.
- Что значит нравиться?
- Преодоление одиночества, очарование красотой, прекрасное чувство душевного родства, желание проявления которого сковывается застенчивостью. Проявленное же это чувство, из-за ограниченности словесного запаса, теряет свой лоск и порой становится поводом для подхалимажа.
- Каким Вам представляется ближайшее грузинское будущее?
- Эта страна, бывшая когда-то страной людей искусства, станет банковской страной без развитого хозяйства. Испарится миф о «глупом грузине». По числу банков на душу населения мы переместимся на первое место в мире, которое приведет нас к всеобщему благополучию ... за счет «черных» денег. Тбилиси и некоторые наши города превратятся в центр «отмывания черных денег» - все жулики Грузии, стран на Ближнем и Дальнем Востоке, России, Украины, стран Центральной Азии захотят «отмывать» свои деньги здесь, «оживлять» и «перекачивать» их на Запад, и в этом деле мы превзойдем ранний Суэц, Швейцарию, Ливан и Гонконг, этот период хотя и будет лучше периода голода и разрухи, но нельзя же вечно жить в этом хаосе и беззаконии!
- И когда же все это закончится?
- А тогда:
 - когда люди, занятые бизнесом, оставят безнравственность, бездеятельность, обман партнеров, выдачу секретов, растрату и финансовые махинации;
 - когда конкуренция станет естественным правилом;
 - когда люди, объединенные желанием получения прибыли и убежденные в непоколебимости их доли, накопленные ими состояние, интеллектуальное знание, информацию и опыт признают всеобщими;
 - когда управлять ими будет закон и они предпочтут, вместо обхода, изменить его;

когда перестанут оскорблять друг друга и агрессивному проявлению чувств они предпочтут разум;

когда их действия будут направлены на успех их дела, а не кармана;

когда забота о всеобщем благополучии станет их главным делом;

когда решение, избранного ими же арбитра, будет для них окончательным;

когда забота о технологическом развитии станет для них приоритетной.

Для всего этого просто нужно время, а так исполнение этих правил будет неизбежным – если пожелаем прогресса и мира.

- То есть проблемы будут и в будущем?

- Без проблем в природе ничего не происходит и у нашей страны проблемы не уменьшатся, главное вовремя их решать:

разве, из-за яростного сопротивления любителей легких денег, не станет в конце тридцатых годов 21-го века проблемой защита природы, ограничение добычи нефти и газа?

разве неограниченное расширение и развитие туризма не вызовет «усталость» окружающей среды, резкое ограничение умственного развития обслуживающего персонала и, в результате, утерю им самоуважения и его полную деградацию?

разве не лучше подобно японцам, перейти на продажу идей, сделать рекламу и вывезти на экспорт наше уникальное завоевание – наше искусство, фольклор, вино, мышление и еще многое большое и малое?

разве проиграли в чем-то американская кукуруза, помидоры, картошка и всеобщее благополучие; японские дзю-до и новации; итальянское классическое пение и живопись; русские водка и космонавтика; китайское трудолюбие; французский вкус и английский язык – которые уже принадлежат всему человечеству?

разве не нужно ограничить поток переселяющихся из городов в горы, если хотим спасти их?

разве нормально, если, владеющие русским, родители не будут понимать своих англоязычных детей?

разве не станет проблемой, если в преувеличенное, здоровое соревнование разных уголков страны, вкрадется несвойственная ей болезнь?

Кто же должен уладить все эти дела? Конечно же, имеющее новый менталитет, правительство!

- Что такое история?

- История, это формирование в одно доминантное мнение, бесчисленного числа мнений современников, это насильственное историческое мнение, являющееся окончательным результатом борьбы двух противоположных мнений.

- Что является аморальным?

- Аморально и тяжело воспринимаемо, когда попираетел креста и его приспешники прилюдно крестятся.

- Вы верующий?

- Система изуродовала меня, оторвала от божьего мира, оставила без соответствующего образования, не укоренила во мне любовь к Богу. Я-то сейчас стараюсь восполнить упущенное, вникнуть, но уже сложно ... сложно потому, что боюсь, боюсь оконфузиться ... но вообще, верующий ортодокс иногда даже бывает приятен, но чаще он неприятен и страшен ... поэтому мне сложно!... но не сложно испытывать любовь и благоговение к умному и благородному патриарху – но, что будет потом ...

- Знаете ли, что такое зависть?

- Зависть может быть для человека движущей силой, если он обладает искусством ее преодоления. Это врожденное качество развивают в себе два типа людей: одни - благодаря «белой зависти» - борются с жизнью более энергично и вдумчиво, в пределах своих возможностей и в конце даже могут достичь состояния без зависти – самого ценного из ценнейших, но, к сожалению, их слишком мало. Зато человечество не испытывает никакого дефицита в завистливых людях – и особенно наша страна. Чем более несоответствуют в личности ее потребности и возможности, тем более завистливым формируется человек и, если это несоответствие слишком увеличивается – зависть трансформируется в зло, перерождается, сопровождая человека уже до конца его дней. И многие из них жизнь заканчивают на виселице – потому что их душит злость.

- Что такое двуличие?

- Двуличие это трусость, особенно укоренившаяся в патриархальных странах, где нарушение данного слова влечет за собой тяжелые последствия. Трус обычно, выкручиваясь, все приукрашивает, обещает, но потом, в основном, не выполняет. Он заранее знает, но предпочитает быть уличенным в двуличии, чем сказать правду в лицо и пожать соответствующие, в основном тяжелые, последствия. Двуличие, это итог азиатских и дипломатических действий.

- Кто является героем?

- Герой тот, у кого есть возможность выбора – или совершить геройский поступок, или продолжить спокойную жизнь. Вынужденное геройство человека, попавшего в безвыходное положение, это не геройство, это благородство и благоразумие – хотя проявление этих качеств неизбежно и в случае собственного выбора и поэтому геройство для героя чаще заканчивается поражением, иногда даже трагическим.

Геройство, это возвращенная на высоких идеалах самоотверженность, в основном результат эмоционально принятого решения. Герой великолепно владеет собой, особенно в экстремальных условиях – это редкий случай поведения человека, вытекающий из редких свойств его характера, не характерных большинству.

Ярким примером такого нормального геройства является жизнь нашего царя Димитрия-преданного – с холодным сердцем и трезвым умом он делал то, что было им глубоко осознанно; и тех трехсот арагвинцев – которые беспощадно рубились с врагом; и то геройство – когда наши молодые, еще неоперившиеся ребята тайком от родителей, близких и друзей уходили в Абхазию!

Примером вынужденного геройства является полет в космос, вернувшись ты уже герой, не вернешься – тем более, такая у них служба.

А вообще, честно говоря, геройство – это большое неудобство. Очень многим, любящим свою Отчизну, людям, добро, геройство совершенно ни к чему, не нужно, оно необходимо обществу – для обобществления и примера – которое может понадобиться и нашему обществу ... когда-нибудь.

- Человека ведь оценивают по его поведению?

- Исходя из свойств, главными в человеке являются привычки. Поведение в основном, это проявление привычек – приукрашенных. Выбрать супругу, партнера, друга по поведению нельзя – ошибешься, их привычки, не имеет значения какие, должны быть сродни и приемлемы тебе – такие как у тебя!

- Давайте еще раз отложим нашу беседу с тем, чтобы в дальнейшем окончить ее ...

- Согласен ...

27 сентября

Уже несколько дней стоит хорошая погода, ветер дует слабее и солнышко чаще греет, никакого сравнения с августом. Видно августовская погода, с температурами до минус 30°C и пронизывающими до костей ветрами, переломилась. Транспортники и часть строителей почти ежедневно работают на морене: заполняют большие емкости топливом, загружают сани и кузова вездеходов всевозможными грузами. В кают-компания сразу бросается в глаза, кто в этот день работал на морене – на фоне наших бледножелтых лиц, у

побывавших на морене носы, рты, щеки (что не прикрывается капюшоном) такие красные, будто кто-то окунул их лицами в крутой кипяток. Мы тоже с большим энтузиазмом начали работать на воздухе, появилась надежда, что наши заржавевшие кости немного отойдут. Для того, чтобы строители смогли разобрать павильон, мы должны разобрать старый локатор и освободить помещение от тысячи находящихся там предметов, часть их надо уложить в шесть-семь больших ящиков и отправить на «Восток», остальные - на «Новолазаревскую». Склад запчастей был по потолок забит снегом, сегодня целый день ушел на его расчистку, завтра ящики с радиозондами и химикатами перенесем и сложим на месте, удобном для подхода трактора с санями, потом все это перетащим на морену и перегрузим на транспортные сани.

Мы с Комаровым и механиком Андреевым, втиснувшись в бульдозер Сенечки Семенова, поехали на морену. Небо было абсолютно чистым и мы, работая в месте, уютно прикрываемом санями, даже разделись. На четырех санях затянули гайки, оказалось это довольно-таки сложное дело, тратится слишком много сил и энергии, некоторые примерзшие гайки срываются, к некоторым очень сложно подобраться. Домой мы вернулись уставшие, но довольные.

Наши рыболовы-любители оживились, все свободное время они проводят на льду около лунок, ловят какую-то необыкновенно вкусную рыбу почти без костей. Мы обычно с удовольствием проглатываем их по десять-пятнадцать штук без хлеба и потом свободны до самого утра.

Вероятно в мировой практике еще не было зафиксированно случая, чтобы кто-то за столь короткий промежуток времени, выловил такое большое количество рыбы. В прошлый раз пятеро зимовщиков устроили соревнование: наши Слесаренко и Марьинский (так называемые рыбаки), врач Пастухов, строитель Вася Отисков, смех которого, наверно, отпугивал рыб, в результате чего он занял последнее место, и повар Таллис, который впервые держал в руках удочку.

Начали, опустили удочки в лунки. Раз, два, три ... все лески натягиваются, Слесаренко и Таллис чуточку придерживают удочки, у них на леске по три крючка и они чувствуют, что пока клюнуло только по две рыбы, но всего секунда и на льду уже бьется по три, пойманных ими рыбы. Конечно же победили те, у кого были трехкрючковые удочки и которые, соответственно, поймали больше рыбы, но соревнования прекратились лишь тогда, когда, в угаре азарта, мы наконец отрезвели и поняли, что даже, если все сотрудники обсерватории будем есть только рыбу, то и за пять дней не справимся с таким ее количеством.

По словам опытного Черняка, валяющийся в коридоре железный ящик, это радиоприемник старой системы. Я взял его, почистил, поставил около своей

кровати, кое-как приладил к нему антенну, подключил и теперь иногда слушаю разные станции, но чаще ловятся китайские передачи или слышен просто шум. Вообще-то, как это интересно, ко всему привыкает человек – мы почти не знаем ничего о том, что происходит в мире и теперь это нас уже как-будто и не интересует, вернее интересует, но, если информации нет, из-за этого не очень-то убиваемся. Вначале все было не так, тогда любопытство не давало мне покоя.

31 сентября

29-го, после завтрака, Игорь Бубель и семеро строителей поехали на вездеходе на седьмой километр, надо было привезти продукты. Стоял обычный, чуть ветренный день, ничто не предвещало беды. А к двенадцати часам погода вдруг резко ухудшилась – с востока надвинулись тяжелые, свинцовые тучи и началась такая буря, какой мы пока здесь не видели, ветроизмерительные приборы показывали пятьдесят два метра в секунду, видимость упала до нуля, стало ясно, что эта погода продержится как минимум два-три дня. У всех в голове вертелись мысли только о тех восьмерых, которые уехали на седьмой километр. Максимум, что они успели бы сделать за прошедшие три часа это откопать входную дверь и перетащить часть продуктов. Самым разумным в их положении, а в их разумности никто не сомневался, было бы с началом урагана спуститься в склад и там ожидать помощи или улучшения погоды, правда постоянная температура на складе минус 14°C, но зато ветер там не беспокоит и с голоду они не умрут.

За обедом было заметно, что все волнуемся, даже не хочется думать о том, что они сделают глупость и решат возвращаться вслепую и в результате могут угодить в трещину или упасть с барьера.

Человек дела наш Лебедев много не говорит, действует, дает распоряжение: подготовить этот и этот вездеход, людей подберет он сам. Вхожу к нему в комнату и глазами, полными ожидания, смотрю на него, но, пока успеваю открыть рот, он уже обо всем догадывается – Ладно, ладно, едешь – дает мне добро.

Срочно забежал к себе в комнату, одел на себя всю свою теплую одежду, сверху верх и низ штурмовки, обвязал ноги веревками, надел обе пары теплых перчаток и влез в уже отъезжающий вездеход. Кроме Лебедева, вторым водителем едет Ненахов, а штурманом – Олег Воробьев.

Машина развернулась и стала осторожно спускаться по склону станции, в таких условиях спускаться по этому склону опасно, можно сорваться и перевернуться. Но даже прилепившись к окнам лицами, никто из нас ничего не видит. Штурман Воробьев, высунувшись из верхнего люка и ударяя, Лебедева по поясу то правым, то левым коленом, указывает ему направление, но это мало помогает делу, чтобы продвинуться всего на один метр, мы

затратили уйму времени. Тогда Ненахов, крепко обвязавшись веревкой вокруг пояса, вылез наружу для разведки дороги, я же крепко держу её второй конец и регулирую его движение, так как, когда он отходит на метр от вездехода, его уже совершенно не видно.

Когда мы почувствовали, что спуск наконец окончился, поняли, что вышли на морену и теперь нам надо двигаться на юго-запад, а здесь ориентиров уже достаточно: сани, бочки, старые самолеты, строительные материалы, разное оборудование и еще уйма чего, но пока не наткнешься на них, ничего не видно. Ненахов с ледяной коркой на лице влез обратно, теперь моя очередь. Единственный надежный для нас ориентир – гусеничный след, который так или иначе идет в одном направлении. Перед выходом, Лебедев предупредил – Если след не будет виден, остановись. Обвязавшись веревкой вылез наружу, вылез и тут же был сбит с ног ветром, хотя нет никакой разницы: валяешься ты в снегу или стоишь на ногах, воздух настолько насыщен снегом, ветер несет такое его количество, будто одновременно сотня человек забрасывает тебя горстями мелкой гальки. Приподнялся, но пока не могу двинуться, не хватает воздуха, теперь главное развернуться спиной к ветру, лицо надо так повернуть под капюшоном, чтобы смочь дышать и потом уже попробовать сдвинуться. Кое-как наконец встал перед машиной. Если при ходьбе, во время смены ноги, сильно не налечь на ветер под большим углом, он обязательно повалит, поэтому, перед каждым шагом, надо хорошо подготовиться. Это тоже как-то наладил. Теперь главное – открыть глаза, только чуть их приоткроешь, совершенно ничего не видишь. И в этом случае надо прибегнуть к помощи капюшона и руки, смотреть вперед невозможно, но это и не обязательно, главное смотреть вниз, на сапоги, которые появляются периодически и только в этот момент можно понять стоишь ты на колее или снежной целине, хотя и это не совсем простая задача: трудно понять то ли это узкие ледяные бугорки, нанесенные ветром, то ли искомый след гусениц. Совершенно потеряв ощущение времени, не знаю сколько времени бродил. Потом потянули за веревку, то есть мне пора возвращаться. Вернувшись, не смог ответить почти ни на один вопрос Лебедева.

Удлинили веревку до пятидесяти метров и наружу вышел сам Лебедев, договорились, что он разведает обстановку в радиусе пятидесяти метров от машины. Чувствуем по веревке, что он дошел до её конца и начал движение справа налево. Не дай Бог, чтобы веревка оборвалась, иначе конец, ни он нас, ни мы его не найдем, хотя порвать капроновую веревку не очень-то просто. Совсем окоченевший, он наконец вернулся. Оказывается мы подошли к радиоантеннам, ушли с маршрута влево на девяносто градусов, совершенно в другую сторону. Долго сидим онемевшие, не издаем ни звука, наконец он решает – Так у нас ничего не выйдет, надо возвращаться домой. Домой возвращались с таким же трудностями, рады, что добрались, хотя за четыре

часа не прошли и трехсот метров. Оставив сушиться на радиаторах мокрую одежду, пошли ужинать.

Во время ужина решили сделать еще одну попытку. Ветер абсолютно не ослабевает. К десяти часам вечера на том же вездеходе выехали пятеро: Лебедев, Федотов, Слесаренко, Бакунин и Воробьев. В темноте, в свете фар, след виден относительно лучше. Дали им с собой радиозонд. Договорились о сигнализации, мы их пеленгуем, локатор определяет на каком расстоянии и под каким углом они движутся, если повернут назад или им необходима будет помощь, переключатся на другую, заранее согласованную частоту. Конечно проще было бы дать им с собой радиопередатчик, но сейчас принести его из радиобюро просто невозможно, радист да и вообще все, кто живет с той стороны территории, оказались запертыми там и выбраться сюда никак не могут, а таких добрая половина станции. Ну а мы, жильцы обоих домов собрались у локатора и внимательно следим за движением точки на индикаторе. Двигутся медленно, останавливаются надолго, видно теряют ориентацию, прошло три часа, а они продвинулись только на шестьсот метров. Точка долго не двигалась, потом поползла назад, решили отсюда помочь им в прокладке обратной дороги. Некоторые начали запускать ракеты. Мы выставили в окна две пятисотваттные лампы, приставив к ним сзади зеркала для усиления. Точка постепенно приближалась к нам, наконец они приехали, совершенно мокрые и окоченевшие.

До утра не расходились, решили немного поспать и сделать еще одну попытку, может и ветер чуть утихнет.

Утром позавтракали и около половины девятого выехали. Лебедев, Бандурин, Воробьев и я. Взяли с собой принесенную и проверенную радистом (как он уверял) рацию.

Первым впрягся Бандурин и энергично зашагал вперед, один раз сменил его я, по два раза Лебедев и Воробьев. Кружились как и вчера, то вправо сворачивали, то влево, так прошли более одного километра. Дверь вездехода открыта, в кабине полно снега, сидим в снегу. Хорошо, что хоть температура немного поднялась, минус 10-12⁰С, сравнительно тепло, но в результате все мокрое – куртки, перчатки, брюки – все надо выжимать. Возвратится Бандурин, скажет – слева стоят лицом к нам сани №7 – начинаем вспоминать, в каком месте стоят сани, на каком расстоянии, куда направлены, то есть где мы можем находиться и куда надо идти. Рация не работает, Лебедев злится. Наконец он вышел сам, долго ходил, а мы тихо ползли за ним. Опять заблудились, решили возвращаться. Сколько же энергии у этого пятидесятилетнего мужчины, говорит – Сейчас вернемся, немного отдохнем, обсохнем и опять пойдем.

Вернулись, все очень уставшие и раздраженные, ничего у нас не получается, надо пройти семь километров, а мы уже второй день еле дотягиваем до одного – интересно, что делают те восемь человек?

В кают-компании радисты Казадаев и Макеев сваливают неисправность радиации на нас, мы на них, не можем сдержать эмоции и спор вскоре перерастает в ругань, а у меня вышло даже больше, чем ругань. Сейчас очень жалею, несдержанность – недостойна мужчины.

Ситуация уже приближается к критической. Необходимы большая группа, «Харьковчанка», с установленной на ней комнатой с «соляркой», мощная радиация и навигационные приборы. Лебедев опять дает распоряжения, все беспрекословно выполняется, завели «Харьковчанку», радиацию включили и внимательно проверили тут же на месте, максимально запаслись топливом. В группу вошли десять человек: сам Лебедев, механики Федотов, Андреев, Бандурин, Баландин и Захаров, врач Пастухов, штурман Усталов, радист Белокуров и я.

Тронулись. Я, врач, радист и штурман сидим у Баландина в «Харьковчанке», остальные в вездеходе идут впереди. Опытный механик Ненахов вместе с другими механиками остался на станции с подготовленным «АТТ». Они готовы, в случае необходимости, прийти нам на помощь, так как решено – пока не достигнем склада, не возвращаться, везем с собой запас еды на двое суток, чай и кофе в термосах и необходимые медикаменты. «Харьковчанка» это фактически маленький дом со всеми необходимыми атрибутами, даже туалет есть, правда сейчас пользоваться им невозможно, так как он весь забит снегом, но все же ...

Андреев заявил – Пустите меня вперед, я вас до памятника Щеглову доведу. То есть до конца морены, а до того места более двух километров. В хорошую погоду он часто работал на морене, ремонтировал сани и хорошо знает, что и где стоит. Сказал и сделал. Выехавшие в четыре часа дня, мы к семи часам были уже там. Его подменили всего один раз. Зашел к нам, согрелся, мы переодели его в нашу одежду и опять ушел. Конечно делу очень помогало еще и то, что ветер чуточку ослаб и штурман указывал направление, но основным все же оказался его опыт – в темноте, при свете фар мы достигли металлического шпиля, установленного в честь сорвавшегося в расщелину Щеглова. Андреев сделал свое дело, теперь он может отдыхать!

Теперь надо повернуть налево и, если до сих пор шли параллельно барьеру, теперь должны двигаться от него, вглубь континента. Отсюда кроме алюминиевых столбов, вбитых через каждые пятьдесят метров и на которые надеты, для лучшей видимости, старые сапоги, никаких других ориентиров нет. Правда в нашем случае вторым ориентиром может послужить сам ветер. Он должен дуть нам спереди и слева. Общее направление движения

указывает штурман, но любая ошибка может, подобно Щеглову, сбросить нас в расщелину и никто и никогда уже не найдет даже нашего следа. Это-то больше всего беспокоит нас, когда думаем о тех восьмерых. Тронулись дальше, но очень скоро потеряли и памятник, и алюминиевый ориентир не смогли найти. Решили вернуться обратно к памятнику, но и его уже не нашли. Абсолютное недоразумение – не знаем где находимся и куда надо ехать, у нас нет исходной точки. Кружится вокруг нас вездеход, мы тоже крутимся, но стараемся меньше двигаться, чтобы не оказаться далеко от старого места. Лебедев, Бандурин, Федотов и Захаров по очереди выходят наружу, наконец обнаружили бамбуковый кол и успокоились, теперь дела пойдут получше – знаки стоят в пятидесяти метрах друг от друга, то есть достигнув одного, можно от него пустить на пятидесятиметровой веревке человека, чтобы найти следующий и только тогда начинать движение в том направлении. Так и делаем и тихо-тихо продвигаемся вперед. Люди выходят по очереди, найдет отметку и свободен, может заходить к нам и греться, печка гудит во всю силу, вся одежда смешалась, все выжимается и потом бросается на раскаленную печку. Окоченевшие люди голыми стоят вокруг неё. Наконец очередь дошла и до меня с доктором и каждый из нас по одному знаку продвинули дело вперед. Все обычно отдыхают, а Лебедев – нет. Это человек необыкновенной энергии. То он остроумен – лаконично шутит, то делает очень справедливые распоряжения, то долго думает и советует нам всем тоже подумать, сообразить, привести свои мысли в порядок и потом каждому ясно высказать свое мнение – о последующем действии, одним вопросом постоянно контролирует нас – Откуда дул ветер, когда ты возвращался?

У каждого вернувшегося, борода и низ капюшона обычно такие заледеневшие, что если не помочь ему подойти к печке и растопить этот лед, сам он раздеться никак не сможет. Неутомимый Виктор Бандурин был снаружи больше положенного и мы ни в какую не смогли растопить лед, выросший на его бороде и шее, только потом, прибегнув к помощи молотка, еле скололи с него этот лед. Наконец, когда люди почти полностью обессилели, да и желудки начали напоминать о себе, объявили перерыв – До места осталось, наверно, около километра, сейчас пять часов утра, немного отдохнем, закусим, немножко поспим и с новой энергией атакуем последний барьер – сказал Лебедев. Двухдневный запас еды уничтожили почти полностью, выпили по стаканчику разведенного спирта и все начали искать места для сна. Кто куда ни завалился: на и под кровать, на стол, на пол, для Бандурина места совсем не осталось, он взял куртку и вышел в холодную кабину водителя, но, замерзнув, через час вернулся обратно, я встал и уступил ему свое место, а сам на что-то присел. Врач тоже встал – Не могу так спать, лучше постою, немного поговорив, он вышел в кабину водителя, но тут же позвал меня, выхожу и что же вижу – ветер ослаб более, чем в половину, против бывшего только что и видимость значительно улучшилась – видно не

меньше, чем метров на двадцать-тридцать! Очень было жаль Виктора Бандурина, но я его все же разбудил. Он вышел и от удивления не поверил своим глазам. Быстро оделись во что попало под руки, разбудили Баландина, чтобы он следовал за нами, и залезли в холодный вездеход.

Срочно тронули обе машины, сейчас для нас главное быстрее двигаться, как можно быстрее, потому что это затишье может быть кратковременным окном в этой буре и нельзя упускать момента. У Вити открыта дверь и он смотрит оттуда, я вылез в люк, едем не останавливаясь, проедем один ориентир, немного продвинемся вперед в беспредметном тумане и опять появляется, надетый на палку сапог. Вообще-то, сапог, оказывается, великое дело - пустой столб виден намного хуже. Проходим ориентиры на одном дыхании. Раз, два, три, четыре, пять и справа от себя вижу силуэт человека. Кричу Бандурину – Справа – и прыгаю из машины, передо мной стоит Гена Иванов с веревкой вокруг пояса, а метрах в двадцати-тридцати вездеход №7, значит они живы! Обнимаю Гену и кружу его в воздухе, оба запутываемся в веревке. Такое чувство, будто большой, тяжелый груз свалился с моих плеч. Этот полный сил мужчина, кажется мне пушинкой.

Люди еле вылезают из вездехода, ни у кого нет сил для больших эмоций. В такой ситуации многого не замечаешь, но то, что все они очень похудели и лица у них измученные, видно хорошо. Срочно подняли всех ребят на «Харьковчанку», представляю, что там творилось. Федотов срочно оделся и пересел водителем на их №7, я - рядом с ним, к Бандурину сел Пастухов и мы тронулись обратно.

Видимость постепенно улучшается и мы прибавляем скорость. Оба вездехода идут впереди параллельно, чтобы не потерять ориентиры, сзади едет «Харьковчанка». Пройденный с таким трудом путь, обратно проезжаем всего за один час и вот мы все вместе уже в теплой кают-компани.

Еще не было и семи часов утра, а у повара все было готово, да и люди собрались. Дали проголодавшимся возможность насытиться и приступили к расспросам.

Когда заметили, что погода портится – рассказывают они – поднятые продукты срочно погрузили на вездеход, закрыли склад и собрались возвращаться, но уже было поздно, нельзя было даже пошевелиться, тем более мы знали, что искать нас и вам будет сложно. Потом решили спуститься в склад, но снег уже заполнил яму около дверей и выйти наружу из вездехода было невозможно. Ветер рвал брезентовую кабину. Чтобы хоть как-то защититься от ветра, из мясных пакетов и других продуктов в задней части кабины возвели стену и заштукатурили ее снегом. Все расположились около мотора, каждые полчаса прогревали мотор и по очереди ложились на него животом. Каждый час менялись местами и, хотя никому не хотелось сидеть в

заднем холодном углу, все честно делили трудности. Первые восемь-десять часов еще не лень было шутить, а остальные тридцать семь часов провели фактически в тишине, Скажет кто-нибудь – А ну ка, меняемся – и все быстро меняются местами. Очень боялись, чтобы ветер не сорвал брезент, а в машине не кончилось топливо, все остальное знали, что выдержим. Потом ветер немного ослаб и мы поехали и через пятнадцать минут встретили вас.

В каждом рассказе чувствовались уважение и любовь друг к другу, они даже сами были немного удивлены, обнаружив в себе и друг друге такие хорошие качества.

Все переносили трудности по-своему. Всегда веселый Хлопачев и здесь веселился больше всех; всегда обычно серьезный и молчаливый Николай Филиппов, здесь тоже молчал, хотя было заметно, что трудно переносит холод; Бубель все время был занят включением-выключением мотора и боялся, чтобы не кончилось топливо и не заглох мотор; вечно недовольный Олег Одарчук и здесь ворчал, пока не надоело. Но каждый старался как мог помочь товарищам, помассировать руки и ноги, иногда уступить место потеплее, подбодрить словом и в конце так и вышло, все кончилось хорошо.

Потом принесли новость, что для пострадавших готова баня и они с удовольствием пошли прогревать свои замерзшие косточки и мышцы.

7 октября

4-го Коля Дреер говорит мне – Володя Шабанов получил весть о кончине матери, и ходит теперь как оглушенный, не знаю, как к нему подступиться, если бы найти бутылку водки, может смогу вызвать на разговор и потихоньку вывести из этого состояния. У меня была припрятана одна бутылка и я тут же отдал ее. Бедный Володя уже третий день не выходит даже покушать, мы все ему очень сочувствуем, но сказать ничего не можем, да и не знаем, что и как нужно сказать, чем утешить?

Вечером Гарри Слесаренко говорит мне – У меня почему-то такое чувство, будто и у меня умерла мама, раньше телеграммы она всегда вместе с женой подписывала, а в последнее время получаю только от моей жены. Я возмутился – Что за глупости ты говоришь, об этом доже думать нельзя, они же женщины, наверно повздорили и не общаются. А Слесаренко упрямо повторяет свое.

Сегодня редакция последних новостей провела радиосеанс с родственниками. Говорила и супруга Гарри, оказалось, что Гаррина мама действительно скончалась два месяца назад. Теперь уже Гарри заперся в комнате и это еще больше испортило нам всем настроение.

Общее настроение подействовало и на меня – обычно я снов не вижу, а тут ... о чем думаю и волнуюсь днем, то во сне продолжаю видеть, как в кино. Наверно это интегральный результат общего духовного дискомфорта.

Начинают инвентаризацию библиотеки, я втесался в их ряды, помогаю перебирать книги. Все очень удивились, а я просто для разнообразия все ищу себе что-нибудь новенькое. Потом «наймусь» учеником к механикам или строителям, или стану на пару часов ежедневно ходить к сейсмологам, так как чувствую, что мною начинает овладевать апатия. Это общий недуг, у всех ухудшилось настроение. Раньше развлекались спортом, даже с большим энтузиазмом начали спартакиаду, но чуточку не дотягиваем до конца, всем лень, все отказываются, ссылаясь обычно на какие-то незначительные мелочи. Никого уже не интересует кто будет первым, а кто последним. Все делаем то, что от нас требуется, делаем только обязательную работу, ни больше, ни меньше.

Зато впереди маячат два крупных стимулятора – чем больше проходит дней, тем становится все теплее, ветер дует слабее и погода скоро будет не очень облачная и, главное, приближается день прибытия кораблей!

11 октября

Вообще-то, в таких условиях требуется значительно меньше времени, чтобы хорошо понять, кто есть кто. Лишенные всяких условностей, тут действия людей свободны. Условия, тяжелые или не очень – одинаковы для всех, одеты мы тоже одинаково, отличаемся только действием и действие твоё, в основном, естественное, потому что человек часто просто не имеет никакой возможности приукрасить собственное «я». Один раз, два, три раза, но ведь невозможно же приукрашиваться ежедневно? Одним словом здесь человек как на ладони, все видно насквозь. Кроме одного – здесь не поймешь скупой он или нет, здесь, за счет государства, все доброе, своя не тратится даже копейка, так почему же не быть добрым. Я, вообще-то, не считаю добротой, когда ты просто тратишь свое – вот если ты, обделяя себя отдаваемой частью и не жалея о ней, делишься с нуждающимся – это я считаю добротой.

15 октября

Для нас пока еще рановато, но для птиц весна уже наступила. Сегодня прилетели антарктические буревестники. Это была первая пара, пролетели над станцией, видно будут гнездиться на острове Хасуель. Кто-то сказал, что заметил на льду пингвина Адели, видно пришло время и их возвращения, к концу месяца их будет уже несметное количество. Скоро появятся и поморники, ненасытные падальщики с безразмерными желудками, все лето они будут вертеться около саней для мусора.

На совершенно белом фоне неба появятся очень красивые, белоснежно-серебристо-серые буревестники, голуби Капи, птицы Вильсона, размножатся

тюлени на льду и в море, станут уходить императорские пингвины со своими птенцами.

Вечером был в гостях. Хозяин – «чистокровный» русский – выпил классический гурийский (Гурия – регион Грузии) тост – за мир. В этот достаточно претензионный и уже немного приевшийся тост будто вплетено предчувствие того, что, если когда-нибудь рухнет этот непрочный и вынужденный мир, стоящий на ходулях, надо будет ждать чего-то ужасного. Но с другой стороны, ведь существует же логика жизни, которая учит, что со временем все и вся совершенствуется, в том числе и мир, и я уверен, что наши дети и внуки будут жить в уже сформированном и прочном мире.

... Наступила антарктическая весна, какой спокойный, чудный и прекрасный день! Интересно, будет ли он таким же лет через пятнадцать-двадцать?

... Это тоже октябрьские записи, только уже 1993 года. Оказывается как я горько ошибался в своих надеждах – наступил самый тяжелый день и период в грузинской действительности – грузины оставили древнейшую единую грузино-абхазскую землю – Абхазию.

В своих дневниках не раз подчеркивал, что в случае экстремальных обстоятельств необходимы стремительность действий и рациональное использование времени. Особенно значительна роль умения стремительного принятия решения в горах, в верности чего нередко убеждался за время довольно продолжительного периода своей жизни, связанного у меня с горами. И вот, верность этого положения жизнь вновь подтвердила на примере той трагедии, которая закрутилась в горах Сванетии в эти осенние дни 1993 года. Не знаю, правильно ли поступаю, перенося на бумагу эту историю, ведь о подобном обычно не рассказывают, но может быть наш горький опыт кому-нибудь пригодится. Не знаю, не знаю... Но с другой стороны, не могу не рассказать.

Нодар Натадзе по телевидению обратился к грузинской общественности – Беженцы из Абхазии идут пешком через Чуберский перевал, создалось очень тяжелое положение и если кто-нибудь может оказать хоть какую-нибудь помощь, срочно соберемся вместе. Я взволновался... взволновалась и вся моя семья... мои друзья – Манана Кипиани, Лика Картвелишвили и многие другие соседи нашего большого дома в течение часа собрали один огромный и два обыкновенных мешка теплой одежды, чего только там не было – использованного и совершенно нового. Переодевшись и захватив эти мешки я поехал в Департамент геологии, где уже собралось очень много народа – и опытные, и молодежь. В конце старшие по возрасту, переместившись из зала в кабинет главного геолога Гурама Абесадзе и посоветовавшись, решили – альпинисты под руководством Нодара Канкава выезжаем немедленно, первым же автобусом, остальные позднее поедут следом за нами. Забили «Икарус»

так, что мои мешки еле вместились, желающих поехать с нами оказалось столько, что двери автобуса не закрывались, наконец еле тронулись с места, по дороге кое-как все уложилось... вскоре приехали в Кутаиси, приехали и тут начались наши мучения... никак не устраивалась наша переброска на перевал. Что только мы не предпринимали, кого только не умоляли, кому только не угрожали... ничего не помогало! Сначала необходимо доставить голодным хлеб – отвечали тамошние организаторы и при этом сажали в вертолеты по паре рослых верзил, которые стремились вверх, чтобы спасти свои семьи. Я ничего не решаю – говорил заместитель председателя комиссии, а председатель - Отар Пацация - сидел наверху в селе Чубери и запаздывал с выдачей разрешений. Вечером, когда наконец мы получили разрешение, поднялся ветер и полеты прекратились. Ветер не прекратился и утром и мы решили ехать автобусом через Лечхуми и Нижнюю Сванетию, чтобы таким путем добраться до притока Ингури, реки Лахамури, в долине которой и лежит село Чубери. Решили и поехали. Невозможно спокойно вспоминать то, что видели по дороге – перед каждым населенным пунктом вдоль дороги стояли люди с сыром, хлебом, фруктами, орехами, одеждой и обувью, кто чем мог, тем кормил и одевал беженцев. В Лентехи пообедали в столовой, где хозяйничало все население – кто-то резал и варил, кто-то пек и жарил, прямо на улицах и во дворах. Переночевали в Цане и ранним утром продолжили наш путь, проехали по совершенно разбитой дороге, проходящей в ущельи водораздела рек Цхенисцкали и Ингури и через Ушгули в полдень приехали в Местию. Местия походила на пчелиный улей – переполненная беженцами, их спасателями или местными и их машинами. Никто не мог спокойно говорить или вести себя – все кричали, приказывали и искали друг друга. А мы не могли продолжать свой путь, потому что у нас кончился бензин и несмотря на все старания, нам пришлось остановиться в ожидании бензовоза, который, оказывается, ехал за нами. К этому времени, в ожидании бензина, уже собралось около шести-семи автобусов и грузовых машин, попутных с нами, едущим же навстречу не было счета. С трудом удалось получить необходимую дозу горючего и пристроится в ряд попутчиков, чтобы двигаться вместе, нас всех предупредили, что дорога полна бандитов и нам надо быть очень осторожными и внимательными.

Поехали вдоль Ингури, довольно долго ехали спокойно, к этому времени уже стало темнеть, а до поворота на Чубери осталось не очень далеко и мы, три спешащих автобуса, вырвались вперед. В одном повороте, там, где прямо над дорогой нависает высокая скала, передний автобус приостановился и мы вдруг услышали звуки выстрелов, бандиты перекрыли дорогу и велели пассажирам собраться перед автобусом, стали стрелять по ногам и устроили фейерверк из пуль, потом один из них обыскал автобус и вынес из него все, что ему понравилось, хотя что он мог оттуда унести, тем автобусом ехала

группа спасателей «Сантели», у которых кроме лекарств и личных вещей ничего не было.

Так как пассажиры оставшихся двух автобусов знали, что пустыми руками не в силах справиться с бандитами, мы решили срочно развернуться и ехать обратно. Ссадив ребят с наших автобусов, мы под прикрытием темноты и шума автоматных очередей, пока грабили первый, с большим трудом развернулись на узкой дороге и поехали назад. Бандиты же, позволив первой жертве продолжить свой путь, стали поджидать очередную.

А в это время мы остановили все машины, встретившиеся нам по пути, рассказали о случившемся и посоветовавшись, решили: впереди пойдет самосвал, груженный мешками, в котором укроются, вооруженные автоматами и пулеметами гвардейцы, которые при приближении к скале, откроют огонь по бандитам и освободят путь. Вторым номером должен был следовать крытый грузовик Тамаза Даушвили, который вез беженцам продукты, за ним шли наши два автобуса и в конце каравана ехал огромный чешский бензовоз.

Поехали и вскоре приблизились к повороту со скалой, опять поднялась стрельба и суета с ее стороны, наш же самосвал молчит, как нам потом объяснили, гвардейцам не имело смысл стрелять, так как они не видели бандитов и никак не могли их обезвредить. Бандиты вскоре прекратили стрельбу, видно им стало известно, что колонну замыкает большой бензовоз и первую машину они пропустили без инцидента, за которой проследовали и мы, а после нас поднялась такая стрельба, не приведи господь, надо было срочно покинуть это место, иначе, если цистерну пробьет пуля и она взорвется, взрывная волна свободно может сбросить нас с дороги. Проехали несколько километров и все остановились, чтобы перевести дух. Оказалось, что все мы без потерь прошли опасное место, единственное, бензовоза пока не было видно.

Прошло немного времени и мы услышали шум приближающейся машины, а вскоре увидели и силуэт приближающегося бензовоза, очень обрадовались и встретили его аплодисментами, но приближающаяся машина вела себя очень странно – вместо того, чтобы остановиться, она, не сбрасывая скорости, решила объехать нас, причем из кабины и кузова машины стреляли в воздух, сидящие в них три-четыре человека. В тех местах дорога очень узкая, бензовоз, задев боком одну из стоящих на ней машин, чуть не перевернулся, но кое как удержался и продолжил свой путь.

В Чубери мы приехали без бензовоза (его нашли в Джвари на следующий день, правда уже пустой, без бензина), переночевали около костра и утром приступили к своим делам. В первую очередь, руководители, побывали на совещании, которое проводили Отар Пацация и Ираклий Менагаришвили,

правда ничего не узнали, но то, что они нам на вопросы, связанные с нашим отправлением на перевал, не могли ответить ничего конкретного, это мы поняли очень хорошо. К нашим вчерашним переживаниям добавились и сегодняшние, и мы, разнервничавшиеся, оставили организационный штаб, который не мог для нас ничего организовать.

Странный вид имела окрестность: в селе и на территории вокруг него под каждым деревом сидели и грелись у костров люди; часть людей атаковали машины, стараясь раздобыть себе и своим хлеба и какой-нибудь одежды; не соблюдалась никакая очередь и не было никакого порядка, каждый старался урвать как можно больше; в автобусе, отправляющемся вниз, была страшная давка, не имело значения куда ехал автобус – в Зугдиди, Кутаиси, Тбилиси или еще куда – главное было скорее уехать отсюда; еще более ужасное положение было в медицинском пункте «Сантели», где собралось огромное количество раненных, пострадавших, ослабших и немощных; каждый дом был забит пришлыми людьми – в основном детьми; по проселочным дорогам и переулкам слонялись с автоматами вооруженные до зубов обыкновенные молодые люди, у которых дел здесь фактически не было, все свои дела они уже закончили там, в Абхазии, и теперь просто путались в ногах у этих несчастных людей.

Мы, из обоих автобусов, собрались вместе и начали совещаться. Нодар Канкава честно, ничего не скрывая, охарактеризовал молодым сложившуюся ситуацию и предупредил о трудностях, ожидающих нас впереди, а в конце спросил – Как поступим? Наступило время выбора и мы предложили – Те, кто хочет остаться, пусть покинут автобус, и в этом никто не увидит ничего предосудительного. Многие из молодых людей уставшие, оскорбленные и психологически подавленные из-за всего случившегося, потерявшие всякое желание что-либо делать, решили вернуться назад. Из автобуса вышли четырнадцать парней, сгрузили свои спальники и рюкзаки. Потом мы, несколько человек, которые посчитали себя ответственными за судьбу оставшихся, посоветовались и решили, что руководить ими буду я. Нодару Канкава, несмотря на его сопротивление, поручили постараться доставить живыми всех, возвращающихся обратно в Тбилиси. Нодар Надареишвили и Гела Микаберидзе присоединились к геологам, Гия Тархан-Моурави – к ребятам из «Сантели», уезжающие оставили нам свою порцию продуктов, кое-что мы раздобыли сами и так собрали довольно значительный груз – много лекарств из неприкосновенного запаса больницы, три мешка сахара, достаточно много хлеба, ящиками молочный порошок, много пледов и другое. Все это помог нам доставить на грузовике на взлетную площадку какой-то добрый незнакомец.

Я предложил ребятам еще раз, пока не поздно, вернуться назад, так как знал, что мы идем на опасное дело, на перевале разгулялись вооруженные банды,

но получил от всех холодный отказ и после этого, разговора на эту тему у нас больше не было. Несмотря на то, что из-за этого их такого твердого решения, я в своем сердце уже признал их мужественными и сформировавшимися личностями, печаль о них никогда, ни на миг не покидала меня, особенно по поводу неопытного, семнадцатилетнего Дато Кавтарадзе и, как показало время, оказывается не безосновательно!

Расположенную на окраине села взлетную площадку, окружала уйма людей. Вертолетов хоть и было мало, но они непрерывно доставляли из Кутаиси продукты и одежду, часть которых оставлялась здесь, а часть переправлялась в деревни, расположенные за перевалом, а оттуда доставляли немощных людей.

Если ни моя попытка, ни попытка моих ребят не смогли сломить уверенности руководителей взлетной площадки в верности установленного «наверху» графика полетов, это легко смог сделать, лишенный в те времена всех административных прав, человек красивой души разумный и смелый Бакур Гулуа своей логикой, которая опиралась на анализ создавшейся ситуации. И результатом этой логики стало то, что сняли с маршрута первый же вертолет на Кутаиси и развернули его для нас носом на перевал. И мы, счастливые, срочно загрузились в него с надеждой, что хоть сегодняшний день не пропадет у нас в бездельи.

Картина, увиденная сверху была ужасающей –люди шли и шли ухабистыми дорогами и тропинками, непрерывным потоком, будто связанные цепью, они вели друг друга, поддерживая под руки или вскинув на спину, детей несли, держа их подмышками; несли узлы и мешки, некоторые же сами еле передвигали ноги. Был полдень, когда мы приземлились на склоне по эту сторону перевала, сгрузили свой груз недалеко от дороги, на одном ровном, чистом поле и наметили план действий. Ребята, переполненные энергией и эмоциями, отказались ставить палатки – Сейчас главное выйти на маршрут и помочь людям. Наконец началось настоящее дело, ради которого мы и приехали сюда, а для переживаний не осталось места – я разбил ребят на группы, каждый до отказа набил свой рюкзак хлебом, сахаром, стуженным молоком, носками и начал восхождение к перевалу по свежеснеженному склону.

Оставшиеся, я и врач Лексо Тарашвили, разбили самую большую из наших палаток недалеко от палатки ребят из «Сантели» и начали делать то же, что и они – кипятили воду, готовили горячий сладкий чай и молоко и вместе с хлебом раздавали их преодолевшим перевал, полу и полностью замерзшим беженцам. Вместе с этим одевали и обували их, если что-то у нас было и подходило им. В те дни труд Лексо стал невыносим, из-за его непрерывности – весь день, а часто и всю ночь людям необходима была медицинская помощь – поток людей обмороженных и с переломами, с инфарктами и лопнувшими

язвами желудка не кончался. В особенно тяжелом состоянии были дети – изможденные, они уже не могли идти, но так как смогли преодолеть перевал и не погибли, была надежда на их спасение. Накормив, молили их лишь об одном, чтобы они собрались с силами и дошли до зоны лесов, так как здесь, на открытом месте, ночью обязательно замерзнут. Большинство так и делало, немного отдохнув, собирали последние духовные и физические силы, с той надеждой, что где-то внизу, около костра, смогут наконец отдохнуть и поспать. Особотяжелых больных размещали в палатках и потом на верталете отправляли вниз.

Уже темнело, когда заметили наших ребят на склоне, они шли вразбивку. То чувство, которое я испытал в тот момент их приближения, не повторится уже никогда – наверно. Это было одновременное ощущение жизни, радости, гордости, труда, беззаветной преданности, печали по потерянным дням. Каждый из них нес на плечах или спине по ребенку и еще двоих вел за руки, а за ними шли толпой женщины и пожилые люди с другими детьми и тьюками. Наши ребята стали центром того живого организма, в лице группы людей, собравшихся вокруг них, состоящего из самых слабых существ, ставших на путь голгофы через перевал. Наше же дело, встречающих беженцев на месте, было сравнительно проще – подкормить, подлечить, и отправить их вниз. Появление таких стихийно образовавшихся групп продолжалось до полуночи в соответствии с их умением и возможностью ходить и мы успокоились лишь тогда, когда собрались все вместе. По ходу дела начали ставить палатки и стелить спальники, ужинать, делиться впечатлениями и даже наметили план действий на следующий день.

На второе утро все повторилось, потом еще и еще – в последующие дни, в течение всего дня – монотонно. На рассвете, загрузившись, ребята уходили за перевал, первые возвращались часов через четыре-пять, немного отдохали, кушали и опять выходили на маршрут, те, которые помогали очень обессиленным людям, тратили на дорогу больше времени и уже не успевали вновь выходить на маршрут, зато помогали нам спускаться и хоронить погибших, чьи трупы были брошены в разных местах перевала и уже начали разлагаться. Эту работу вместе с нами проводили и, расположившийся в лесу Гела Микаберидзе, и группа геологов. Это была очень мрачная, тяжелая, но необходимая работа, силу нам придавало лишь сознание того, что в данный момент сделать это здесь кроме нас некому и это наш христианский долг. От ребят, работающих на маршруте, мы заранее знали, где и сколько было оставленных трупов, спускали их в целофановых мешках, рыли могилы, иногда и бульдозером и после составления описания и извлечения документов, предавали их земле, так мы похоронили около пятнадцати покойников, повторную эксгумацию которых пришлось повторить несколько раз, чтобы убедить поднявшихся снизу родственников, что это не их покойник, несколько могил помогли вырыть сами родственники-спутники

погибших, у кого еще оставались силы и они сами донесли своих покойников до нас.

Все пережитое и увиденное там призывает людей серьезно задуматься. И какой же вывод можно сделать из всего этого? Все бывшие там спасатели соглашались со мной и сейчас думаю согласятся, наверно, что главным в горах являются скорость, рациональное использование времени, профессионализм и организация дела. Если бы организаторы вовремя отправили нас из Кутаиси вертолетом, уверен, что число смертных случаев было б сведено до минимума, во всяком случае, за время нашего там пребывания не скончался ни один человек. Если мои оппоненты скажут, что в первые два-три дня на перевале шел снег и поэтому гибли люди, они будут не правы, так как уверен, что спасатель-профессионал легко смог бы убедить первого путника, что преодолеть перевал людям непривычным к горам и не одетым соответственно, будет не только трудно, но и очень опасно, и вместе со всеми, в ожидании нормальной погоды, тоже остался бы внизу и как-нибудь перенес еще какое-то время голод и разбой. Решение организаторов, в первую очередь послать оставшимся по ту сторону голодным людям хлеб – было чистосердечным и опиралась на информацию, полученную от первых преодолевших перевал, но они не учли, что стольким растерянным людям нужна была реальная поддержка – расследование дороги, убеждение, врачевание, моральная и физическая помощь от действующих непосредственно на перевале спасателей, а не пустые обещания, прилетевших на вертолете руководящих работников, которые срочно наставляли людей, уча их уму разуму, боясь при этом как бы кто-нибудь не занял их место в улетающем обратно вертолете и которых никто не слушал и которым никто не верил. Исключение составляли Гурам Абесадзе и Шота Адамия, которые самоотверженно занимались конкретными делами. Эти мои соображения подтверждаются трупами покойников, большинство которых при жизни были взрослые и относительно здоровые люди, рискнувшие в непогоду продолжить путь и остановить их там было некому. А мы, которым это было под силу, потеряли целых три дня!

В те дни мы стали свидетелями еще многого трагичного и превратного. За два дня до нашего приезда, на перевале погибли переполненные людьми вертолеты, недалеко от нашего лагеря, а мы на следующее утро вынуждены были отказать в помощи прилетевшим спасателям в обнаружении и переноске трупов погибших пассажиров, так как должны были присмотреть за живыми.

Должен вспомнить еще одно – кажется в последний день мы еле вырвали из рук у Дато какую-то крылатую ракету и другое оружие, которое он захватил с собой, спускаясь с перевала – ведь оставленным без присмотра оружием была усыпана вся округа! Мне в какой-то момент стало его немного жаль, когда увидел, с какой жалостью смотрит он на летящие в ложбину его «трофеи», но

уверен – подобная твердость пойдет юноше только на пользу. Я совсем не удивился тому, что Дато не удержался, ведь вокруг было полно вооруженных до зубов молодых людей в форме и без нее. Иногда они будто по делу, то поднимались, то спускались по этой несчастной дороге к перевалу, а отдыхая, периодически, поставив на возвышение обильно разбросанные вокруг консервные банки, устраивали по ним пальбу. Если бы они так усердно стреляли там, где это было необходимо, может не обрушилась на людей эта страшная беда.

Грузовики, с вооруженными бандитами, сдирающими большие деньги и золото с перевозимых ими людей, двигались по дороге почти непрерывным потоком. Шла оживленная торговля и передача-взятие, шепот и ругань, отнимания и просьбы. Естественно у нас им было нечего делать, ведь были они и здоровы и сыты, богаты и жирны – совершенно безжалостны. Реакция на все это моих ребят, прочно убедила меня в том, что эта благородная, бестрашная и крепконогая молодежь по своей сути была яркой противницей оружия. Глядя на них, вспомнил рассказанное этими несчастными людьми – почти преодолевшие трудности пути, измученные, они, после первого же проглоченного ими куска, начинали говорить о своих думах на этой страшной дороге.

Их высказывания были такими же пестрыми и разнообразными, как и сами они отличались друг от друга – своим возрастом, полом, степенью ненависти к врагу, душевной стойкости, деморализации и многих других причин:

- немного переведу дух и срочно вернусь обратно;
- никогда обратно не вернусь;
- разве когда-нибудь вернемся?
- вернусь, но обязательно подготовленный;
- раз спасся, отомщу – их грех не унесу с собой в могилу;
- армяне предатели;
- все, что происходит – происходит из-за Гамсахурдия;
- во всем, что происходит – виноват Шеварднадзе;
- должен начать грабить, что еще остается?!
- сжег свой дом и так ушел, если даст Бог и вернусь назад, каждого моего врага спалю в его собственном доме, тех кого не удастся, оставлю детям, они отомстят;

Многие боялись Зугдиди, многие – наоборот.

Но никто не говорил – мирным путем вернуться в Абхазию. Возбуждение и немощность людей достигла кульминации, так же как и апатия.

На седьмой день, как только мы заметили, что увеличилось количество трехосных машин и прекратился поток пешех беженцев, вызвали вертолет. Благодаря украинцам у нас к тому времени уже было достаточное число вертолетов, а перевозить им было почти некого, поэтому мы вернулись оттуда без всяких проблем.

Вернулись в свои семьи уставшие, но, к счастью, целые, огорченные, но закаленные юноши, вставшие на дорогу на «голгофу» по зову души и сделавшие все, что могли – безмолвно, без попреков, по-мужски! Это были: Буба Кудава, Гоча Киладзе, Георгий Мамардашвили, Зура Кахидзе, Ачико Сихарулидзе, Заза Бигвава, Леван Гогичадзе, Георгий Журули, Каха Хведелиани, Ираклий Тиканадзе, Лексо Тарашвили, Георгий Варазашвили и Дато Кавтарадзе. В отличие от многих, бывших там в горах, эти уж точно были способны на созидание нормальной страны!

Такими трагическими событиями отличился 1993 год, интересно, что готовит нам будущее ...

1998 год.

Это поражение позволило сжать необыкновенный урожай, получить самое великое богатство – новое мышление нового поколения беженцев, их идентичность и мирное стремление к единству. Выросшие в общем грузинском окружении, они будут упорны и в возвращении и, главное, в укоренении. Мое неупорядоченное и смытое потоком поколение, бессильное в делах никогда не сможет ничего, никого и никуда вернуть, в том числе и тех в четыре раза больших количеством грузин из Абхазии, которые убежали от в четыре раза меньших количеством, чем они. Нашему примирению, единству и несокрушимости, помогут лишь устроенная страна и молодежь.

2004 год.

Вообще-то, можно сказать – если насилие есть естественное и животное свойство нашей нации и мы такие хорошие насильники, почему мы проявляем это свое свойство только по отношению друг к другу, только к своим? Почему не проявляем это наше инстинктивное свойство для возвращения Абхазии и Осетии? – А потому, что мы эгоисты, трусливые и хитрые одиночки.

... 2024 год.

Необходимо немного попридержать стремление нашей молодежи к службе в армии – милитаризма у нас выходит немного в избытке. Этому способствуют не только материально-финансовое обеспечение и однозначно признанный

престиж, но и то, что дети богачей, парламентариев и высокопоставленных чиновников монополизировали призыв, оставив детей бедняков за пределами армии.

Не стоит этим путем, без помощи народа, возвращать территории! – Во всем необходима умеренность!

24 октября

Во время работы Слесаренко принес мне и Комарову телеграммы и сделал так, как обычно поступают здесь в таких случаях – показал их издали, спрятал за спину и заявил – Получит тот, кто станцует. Недолго думая, я пошаркал немного ногами, изобразив танец и забрал у него телеграмму. Сто раз повторенное, повторяется в сто первый раз – на одном дыхании пробегаешь глазами сразу весь текст – не случилось ли чего плохого. Убедившись, что все нормально, расслабляешься и соображаешь где-нибудь присесть, и лицо измняется и стараешься вникать в смысл каждого слова. Потом все уже спокойно перевариваешь и через какое-то время жизнь возвращается в свою привычную колею.

4 ноября

Редакция последних известий сегодня опять организовала для нас еще одну передачу, участвовало человек десять-двенадцать, а моих опять нет, я уже почти полностью потерял надежду и вдруг объявляют моих. Было очень плохо слышно и я чуть не воткнул себе в уши репродуктор. Оказывается, я почти забыл их голоса, такими незнакомыми они мне показались, особенно моей Кетино, видно она уже подросла. Раз уж слышу их голоса и говорят они бодро, у меня появилась надежда, что дома у нас все нормально. Хорошо, что Юра записал передачу, после её повторного прослушивания и обсуждения всего прослушанного материала, поздней ночью, оставшись в комнате один, я столько раз прокрутил запись, пока не прояснил для себя все.

Взбодороженный передачей, никак не могу заснуть, поэтому решил для примера описать наш один рабочий день, что может быть создаст у вас приблизительное представление о том, что делала наша группа из пятидесяти трех человек в течение всего года и особенно в зимние месяцы.

День начинается с того, что одного из нашей группы (чья очередь подошла) в пять часов пятьдесят минут (точно – ни раньше, ни позже) поднимает будильник, он готовит радиозонд, электробатарейку и через двадцать минут будит второго аэролога, который в полусонном состоянии тепло одевается и идет в газогенераторную, для накачки оболочки радиозонда и регистрации данных. В тоже время первый будит и Колю Марьинского, который тоже в полусонном состоянии включает локатор и работа начинается, но часто, если Коля в предыдущий день понервничал из-за какой-нибудь мелочи, его не беспокоим и дело выполняет проснувшийся первым (благо, дело не трудное).

Работаем до половины девятого – потом передаем данные радистам, чтобы до девяти часов информация уже была на «Молодежной» и бежим, чтобы успеть захватить завтрак за хвост. Один из нас сегодня занят перегонкой водорода и поэтому утром может поспать допоздна, если отказывается от завтрака.

Мы уже в разгаре работы, когда встает (в семь часов утра) один из поваров и начинает готовить завтрак. В это же время встает и метеоролог и приступает к наблюдениям. В половине восьмого кончается маленькое окно, отведенное для сна дежурного радиста и он одувевшим голосом, лишенным малейшего энтузиазма здороваётся и сообщает сегодняшней день недели и число (кстати, это очень важная информация, потому что свободно может пройти несколько дней так, что и ты не поинтересуешься, и никто тебе не скажет, какое сегодня число), потом передает метеорологическую информацию, тем, кто живет в новых домах, прослушивать эти сведения необязательно, выгляни в окно и поймешь, что там происходит снаружи, а вот тем, кто живет в старых домах, фактически под снегом, эта информация обязательна, а то выйдет наружу только в куртке и кожаных брюках и, если ветер сильный, придет на завтрак с полными снега карманами и сапогами. Затем радист выполняет самую важную и приятную обязанность, объявляет фамилии адресатов телеграмм, потом он включает, записанные прошлой ночью последние известия, которые обычно из-за плохой слышимости почти невозможно разобрать, к восьми часам желает нам приятного аппетита (который у нас всегда хорош и без его пожеланий!) и включает музыку. По музыке мы легко определяем, кто из радистов сегодня дежурит: если в программе Шульженко и Кола-Белды, дежурит Белокуров, если цыганские и одесские песни – Макеев.

На завтрак первыми как всегда приходят, имеющие отменный аппетит, строители и транспортники, четверо же ребят из электростанции на завтрак обычно вообще не ходят – каждую неделю они забирают свой утренний паек и завтракают дома, так как дежурят каждые шесть часов и время сна и бодрствования у них спутано, кроме того, если они утром свободны, то предпочитают завтраку сон.

Потом мы все усаживаемся на скамейки и лестницы, кто куда, и начинаем делиться вчерашними сплетнями. На этом нашем бесплетневом континенте, сплетни очень ценны.

К девяти часам Таранов крикнет – Ну, ребята, хватит, пошли! – и строители уходят. Потом, правда уже немного другими словами, велит собираться и уходить Лебедев и дружно уходят транспортники. К этому времени по лестнице со второго этажа спускаются Юра Шумилов и Андрей Селезнев, одетые особенно тепло, они уходят к механическим мастерским.

Кают-компания почти пустеет, остаемся некоторые из наших и группы геофизиков, те кто с утра уже свободен, продолжаем разговоры, играем в нарды, бильярд и где-то через час уходим спать до обеда.

Строители заканчивают строительство дома, остались только внутренние работы. Гена Иванов занят доводкой проекта, в котором оказались неучтенными тысячи мелочей. Наклеивают обои, красят, настилают линолеум, подгоняют сантехнику и еще много чего. Часть людей работает снаружи, на морене, из снега подъемным краном высвобождают модули дома, которые необходимо отправить на «Восток», переносят их на сани и закрепляют там. Это дело продолжается до обеда и потом до шести часов вечера после него.

Транспортники уже отремонтировали и привели в полный порядок все вездеходы, которые должны пойти на «Восток», некоторые капитально, некоторые слегка, кто-кто, а они уж точно знают, какие неприятности доставляет здесь в дороге неисправный транспорт. Поэтому, если в начале некоторые новички ныли – много работаем – теперь сами понимают, что это здесь необходимо. Они уже давно ведут наружные работы – подготавливают сани, заправляют топливные емкости, складировать грузы, проводят испытания транспорта, делают сварку, окраску, смазку и много неучтенных дел. В результате в мастерских всегда много транспортников: то просят сварщика Селезнева, что-то приварить, то Шумилова – выточить какую-то новую деталь, то сами достаточно квалифицированно мастерят что-то. В шесть часов и они, уставшие, расходятся по своим комнатам.

Тем временем электроинженер Женя Мудровский до самого вечера ходит по всем комнатам и ремонтирует старую, испорченную электропроводку, измеряет ток, проводит новые кабели, чтобы с семи часов вечера опять заступить на дежурство. Начальник электростанции Володя Шабанов с одним из дежурных механиков без усталости хлопочет над своим хозяйством: что-то ремонтирует, делает профилактику, запасается топливом и потом с часу дня тоже включается в дежурство.

Один из геофизиков, Виталий Казарин выполняет геомагнитные работы: изучает географическое распространение и вариации магнитного поля в Антарктиде, на основании чего составляет и вносит изменения в рабочие магнитные карты, ведет ежедневный учет корпускулярной и ультрафиолетовой радиаций, воздействующих на верхние слои атмосферы Земли, и, вытекающей из этого, активности магнитного поля. Это происходит в изолированном, деревянном павильоне, построенном без использования гвоздей и других металлических приспособлений.

Инженер Галкин занят измерением космического радиоизлучения, что необходимо для изучения физики ионосферы. Измерения производятся при

помощи ультракоротковолнового приемника, коротковолновой антенны и самописцем системы ампер-вольтметр. Ежедневно он проводит проверку-калибровку приборов, трижды в сутки заправляет самописцы и проверяет ежечасную автоматическую запись. Кроме этого – ремонт приборов и инструментов, профилактика и разная нескончаемая мелкая работа у него есть постоянно, несмотря на то, что мы ему уже давно не верим, он продолжает доказывать, особенно в конце месяца, когда печатает у нас на телетайпе свои данные для отправки на «Молодежную», что ему просто катастрофически не хватает времени.

Живущий отдельно Валя Размолотин – сейсмолог. Установленные на скале его сейсмографы, непрерывно регистрируют сейсмические явления и колебания, вызванные непрерывным движением антарктического льда. Данные, получаемые при помощи трехкомпонентной установки системы Кирнос и короткопериодичного сейсмографа, он ежедневно анализирует, обрабатывает и составляет оперативные бюллетени, которые отправляет в Институт физики Земли; обрабатывает ежедневные микросейсмы и производит регистрацию коротковолновых колебаний магнитного поля Земли на трехкомпонентном индукционном магнитометре, на высоко и низкочастотных волнах и обрабатывает магнитограммы. Он все время занят, все время спешит домой, все время у него что-то осталось недоделанным, ему постоянно надо уточнять время и так проходит для него эта зимовка.

Юрий Усталов и Олег Воробьев заняты геодезическими работами и, кроме того, они штурманы наших транспортных экспедиций. В первой экспедиции участвовал Воробьев, теперь очередь Усталова.

Кроме этого, после окончания строительства нового дома, всех геофизиков ждут монтажные работы, так как туда перенесут все их оборудование и инструменты. Для следующей экспедиции запланирована программа проведения еще двух видов геофизических наблюдений и, конечно, надо будет провести монтаж и наладку необходимого для этого оборудования и инструментов.

Виктор Бакунин для нужд Института физики измеряет космическое излучение, его работа чем-то схожа с нашей – запускает в стратосферу на высоту 35-40 километров радиозонд и ежеминутно коротковолновым приемником-селектором получает сигналы, которые зависят от интенсивности излучения. При помощи, помещенного в радиозонд устройства для измерения давления, вычисляет интенсивность излучения, составляет графики и в конце недели передает полученную информацию в Москву. В день он обычно запускает один радиозонд – в полдень.

Наши метеорологи Черняк и Усов дежурят через день, измеряют температуру, давление, влажность воздуха, скорость и направление ветра, высоту и

плотность снега, его перемещение, коротко и длинноволновую солнечную радиацию, поглощение и отражение от снежной поверхности солнечной тепловой энергии, ее баланс, проводят абинометрические наблюдения, составляют ежедневные радиограммы, перфорируют и передают их на «Молодежную».

Директор обсерватории Николаев по профессии гидролог, он изучает режим океана и его ледяного покрова, температуру и соленость воды, толщину и плотность льда, его строение и распространение, расположение айсбергов, скорость и направление их перемещения и еще много чего.

Врачам Пастухову и Протосене заботится о нашем здоровье фактически почти не приходится, так как на болезни никто не жалуется, зато они выполняют медицинскую программу, по которой изучают правила нашего поведения и быта, психологическое настроение в разные периоды зимовки и так далее. Собранные материалы в будущем дадут медикам возможность сделать обобщенные выводы и вывести оптимальную модель полярника – какого типа, характера, телосложения и других данных должен быть претендент на зимовку. Так что наши врачи по три дня в начале и конце года перегружены своей работой – раздают нам тысячи каких-то анкет по шестьсот-семьсот вопросов в каждой, на которые надо обязательно ответить, взвешивают, обмеряют и измеряют нас и так далее. Остальные дни они менее заняты и то помогают Николаеву в гидрологии, то тоскают воду, то помогают на кухне, то помогают при стирке полотенец и постельного белья и вообще везде, где прорыв и нужна помощь.

Все, начиная с метеорологов и геофизиков и кончая врачами, едут в антарктические экспедиции для того, чтобы, как говорят русские - «делать науку», остальные этому делу способствуют и помогают.

Через два года, когда построят новую электростанцию, баню, прачечную и мастерские и все это расположат в одном, новом, обязательно одноэтажном здании, проведут новую электро-радио-эстакаду, надобности в строителях здесь уже не будет. В перспективе на «Молодежной» столько транспортников тоже не надо будет – можно будет построить взлетно-посадочную полосу для больших самолетов и, если наши химики получат такую пластмассу, которая пригодится для самолетных лыж, снабжение «Востока» станет возможно самолетами (что, кстати, с 1955 года американцы уже делают). Или же, может шефы авиации наконец поймут, что в данном случае выгоднее нашей гордости, закупить пару-тройку старых самолетов типа «Геркулес», которые уже тысячу раз прошли испытания в здешних условиях, и перевозить грузы на «Восток» за полцены. Если это не подходит, то хотя бы лыжи пусть закупают и установят на наших тяжелых самолетах, которые не менее надежны, чем их «Геркулес». Одним словом, необходимо своевременно двигаться вперед. Тогда на «Мирном» останется пара транспортников для местных работ и ремонта

транспорта, а приехавшие сезонники будут совершать только научно-тракторные поездки по различным маршрутам.

... К семи часам вечера все собираемся в кают-компании (это экзотическое название для столовой, в свое время, первые зимовщики одолжили у моряков), ужинаем и начинается общее развлечение допоздна – шахматы, бильярд, домино, нарды; одна группа, сидящих на стульях, из-за отсутствия свежих новостей, обновляет старые; другая часть сидит молча, уйдя в свои мысли.

Потом смотрим кинофильмы, некоторые по четвертому или даже пятому разу, так как считаем, что лучше уж хороший фильм посмотреть в пятый раз, чем плохой повторно.

После фильма некоторые идут домой отдыхать или отвлечься, читая книгу, более азартные остаемся допоздна – у каждого есть своя «заноза» с которой необходимо сравнять счет, а счет этот зафиксирован мелом на доске.

... Черняк и Пастухов научились играть в бильярд здесь, но счет уже двести с чем-то на восемьдесят с чем-то. Пастухов дал обещание, что до конца года догонит Черняка, на что этот последний заявил, что готов на спор пожертвовать своей мужской гордостью и отрезать ее – все равно к концу года она ни на что уже не будет способна. Мы подогреваем его надежду – Ты еще молод, у тебя все впереди, неизвестно, когда и в чем пригодится, лучше играй повнимательней!

Наконец, уставшие расходимся для того, чтобы завтра ... все повторилось сначала.

9 ноября

Целых четыре дня транспортники полностью были готовы к выезду на «Восток», но непрерывный ветер и крутящийся в воздухе снег, не давали им этой возможности. Наконец 5-го утром ветер немного ослаб и тут же был объявлен выход.

Все высыпали на площадь перед нашим домом. Двенадцать тяжелых «АТТ» и одна «Харьковчанка» выстроились в четкую линию, на ведущей машине красуется великолепный плакат с незабываемыми словами великого Бендера – «Ударим по бездорожью и разгильдяйству!», первые из которых особенно актуальны в условиях Антарктиды. Хорошее настроение подталкивает нас к движению и разговорам: кто-то спрашивает, кто-то отвечает, кто-то дает наставления, многие фотографируют и каждый – объект съемок. Все знаем, какие трудности ожидают их впереди – за два с половиной месяца они должны пройти три тысячи километров, должны перевезти на «Восток» более двухсот пятидесяти тонн груза. Передаем с ребятами наспех написанные одобрительные письма для «востокчан», знаем, теплое слово для них сейчас

самый лучший подарок. Потом обнимания, поцелуи, прощание и караван трогается, под оглушительный шум на морене, на открытом месте транспорт рассыпался и каждый поехал к своим сорокапятитонным саням, после часа работы, уже с прицепленными санями, опять выстроились и тронулись в свой бесконечный путь. Мы же смотрели им в след с балкона, видели как на двенадцатом километре завязли в снеге три трактора и как им на помощь пришел четвертый и вытянул. В сумерках они постепенно скрылись из виду и погода испортилась.

7-го по радиосвязи узнали, что из-за ветра поезд уже два дня стоит на тридцатом километре и ждет улучшения погоды.

По закону октябрь должен быть относительно спокойным, но в этом году ветер не стихал весь месяц, старые зимовщики не скрывают своего удивления, такого никто из них не помнит. Ноябрь пока тоже ветренный, видно лето будет холодным.

Вечером нас ждет праздничный ноябрьский банкет. Мы уже давно привыкли друг к другу, отношения у нас свободные и договорились о таких отношениях мы сами. В шутках и насмешках все учитывается: кто на что обижается и не обижается, кто в чем слаб и кто что не выносит, что любит и что не любит – абсолютно все. Сейчас праздничный банкет и все мы в хорошем настроении.

Но все же нам чего-то не хватает и виноваты в этом – транспортники. Уехав каждый из них забрал свою долю чего-то – шутку, песню, дружеское похлопывание по плечу, заразительный смех и еще уйму чего другого.

Потом были телеграммы из Института, Управления, Академии, поздравления от австралийцев, французов, американцев, англичан, аргентинцев, китайцев.

Коля Марьинский преподнес нам, выращенные самим в комнате красивые цветы, всего несколько штук, но очень красивые, чем доставил всем нам, людям с уже пониженным чувством восприятия цвета, огромное удовольствие.

8-го установилась блистательная безветренная и безоблачная погода, именно такая, какую мы ждали, чтобы съездить на кладбище. Все сели на вездеход и выехали на замерзшее море, кто не поместился в кузов, забрались на крышу и передний капот.

Перед островом Хасуель, в трех-четыре километрах от нас, расположен маленький остров Буромского, где и устроили кладбище и остров назвали в честь первого похороненного здесь зимовщика Буромского. На одной из удобных террас этого возвышающегося над морем скалистого острова расположены ряды могил, чуть повыше сделана еще одна терраса (наверно взорвали) и там тоже похоронены люди. Всего жизни двадцать одного

полярника унесла за эти двадцать лет Антарктида и все они жертвы трагических случаев (из них восемнадцать погибли здесь, двое – на «Молодежной» и один – на «Новолазаревской»). Все могилы оформлены с любовью и вкусом, мороз и ветер не могут испортить их, пыли здесь нет и железо не ржавеет, краска и надписи будто вчерашние.

Супруга одного из погибших передала с кем-то, перед нашим приездом, венок из искусственных цветов, положили его ему в изголовье. Все загрустили, настроение испортилось, присев на камни, слушали рассказы о том, как унесла слепая, а может быть и зрячая смерть их жизни. Некоторые из наших были свидетелями нескольких случаев, многие пересказывали услышанное, многие – прочитанное. Так сидели мы допоздна на теплых камнях.

По возвращении, Коля вспомнил случай, как один высокодолжностной папаша пристроил в одну из экспедиций своего сыночка-наркомана (в статусе врача) для исправления, как ребята вовремя об этом догадались и успели отправить его последним кораблем обратно. Иначе он присоединился бы к ребятам, лежащим на том кладбище – обязательно.

...Этот последний рассказ сорвал с тормозов дробильный круг моих воспоминаний. Ведь каждый из нас пережил что-то такое, что хоть и не хочешь, все же напоминает о себе...

По вечерам мы собирались обычно у центральной площади (в разные времена что называется по-разному: Эриваньская, Берия, Ленина, а сейчас, Свободы), вначале Солولاки – там было место сбора ребят нашего возраста и района. Однажды у фонтанчика с питьевой водой, один незнакомый нам очень низкий паренек что-то мыл, когда присмотрелись, оказалось шприц, мы даже не могли представить для чего он ему был нужен и спросили у ребят постарше. – Это же Сережа, старый вор, недавно он вышел из тюрьмы... привыкший к морфию в тюрьме, только что вот в том подъезде сделал его себе и теперь промывает шприц – ответили нам всезнайки.

Это был наш первый урок в этой области знаний – и долгое время единственный, пока шедшее за нами поколение не втянулось в это всеобщее дело – правда вначале только некоторые, ну, а потом побольше чем некоторые. Общество ударило впервые в колокола во второй половине шестидесятых годов, но уже было поздно! Началась, а потом окрепла эта беда с такой силой, с какой никогда не атаквала нас, наши семьи и нашу страну ни одна чума – что атаквала до нас весь мир...

- Что с нами будет?... Где спасение???

- А ну-ка заглянем в ближайшее будущее – есть ли спасение?

- Да, оказывается есть и все благодаря науке... очень простое!

Сегодня мне кажется немного даже смешным тот мой прежний рассказ и столько страданий молодежи, которая дошла до сегодняшнего дня. Оказывается, как просто можно уладить большую социальную проблему одним взмахом – при помощи науки! Сейчас как легко говорить об этом, когда придумали таблетки – проглотит несколько раз наркоман и исчезнет у него всякое желание к наркотикам – все, конец, исчерпана проблема! Отдохнул народ - в миру и вере, стар и млад, женщины и мужчины, красные и голубые.

Но разве отдохнул?! Разве всякое хорошее и плохое, всегда однозначно – хорошо или плохо? Во всяком случае однозначно хорошее или плохое, различающиеся не могут воспринять однозначно. Есть же у проблемы грани, которые пока не захотели или не смогли сгладить, потому что опиловщик не захотел или не успел их сгладить! Осталось огромное число наркоманов, которые не желают отвыкать и отказываться от этого, такого для них сладкого, дела. И тогда берутся за дело родители и жены с детьми (у кого, конечно, они еще остались), начинают растирать в порошок эти таблетки и незаметно подмешивать родному наркоману в еду. Если он не догадается, хорошо, потом даже сам будет им благодарен и признателен, кто же догадался до излечения, поднимает крик и визг, в знак протеста, отказывается от приема пищи и выходит на улицу в защиту своих человеческих прав.

В последние дни напряжение достигло апогея – разбиты витрины, сожжены машины, принесли себя в жертву и частично (местами, кое-где) себя сожгли три женщины, один мужчина и один политик для того, чтобы эта благородная масса вынудила парламент рассмотреть и принять закон в общем против насилия и конкретно, запрещающий без разрешения подмешивать в еду растертые таблетки.

И похоже, что закон все-таки пройдет – пройдет потому, что и в парламенте, как и в обществе в целом, число таблетконепроглотивших превышает число таблеткопроглотивших. Если пройдет, похоже, что и президент не наложит вето, подпишет закон и введет его в силу, потому что, говорят, он вовсе не наркоман, но если и есть что-то, то таблетки им уже точно будут проглочены.

21 ноября

Вот и наступило, наконец, время подготовки аэродрома. В конце декабря прилетят самолеты. Взлетное поле покрыто снегом, хотя в центре виден лед. Бульдозер должен подготовить довольно широкую взлетную полосу длиной в два с половиной километра – очистить от лишнего снега. Потом эту полосу надо будет разгладить тягачем. Из механиков здесь только Сеня Семенов, все остальные уехали поездом на «Восток», Семенов все не успеет и на вопрос директора – Кто ему поможет? – мы со Слесаренко срочно, чтобы нас никто не опередил, ответили согласием. Сенечка завел нам «АТТ», сел в свой бульдозер и уехал на аэродром. Слесаренко раньше уже, оказывается, ездил на этом двадцатипятитонном верзиле, объяснил что и как надо включать-

переключать-выключать, сел на свой тридцать третий (это номер трактора, написанный у него по всей длине дверей и на крыше) и тоже уехал. Я включил первую скорость и тронулся, первые метры для спуска самые трудные, дорога узкая, слева откос, можно перевернуться, немного испугался, но накрепко все силы и поехал, прошел трудный участок и вышел на прямую, успокоившись начал проделывать всякие манипуляции, проверки-переключения, вскоре разобрался почти во всем. Потом оба подъехали к бочке с маслом, добавили в двигатели, дальше подъехали к цистернам, залили солянку в баки и вернулись на аэродром. Прицепили «утюг» (это приспособление для трамбовки снега), еще с прошлого года валяющийся и уже завязший в снегу. Это почти десятитонная деревянная, большая, параллельная связка толстых бревен с большим грузом на ней для тяжести, чтобы снег хорошо трамбовался. Потянули, но «утюг» не сдвинулся, второй раз потянули сильнее и вырвали его из объятий снега. «Гладить» начали с края аэродрома – впереди Слесаренко с более тяжелым «утюгом», сзади я. Так кружили по аэродрому и ни одного метра территории не оставляли не поглаженным. На обед, как трепачи, подкатили на своем транспорте, с удовольствием принимая комплименты и одобрения. После обеда опять продолжили работу. В конце дня Гаррина машина застряла в собранных бульдозером горах снега, долго мучились, то с одной стороны подъеду, то с другой, но вытащить его не смогли – трактор сидел на снеге «пузом», а гусеницы вертелись в воздухе, а у меня, из-за прицепа, не было возможности маневрирования, задний ход был ограничен. Наконец Семенов издали заметил, что мы безрезультатно топчемся на месте и подъехал, мастерски обкопал снег бульдозером, сильно налег спереди и, наконец, вытащил бедолагу, потом пришло время запуска радиозонда и мы двинулись домой.

Вчера опять продолжили ту же работу. Погода была хорошая, на ровном участке я включил вторую скорость, дал машине прямое направление, открыл дверь, встал на ступеньку и раздевшись стал греться на солнце. Вчера я работал один, у Слесаренко испортилась машина. Чтобы завести другую, засыпанную снегом, ему пришлось потратить почти весь день, только на очистку, забитой снегом, кабины ушло почти два часа.

Сегодня с утра опять запаслись горючим и продолжили дело, но было ветрено и поэтому удовольствия, по сравнению со вчерашним, получили меньше. В конце дня одновременно вдвоем поехали домой, Семенов дал своему тархтящему бульдозеру полный газ и понесся вперед. Без слов он приглашал нас к состязанию! Ну и разве нам было трудно обогнать его? Наши тяжелые, но быстрые машины помчались со скоростью сорок километров в час, при этом мой тягач так раскачивался на небольших снежных бугорках, что если бы у меня в кузове кто-нибудь сидел, он не смог бы удержаться и обязательно вылетел из машины. Заметив, что никак не смогу обогнать

ушедшего вперед Гарри, решил срезать путь, но не успел переключить скорость и он промчался мимо меня, показав приложенную к носу пятерню.

Когда со своего балкона оглядели аэродром, удивились, оказывается мы проделали довольно большую работу, но и осталось сделать еще немало.

Несмотря на такой большой вес и размер, тягач «АТТ» оказался легок в управлении, вернее – управляется как обыкновенная машина, акселератор и рычаги управления у него очень чувствительные и можно выполнять довольно точные движения, так например – когда хочешь подцепить прицеп, можно задним ходом подвести машину к его кольцу на сантиметры, и сделать это не так трудно, как я представлял себе раньше.

26 ноября

Достаточно потеплело, около лестницы обнажились камни. Впервые ступаем по камням, хорошо, когда ходишь по земле, чувствуешь себя надежнее. Уже одну неделю стоит безветренная солнечная погода, правда по сравнению с прежними годами, прохладнее, но не обращаем на это никакого внимания. Днем сидим в одних трусах на балконе. Николаев предупреждает, чтобы голыми долго не сидели под солнцем, можем облучиться, но мы его не слушаем, предпочитаем солнышко.

Вокруг павильона взорвали слабые заряды, снег вокруг него покрылся красным порошком, темные поверхности значительно сильнее поглощают солнечные лучи и снег быстрее растает, а то вокруг намело трехметровый снег, за лето он может не растаять и на будущий год павильон увязнет в снегу.

Сегодня дует двадцатиметровый ветер, но справиться со старым, уже затвердевшим снегом не может – глядя в окно не чувствуешь, что снаружи сильный ветер, ничто не шелохнется, снег лежит неподвижно, только лишь по антенным проводам можно догадаться, что дует сильный ветер. Когда выходишь наружу, теплый ветер уже не кажется таким неприятным, тем более, что можешь смотреть нормально открытыми глазами, но стоять твердо на ногах все же трудновато, несмотря на то, что зима постепенно теряет силу, а мы крепчаем. Сила нам прибавляется в том случае, если мы ее используем с пользой, делая добро.

... Пауки появились на двести миллионов лет раньше динозавров, а в данный момент во Вселенной образуются новые планеты – и кто знает, когда на них появятся пауки, а потом и динозавры – неужели всех вынуждает двигаться феномен бессмертия? Неужели ради грандиозного мотива, обеспечивающего увековечение личности – все собираются строить пирамиды?

- Помнишь ли ты, читатель, отца твоего деда? Очень хорошо. А деда твоего деда? – Не помнишь. Тогда, скажи, почему должен помнить тебя внук твоего

внука? Разве не лучше будет – пока ты еще здесь, делать то, что пригодится твоим современникам? – Добро!

29 ноября

Прибавка в весе здесь обыкновенное явление. За двадцать лет медики набрали достаточно материала и пришли к выводу, что большинство полярников, из-за снижения интенсивности движения, в зимний период поправляется в среднем на три-семь килограммов, с наступлением лета вес начинает снижаться и по приезде домой возвращается к старой норме.

Японцы в 1967 году на станции «Сёва» провели интересные исследования и установили, что полярники большую часть времени (в среднем 66%) проводят сидя и потом лежа, снаружи они находятся лишь 18% времени, отсюда зимой (в августе) – 5,6%, а летом (в декабре) – 20,1%. Зимой расход энергии минимальный и вес соответственно прибавляется. Несмотря на то, что большую часть своего времени полярники проводят в сидячем и лежащем положении, расход энергоресурсов в условиях «Сёвы», в день составил 2800 килокалорий, что соответствует средней нагрузке, работающего физически человека.

Ворча схожу с весов. Уже который раз Алик Хлопачев говорит мне – Тренироваться надо, тренироваться! Видишь же, что я в весе и не сбавляю, и не прибавляю – отвечаю, что я тоже упражняюсь с гантелями. Нет – говорит – этого очень мало, ноги тоже надо тренировать – не отстает он от меня. Мои ноги с детства столько упражнялись, что мои нетренированные, победят твои натренированные – говорю ему.

Он с таким удовольствием рассмеялся, что я понял – опять он меня в чем-то «выловил». Давай – говорит – посястязаемся в приседаниях на одной ноге с пудовой гирей в руках. Еще даже пари предложил: если выиграет, отдаю ему свое единственное чучело птенца пингвина, если проиграет – получу его красивый складной нож (знал, что я положил на него глаз, однажды, немного подвыпивший, даже уже дарил его мне, но я тогда ни в какую не взял).

Если бы мы были в тот момент одни, я как-нибудь отвязался от него, но будто почувствовав что-то интересное, вокруг уже собралось достаточно много народа и я принял вызов. Пошли на электростанцию, выбрали судей, оговорили правила и бросили жребий, начинать должен был я. А к этому времени и из бани вышел народ – некоторые почти совсем голые, некоторые обернутые простынями. Мне очень не хотелось начинать первому и я его попросил поменяться, уверенный в легкой победе, он тут же согласился, взял согнутой в локте рукой гирю и начал приседания. Восемь раз выпрямился совершенно свободно, девятое приседание далось ему чуть труднее, десятое и одиннадцатое потребовали напряжения всех сил, на двенадцатом смог лишь немного приподняться и упал – эту последнюю попытку ему не засчитали.

Глядя на него, я сильно засомневался в своих возможностях, но потом, к середине приседаний, во мне проснулась какая-то надежда, понял, что до одиннадцати кое-как дотяну. А вокруг гоготал и бесновался, вошедший в азарт народ, стоял шум и гам, слышались оханья и одобряющие возгласы. Двенадцатое приседание оказалось самым трудным, думал, что у меня лопнут все жилы, но все же как-то умудрился и выпрямился.

Что тут началось! Все поздравляли меня с заслуженной победой, у Алика же очень испортилось настроение и он начал протестовать – Не должен был соглашаться, не должен был начинать первым, но на его протесты никто не обращал внимания. Потом, когда все немного успокоились, попросил – Очень люблю этот нож, оставь его мне, а я тебе сделаю другой. Я, конечно, тут же согласился – ножи я никогда не любил и не имел, и из-за ножа не собирался его обижать. Только наш стол (а это был довольно большой стол) пять раз обскочешь на одной ноге – предложил я. Он согласился, разулся и, под бурные аплодисменты и выкрики присутствующих, неуклюжей трусцой выполнил свое обещание. В результате все довольны, а я с непривычки, прихрамывая пошел к себе домой ... Вот и кончился еще один день.

7 декабря

Два-три дня как опять дует сильный ветер, но теперь он нам не страшен, снег он уже не поднимает и по сравнению с холодными, зимними, кажется смешным. Последнее время стоят блистательные ясные солнечные дни, видимость отличная, вдали, насколько позволяет зрение, видно абсолютно все. Небо бездонносинее. В такую погоду Антарктида, конечно, зимний курорт, поэтому летом сюда иногда заезжает кто-нибудь из высочайшего начальства, пройдетя туда-сюда, полюбуется здешними красотами и, уезжая, выскажет какую-нибудь очередную мудрую мысль – Мы оказывается людей отправляем сюда на курорт да еще платим за это такие деньги, ничего не случится если немного срежем. Потом поделится своей «мудрой» идеей с финансистами и те сокращают, и сейчас мы получаем половину того, что получали зимовщики в первых экспедициях.

Николаев часто бывает у нас. С нашего балкона хорошо просматривается горизонт, к тому же у нас есть хороший бинокль. Нам хочется поймать момент освобождения горизонта ото льда и появления кромки чистой воды, лед и море отражают солнечные лучи по-разному и поэтому небо над чистым морем всегда темное, мы пока не видим темного неба, а это значит, что чистая вода дальше тридцати пяти километров от нас (с нашего балкона свободно просматривается приблизительно такое расстояние). Николаев обеспокоен – в этом году процесс таяния льда замедлен и вдруг корабли не смогут к нам подойти.

15 декабря

Сегодня геофизики отмечали новоселье, строители уже все закончили и

теперь официально сдают дом приемной комиссии. На входе была протянута красная лента и все было устроено как положенно – директор перерезал ленту и строители пригласили всех вовнутрь. Все довольны и не жалею похвал в их адрес. И действительно все сделано на совесть, основательно и красиво – светлые большие рабочие и жилые комнаты, прекрасный санузел, комната отдыха, просторная раздевалка с сушилкой для одежды, хорошая вентиляция.

Абсолютно у всех специалистов – сейсмологов, магнитологов, исследователей ионосферы, специалистов по северному сиянию, геодезистов – свои благоустроенные лаборатории, некоторые из которых расположены в нескольких комнатах. Великолепны фотолаборатория и водонагревательное оборудование. Кроме геофизиков здесь будут жить и сотрудники электростанции и механических мастерских, а это значит, что в 21-ой экспедиции никто не будет жить под снегом в старых домах.

Начальники строителей Таранов и Иванов сияют, чувствуют, что нам все нравится, не к чему придираться, честные они люди и честно поработали. Потом, подняв стопочки водки, мы сказали заслуженные ими хорошие, теплые тосты и разошлись.

19 декабря

Остров Хасуель, имеющий длину около двух километров и чуть меньшей ширины, представляет собой довольно отвесную базальтовую скалу, разделенную пополам поперечным ущельем, в котором талый снег образовал продолговатое озеро. Более высокая южная его половина даже имеет вершину высотой около восьмидесяти-ста метров. Остров отстоит от барьера на три километра и снег на нем не задерживается даже зимой.

Сегодня после обеда мы с Колей Дреером были свободны и пошли дать отдохнуть своим глазам и телу.

Поблизости разбросано много подобных ему маленьких островков, на одном из них гнездятся серебристо-серые буревестники, их очень много, уйма. Мы влезли на отвесную скалу и вдруг оказались среди них – в каждом полуметре, чуть присев, многие прикрывают собой яйца или готовятся сесть на них, нас они совершенно не боятся и вообще будто не замечают. Берешь в руки, не сопротивляется, не умеет защищаться, может просто слегка клюнет, очень красивые у них лица и глаза. У многих под яйцами стоит вода, видно растаявшая и стекшая по скале. В этом году снег, из-за сравнительно холодной зимы, начал таять поздно и скала все еще не обсохла. Одна из птиц сидела на льду, подняли ее и подо льдом увидели яйцо. Она отложила его в таком месте, которое с утра прогревается солнцем, а после полудня попадает в тень и стекшая вода замерзает, помочь ей уже было нечем и мы опять посадили ее на лед. Тем же кому еще можно было, не поленились и помогли – пока не

устали, переносили мамаш с их яйцами на сухие места - может яйца еще не погибли и птенцы из них вылупятся.

Кое-где на самых высоких местах, гнездятся крупные хищные птицы - поморники, кружатся они над буревестниками и пингвинами и если кто-то из них теряет яйцо или гибнет сам, тут же набрасываются и сжирают его, как наши вороны.

Эти то знают цену похищения и если приближаешься к ним, страшно кричат. Яйца у них под цвет скалам, найти их трудно, но если идешь и замечаешь, что крик и волнение усиливаются, значит яйца где-то здесь, близко. Когда подойдешь к гнезду один из них взмывает вверх, делает над гнездом круг и как пикирующий бомбардировщик кидается на тебя, если не отмахнешься от него, можешь остаться без глаза, потом он садится на скалу поблизости и продолжает кричать, теперь взлетает вторая птица и повторяется все сначала. Мы долго мучили их и смеялись, потом ушли со скалы.

На открытом месте, на чистом льду мы увидели очень большое количество буревестников, при нашем приближении они начали взлетать и я представил себя в миниатюрном аэропорту. Они взлетают точно, как реактивные самолеты – чуть-чуть приподнимутся, пробегут по льду метров двадцать-тридцать постепенно прибавляя скорость и часто махая широкими крыльями, еще немного приподнимутся, еще пару раз оттолкнутся ногами, потом сложат их под животом как шасси и красиво оторвутся от поверхности. И садятся они тоже необыкновенно красиво – на лед опускаются прямолинейно, скользят на животе, расставив крылья и только остановившись, складывают их. Мы долго любовались ими.

Наконец перешли на Хасуель и, собирая красивые камни, достигли его вершины. Оттуда спустились к озеру. Встретили по дороге огромное количество, сидящих на одном или двух яйцах, пингвинов Адели. Гнезда у всех обложены камушками, если яйцо начинает подмокать, его обязательно приподнимают, подкладывая под него новые камушки, которые из-за этого представляют здесь большой дефицит. Отличающиеся хитростью и сообразительностью, они воруют их друг у друга и поэтому постоянно ссорятся и дерутся. Укрывшись за скалой, мы прилегли отдохнуть. Прямо перед нами было маленькое гнездовье. Среди них особенно выделялся один маленький пингвин – очень трудолюбивый и целеустремленный. Сначала он прыгал между другими, более крупными, пингвинами и пытался стащить у них камушки, но все кричали и клевали его и ему, несмотря на очень дорогую цену, удалось похитить только несколько штук. Потом он двинулся в нашу сторону и увидел заброшенное гнездо. Быстро схватил клювом камушек побольше и помчался домой, принес к своему гнезду и положил перед носом жены, которая сидела на яйце, а она даже не шевельнув туловищем, одним быстрым движением клюва, пристроила его к гнезду. Глава же семьи

продолжил свое дело, теперь уже более жизнерадостно и резво подошел, схватил клювом камушек, быстро пробежал между пингвинами, не обращая внимания на их клювы и принес его домой. Когда сделал несколько рейсов, дело осложнилось. Завистливые пингины злились и не пропускали его. Тогда он сообразил – взял камушек и пошел другим, более длинным путем. Этот путь был сложнее, надо было обойти скалу в двух местах, но, зато – безопаснее. Теперь пришел сюда старым путем, а возвратился новым и камушек без потери донес домой. Мы засеки время и оказалась, что на обе дороги он потратил почти одинаковое время, потому что обратно двигался быстрее, быстро перескочив оба препятствия, прискакал домой, а когда пошел обратно, немного задумался, каким путем идти и, наконец, решил и сюда идти новым путем. Теперь ему в работе никто уже не мешал и дело быстро, без задержек, двинулось вперед. Было более ста камушек и он более двух часов безуданно работал – дома у него собралось столько камушков, что супруга уже не знала, куда их девать, а он все носил и носил. Мы много смеялись и все засняли на киноленту.

Отдохнув, еще немного побродили по скалам, даже нашли во многих местах одеревеневший, недоразвитый мох, и спустились вниз. Весь остров покрыт пухом буревестников, волосками молодых пингинов и их пометом.

На берегу, в одном месте, наткнулись на одинокого пингина, он сидел на гнезде и чмокал клювом, гнездо у него было бедное, камушков мало. Коля постановил – От имени нашего месткома надо помочь одинокому бедолаге. Мы разошлись с ним в разные стороны и в этой, бедной на камушки стране, кое-как собрали по горсточке. Коля произнес торжественную речь, как принято при официальном вручении подарка, и мы положили камушки перед пингином, обрадовавшись, он тут же принялся за строительство.

Домой мы вернулись поздно, страшно голодные, но довольные.

23 декабря

В ясный день, когда все вокруг сияет, все ходят в черных очках, так как без них трудно. Я, кажется, единственный, кто не носит очков. Все к этому уже немного привыкли и не предупреждают, что могу ослепнуть. Когда я в очках, появляется ощущение, будто у меня на голову одета кастрюля. Похоже мои глаза выдерживают яркий свет и не перегружаются, иначе мне пришлось бы ходить «с кастрюлей на голове». У нас в горах зимой радиация не меньше, но я и там ходил без очков.

Очень интересное исследование провели полярники Дубровин и Благоднаров. По их данным на станции «Мирный» 48% погоды пригодны для работы на воздухе, 49% дней в году, из-за ледяного ветра, находиться снаружи опасно, а 3% настолько суровы, что без специальных защитных средств на лице, работать снаружи вообще нельзя.

Японец Хупоне отмечает – несмотря на большое количество исследований, не совсем ясно, какой след накладывает на здоровье человека зимовка. Часть ученых считает, что в современных условиях (хорошие здания, одежда, питание, отношения) влияние зимовки на здоровье людей практически почти не заметно.

Я совершенно согласен с выводами многих исследователей по поводу того, что в период зимовки у человека обычно снижается возможность ощущения цвета. Из-за отсутствия естественных четких цветов, черные предметы на постоянном белом или синем фоне, истощают зрение, глаза облениваются, поэтому эти, выращенные Колей маленькие цветочки, мы рассматривали скорее для того, чтобы установить и вспомнить существующие в природе цвета. Говорят, по возвращении домой, «проголодавшиеся» глаза воспринимают цвета иначе, более четко и у некоторых, вернувшихся домой, даже иногда просыпались дремлющие таланты и они начинали рисовать. Во мне просыпаться конечно нечему, но хорошо уже даже то, что на природу стану смотреть по-новому.

26 декабря

Сегодня за завтраком, Николаев предложил мне съездить на разведку льда и я с удовольствием согласился. Николаев, Таранов, Воробьев и я, захватив с собой бурав для льда и измеритель, запрыгнули в вездеход Семенова и поехали с барьера вниз. Скоро придут корабли, необходимо исследовать дорогу и установить маршрут. Корабль, подойдя к краю, упирающегося в барьер, неподвижного льда, насколько сможет прорвет его и остановится. После этого начнется регулярное тракторное движение и перевозка грузов на санях. Поэтому предварительное изучение льда имеет огромное значение – надо определить его толщину, водность и, главное, наличие открытых и скрытых трещин, их измерение и описание.

Двигаться между островами нельзя, здесь много трещин и по мере таяния льда, их количество будет возрастать. Мы поехали вдоль барьера на запад, обошли остров Строителей, удлинив себе этим путь на четыре-пять километра, но зато маршрут выбрали надежный. Первое измерение провели на повороте – пробурили лед на глубину ста сорока пяти сантиметров, толщина снега оказалась двадцать семь сантиметров, трещин нет. Проехали вперед на три километра и наткнулись на большую открытую трещину – шириной в три-четыре метра. Трещина тянется от острова Хасуель, пересекает наш путь поперек и там, на западе, упирается в барьер. Пошли пешком вдоль трещины и в одном месте заметили сужение, отметили это место черными флажками и решили переехать здесь на вездеходе. Заметив, что Семенов немного боится, мы с Тарановым остались на вездеходе, предупредив Семенова, чтобы двери держал открытыми и при опасности прыгал из машины. Мы же как птички пристроились по краям открытого кузова.

Семенов отъехал назад на сто метров, со всех сил разогнал машину, я еще раз сильно прижался левой ногой к опоре, которая пригодилась бы для спасения и мы перелетели через трещину. Вздохнули с облегчением! По идее таких больших трещин больше не должно быть, так как по пути островов больше нет. Еще раз пробурили лед и отметили черными флажками, не заметив ничего опасного продвинулись еще вперед – теперь уже увереннее.

Вдруг вездеход будто въехав в воду, начал тонуть в снеге и, пока мы сообразили, что надо прыгать, на наше счастье, он остановился. Николаев объяснил, что это растаявшие под солнцем верхние слои снега и льда, прикрытые ледяной коркой. Под ними еще много нетронутого льда и нет никакой опасности. Семенов с трудом вывел машину назад, опять промерили лед и чуть изменили направление, по дороге подтаивший лед встретился еще не раз, но такого глубокого больше не было. Так, измеряя и ставя отметки флажками, достигли кромки льда, спидометр показал тридцать два километра. Слегка волнующееся синее море то приподнимало, то опускало кромку льда, передавая ему свое колебание. Находится здесь было опасно и мы быстро развернулись. Справа, вокруг расщелины между айсбергами, плескались пингины, а тюлени Уэдделла с маленькими, красивыми, толстыми детенышами, нежились на её краю. По дороге нам встречались большие и маленькие группы пингинов, те, которые шли от дома к морю, были голодны, возвращающиеся – сыты.

На обратную дорогу мы затратили значительно меньше времени. По дороге обнаружили еще и закрытую трещину и ее тоже обозначили флажками. Николаев все заносил в свой блокнот, потому что эти данные были ему необходимы для составления маршрутной карты.

Погода портилась, тучи опустились вниз, барьер и наши дома окутались туманом, что для этих мест непривычно. Пошел густой снег. Подъем на барьер Семенов нашел по нюху, с лязгом взлетел по нему и через десять минут мы были в кают-компании.

Мне понравился этот наш полный приключений, но хороший маршрут. По странной аналогии вспомнилось, как несколько лет назад, в конце зимы, мы с моим другом Джумбером Батиашвили пошли планировать снег в долине реки Цхенисцкали. Мне уже смешно, но я все-таки расскажу – серьезно!

Каждый год, в самом начале весны, наше Управление устраивало экспедиции в горные районы Грузии для установления количества снежной массы. Исходя из этого – высчитывался запас воды, сроки таяния снега, количество воды, которое должно было собраться в водохранилищах, сколько у нас было бы электроэнергии, как обеспечился бы полив полей и другое. Одним словом, снегосъемка является очень важным делом. Мне досталась долина реки Цхенисцкали в пределах района Квемо (Нижней) Сванетии. Выделили

соответствующие суммы для наема проводника, рабочего и лошадей. Я соответственно облачился, оснастился и говорю Джумберу – Хватит тебе все время ходить по асфальту, в Сванетии ты еще ни разу не был, не нужны нам ни рабочий, ни проводник, пойдем со мной, дело сделаем, да еще и отдохнем. Он, вообще-то, не любил холода, но уже начался март, в Тбилиси было тепло и согласился (лучше бы не соглашался!). Автобусом мы доехали до Лентехи и зашли к секретарю райкома. Скромно говорю ему – Этот молодой человек известный ученый и большой специалист по снегу, как Вы знаете, мы приехали по очень серьезному делу, если можете выделите нам, пожалуйста, пару хороших лошадей и поручите шефство над нами какому-нибудь мужественному местному жителю.

- Разве может быть кто-нибудь лучше твоего однофамильца - отвечает и тут же звонит Бидзине Пурелиани (в Сванетии моя фамилия так пишется и читается) – председателю колхоза. Тот взял над нами шефство и пригласил нас переночевать к себе домой. Было достаточно холодно, шел мокрый снег и мы с удовольствием согласились, почистились, обогрелись и сели у камина.

Джумбера наряду со многими его добрыми качествами, характеризует еще одно изумительное - качество установления контакта с незнакомыми людьми – он моментально очаровывает любого находящегося рядом с ним человека. Ну он и очаровывал – чем больше пил – всю семью. Заснули мы в полночь, а поздним утром будит нас хозяин – Коней привели, посмотрите, если они вам понравятся. Выскочил Джумбер как из рогатки, чтобы я его не опередил, и выбрал высокого, красивого и не очень спокойного коня, ну, а над моим, потом всю дорогу смеялся – Что за кляча тебе досталась.

Стояла прекрасная, солнечная погода и мы тронулись в путь. Он был счастлив и не скрывал своего изумления по поводу увиденного. Проехав какое-то расстояние, мы приступили к снегосъемке: я измерил высоту снега, взвесил измерителем снег на нескольких глубинах, описал микроокружение и все зафиксировал. С большим усердием помогал мне этот действительно большой «специалист по снегу» и при этом не прекращал подшучивать надо мной – И это все твое серьезное дело, о котором ты столько трепался?

Прошли еще несколько километров и повторили все заново, потом еще. Теперь он уже помогал меньше, а потом вообще прекратил – держал портативный радиоприемник «ВЭФ» и слушал музыку (потом позже, когда рассказывали об этом, а это бывало довольно часто, говорил обо мне так – шел за мной с «ВЭФ»-ом и как положено хорошему управляющему имением развлекал меня музыкой). Постепенно погода поменялась и пошел снег, к этому времени мы уже подъехали к первой деревне и он, несмотря на мое большое сопротивление, говорит – Мы должны здесь переночевать. Прошу его – Джумбер, пока только полдень, давай еще немного поработаем, дойдем до следующей деревни, иначе так и не доберемся до истока Цхенисцкали. –

Нет, нет, нет, позволь, не будем же мы убиваться из-за этой какой-то дурацкой твоей работы. – и остановившись у первого же двора стал звать хозяина – Хозяин, хозяин! – вышел хозяин, выслушал мой рассказ о «великом специалисте по снегу» и пригласил нас зайти в дом. Женщины помогли нам снять совершенно промокшую одежду, несмотря на сопротивление Джумбера, обмыли нам ноги, обогрели и усадили у камина. Срезал хозяин по большому куску ветчины «лори» и говяжьего вяленного мяса с подвешенных к потолку зимних запасов, пригласил соседей и повторилась вчерашняя ситуация.

Утро опять было прекрасным, но я еле вывел Джумбера из дому, он опять не хотел уезжать – Давай останемся хотя бы еще на один денек, ведь о таком даже мечтать не приходится, что ты теряешь. Еле уговорил его продолжить путь, объяснив, что в последующих деревнях нас ожидают еще более приятные и экзотические встречи. Крепко расцеловавшись с хозяевами и оставив им свои адреса – Когда приедете в Тбилиси, обязательно заходите в гости, иначе очень обижусь – мы, попрощавшись, вскочили на своих отдохнувших и сытых лошадей. Все время, до вечера, он, кроме пересказа разных историй и подшучивания надо мной, ничего не делал, больше всего издеваясь над моей лошадью, то обгоняя нас, то приостанавливаясь. Я же весь день смеялся и занимался снегосъемкой – один, без помощи Джумбера.

В сумерках, проехав за день около тридцати километров и изрядно устав, наконец, добрались до большого, красивого села Чихареши. Отдохнуть мы зашли в семью, уже предупрежденного из центра, председателя сельсовета, прекрасного человека и его прекрасных домочадцев. Кто из вас специалист по снегу? – спросил нас хозяин (правда Джумбер потом обвинял меня – Это ты выдумал, такого вопроса совсем не было!).

Повторилась история предыдущих двух вечеров – только уже на более высоком уровне. Назавтра было 8 марта – женский день и председатель пригласил нас на праздничное собрание сельчан. В президиуме сидим мы троим с председателем посередине, который зачитал доклад об этом дне и положении женщин вообще и под аплодисменты зала (теперь уже я обвиняю Джумбера во лжи, что это все его выдумка и ничего подобного не было!) объявил – Сейчас перед вами выступит с интересной информацией, приехавший из Тбилиси «специалист по снегу». Из-за отсутствия электроэнергии, остававшиеся обычно в зимний период без новостей, жители села аплодисментами сердечно поприветствовали меня. Подняв вверх руки, я знаками попросил успокоиться и включив «ВЭФ» (благо он работал от батареек), дал им послушать последние новости – они опять зааплодировали и я опять попросил их успокоиться. Аплодисменты и волнение еще не улеглись, когда я объявил – Начинается второе отделение – и включил музыку, в зале тут же начались всеобщие песни и танцы.

Утром Джумбер заявил мне – Я отсюда никуда не уйду, как хочешь так и делай свое дело, только езжай на своей лошади, иначе моя устанет. Так что мне пришлось, в течение двух или трех дней работать одному, поднимаясь вверх по намеченному маршруту, и, конечно, дойти до истока реки я не смог, но у возвращающихся оттуда путников мне все же удалось выяснить кое-какую информацию и я вернулся в Чихареши.

Джумбер встретил меня уже как хозяин – даже выучил какие-то сванские слова – но был счастлив, что мы наконец-то возвращаемся в Тбилиси. А вокруг него увиваются дочери хозяина – одна, недавно окончившая школу, зовет его просто Джумбером, другая, чуть поменьше, – дядя Джумбер; та, что постарше говорит, что они уже договорились, к лету она приедет в Тбилиси сдавать экзамены и Джумбер, как и обещал, безболезненно устроит ее в любое учебное заведение по ее выбору.

Утром наступила пора расставания – с похмелья, для бодрости, мы приняли понемножку и началась церемония прощания да еще какая! Со слезами и печалью, но и надеждой на скорую счастливую встречу, все село провожает Джумбера. Я же, пристроившись в сторонке, скромно киваю всем головой. Наконец, подвели нам лошадей, я тихо предложил ему – Мы немного подвыпившие, может сядешь на мою, чтобы чего не случилось – но он так посмотрел на меня, что я срочно забрал свои слова обратно.

Снегопад, снегопад, снег падает такой красивый и густой, только радуйся, и мы радостно вскочили на своих лошадей, но пока я тронул с места мою спокойную клячу, Джумбер успел пару раз прогарцевать перед хозяевами. На этом прощание кончилось и мы резво поскакали по прямой. Метрах в пятнадцати-двадцати был незначительный поворот, в который конь-то вписался хорошо, но Джумбер, сидящий на нем, как бревно, не удержался и свалился в пушистый снег. Вскочил взволнованный – вдруг кто-то заметил – и, ругаясь, снова вскочил на коня – Во всем виноват снег, ничего не видно. Я пытаюсь его успокоить – Не волнуйся, снег такой густой, что, наверно, никто тебя не видел, особенно хозяйские дочери.

Сомневаясь в том, что успеем дотемна добраться до Лентехи, предлагаю ему заночевать в какой-нибудь деревне по пути и заодно взять еще несколько образцов, но он категорически не соглашается, оказывается ему все уже надоело и срочно хочется попасть в Лентехи, чтобы на следующий день быть в любимом Тбилиси, по которому он еще больше скучает.

Промчались мимо нескольких деревень, в сторону которых он даже не взглянул, несмотря на то, что, чтобы не соврать, раз десять сваливался на поворотах со своей, а потом еще около половины того с теперь уже бывшей моей, вдруг полюбившейся ему – в противовес своей – лошади.

Когда подъехали к Лентехи, уже смеркалось и теперь я подбадриваю его после очередного падения – Джумбер, дорогой, не бойся, немного осталось, перетерпи еще парочку падений и мы будем на месте – и при этом помогаю ему как-нибудь взобраться обратно на лошадь. А эта проклятая дорога все не кончается, снег постепенно перешел в дождь и наши силы почти полностью иссякли. Наконец появились силуэты первых домов и от счастья мы немного приободрились, но тут путь нам преградило, образовавшееся на проезжей части в сужении дороги необъятное озеро, и, когда он осипшим голосом прошептал – Нет, это озеро мы не преодолеем – я выехал вперед, чтобы доказать его неправоту. Смеяться у нас уже не было сил, но и делать что-либо спокойно и так, чтобы было неслышно мы тоже не могли, и в результате кроме смеха так больше ничего и не делали.

Решили преодолеть и это последнее препятствие и я поехал вперед на его коне, к которому уже давно была привязанна моя бывшая лошадь. В самой середине озера Джумбер свалился с лошади, но не потерял присутствия духа – Ну и что, все равно же я уже весь мокрый. Я сошел с коня, чтобы помочь ему взобраться на лошадь, но мы перестарались и он свалился с другой её стороны, повторили попытку, результат тот же. От третьей попытки он отказался заявив – Всё, пойду пешком! Говорю ему – Слушай, темнеет, мы совершенно промокли, пешком идти все же далеко, запоздаем и не дойдя до дома замерзнем в пути. Этого еще не хватало – и он согласился с моим предложением. Мы договорились, что он встанет на лежащий посреди озера большой камень, поднимет и отставит в сторону одну ногу и, когда я на своем «поезде» буду проезжать мимо, вскочит на него. Скачу, при приближении его лошади, он поднял ногу и вспрыгнул на нее, но запоздал и попал на круп, потом медленно сполз с него и опять плюхнулся в воду. При второй попытке, подпрыгнул раньше – вскочил на шею, но и там не удержался и свалился. Создалось безвыходное положение, Джумбер сел на камень и заявил – Никуда не еду. Только он произнес эти слова, как и я тут же тоже свалился с коня. Беспредельными были и случившаяся с нами неприятность, и наш смех и наша крепкая братская любовь.

Наконец, договорились, что я проеду на своем экипаже мимо того большого камня, и он животом перевесится через свою лошадь. Подавив самолюбие, он выполнил все как положено и проехав не очень большое расстояние, мы въехали в Лентехи. Говорю ему – Джумбер, неудобно опять беспокоить Бидзину, давай остановимся в гостинице. Ты что, ненормальный – отвечает – какое неудобно, тебе что жить надоело, хочешь, чтобы он нас за это убил? В общем, поговорив так, пошли опять к нашим старым хозяевам. Когда оттаяли, обсохли и согрелись – будто ничего и не произошло – все опять повторилось с начала – вплоть до прощальных маханий из автобуса.

... Работой моей остались довольны, экспедицию мне засчитали и прогноз сделали верный – в тот год в Грузии было много воды!

30 декабря

Погода в последние дни стоит – не позавидуешь – постоянно пасмурно и дует континентальный ветер. Вчера вечером, перед ужином, собрались в кают-компанию и ждем прилета самолета. Какое-то непривычное, новое чувство овладело нами, чувство ожидания изменения ситуации, с нетерпением ожидаем многих объяснений. У нас накопилось много вопросов, да и встреча с новыми людьми очень интересует всех, а, главное, знаем, что получим от родных и близких много писем и посылок.

Заметил самолет с балкона врач, сообщил нам и мы все высыпали наружу, часть наших (кто по обязанности, а кто из энтузиазма) ушла к посадочной полосе, большая же часть собралась на пригорке перед домом и, пока самолет делал предпосадочный круг, пропорционально резкому изменению настроения развлекалась, высказывая мудрые мысли.

Пилот красиво посадил самолет и, наконец, на трапе из-под фюзеляжа появились спускающиеся ноги, потом на поле прилетевшие и встречающие долго пожимали друг другу руки и обнимались в радостном приветствии, меня вдруг тоже охватило непреодолимое желание пожать кому-нибудь руку. Мы выстроились в холле и рукопожатием поприветствовали всех прилетевших, их было, кажется, двенадцать: пилоты, обслуживающий персонал и синоптик, привыкшим к созерцанию друг друга, лица вновь прилетевших казались нам особенно интересными. Шуткам не было видно конца – Гляди-ка, а у них как у настоящих людей, по паре ног и рук – слышалось отовсюду, к этому добавилось и то, что наши собачки, учуяв чужаков, подняли такой невообразимый лай, что мы никак не могли их успокоить, все были очень приятно удивлены, оказывается наши умницы совершенно не утратили своих инстинктов. Дав прилетевшим спокойно поужинать, мы, подобно корреспондентам, выловившим жертву, группками окружили их и забросали вопросами.

Я приютил у себя синоптика Сережу Соколова, который продолжит работу на «Молодежной», а сюда, в связи с полетами самолетов, прилетел временно.

Письма и посылки нам не привезли, сказали – Они плывут на корабле.

1 января 1976 года

Сегодня первый день Нового года и ситуация совершенно другая. Вчера в столовой новых было больше, чем старожилов. Был беспорядок, оживленное передвижение, громкие разговоры – в общем все, что обычно характерно для подобной ситуации.

Вчера корабль подошел к ледяному припаю на горизонте, навстречу к нему пошли три легких вездехода. В полдень, когда они возвратились, вели их новые водители - наша миссия подошла к концу, новых уже с корабля подключили к работе. Погода солнечная, мы все собрались на площади перед домом, приветствуя новеньких и помогая сгружать их багаж, каждый обязательно ведет своего сменщика к себе домой – надо же нам продемонстрировать свое гостеприимство! Первым рейсом приехали в основном механики. А вездеходы срочно вернулись назад. Прибывшие тут же, даже не передохнув, устремились к тракторам, запустили их, подцепили к ним сани и поехали к кораблю - необходимо перевезти очень много груза, а наш новый корабль «Михаил Сомов» приплыл сюда без своего вертолета, оставив его в помощь «Капитану Фадееву» на «Молодежной», он кончит там разгрузку и через несколько дней прилетит к нам сюда. Следующим рейсом приехали новые люди и, наконец, привезли нашу почту. Мы напираем на радистов, требуя открыть ящики. Они умоляют нас немного потерпеть, пока не сгрузят весь багаж и не разберутся в ситуации – где, что. Но нам не хватает терпения и мы открываем ящики, в первую очередь с посылками. Вынимает новый начальник радиобюро очередную посылку, зачитывает фамилию и передает хозяину, тот задирает ее над головой, так, чтобы всем было видно. Если посылка оказывается маленькой, тут же слышатся комментарии по поводу скупости супруги, хотя эти возгласы на хозяина никак не действуют, так как теперь ему предстоит провести основную процедуру – поднести посылку к уху и встряхнуть ее, результат интересует всех – Булькает? – этот вопрос носит обычно коллективный характер – Булькает! – почти всегда отвечает очень довольный получатель посылки и отходит в сторону, чтобы уступить место следующему испытываемому. А для него не имеет никакого значения – Булькает или не булькает – так как посылку надо вскрыть на досмотр тут же и если в ней обнаруживают официальный, этикетированный «крепкий» напиток, его отправляют обратно. Но это может случиться только с таким неопытным как я или тем, кто даже еще хуже, подобно одному, который в прошлом году, получив из дому банку компота, удивившись и ничего не поняв, так как компот у нас здесь всегда в избытке, стал предлагать его желающим и не получив ни от кого согласия, продержал «компот» на подоконнике несколько месяцев, пока один умник не догадался, что не может быть все это так просто, забрал ее и, в результате, со своими друзьями так опустошил банку с подкрашенным спиртом, что хозяин ничего и не узнал. И в мою бытность там, было немало случаев со спиртным, присылаемым в жестянных банках. А делается это обычно так: берет чья-нибудь бойкая супруга, скажем, банку с ананасовым соком, приподняв краешек бумажной этикетки, дырявит и опустошает её, потом шприцем наполняет водкой или спиртом и просит кого-нибудь запаять обратно (если дома нет взрослых мужчин, отличная причина пригласить соседа!), чем опытнее полярник (чем

чаще он участвует в зимовках), тем большим числом методов конспирации владеет его супруга...

Вечером все собрались в кают-компании. Марьинский сбрил бороду и наодеколонился, когда он пронесся мимо, нас окутал аромат дешевой парикмахерской, он поступает так в особенные дни и доставляет этим себе огромное удовольствие. Среди приехавших, особенно на сезон, много старых знакомых: обнимаясь, обмениваемся новостями с переброшенным на «Молодежную» Липовым; механиком самолетов Витей Земсковым, оставшимся на «Молодежной» для ремонта самолетов и ухода за ними; Аркадием Шалыгиным и многими другими. Встречаемся, как старые друзья, они делятся с нами прошлогодними, но для нас свежими новостями. Тутиков, оказывается, на Первомай немного выпил, на следующий день ему стало плохо с сердцем и он скончался; помню уже пожилой Виктор Ткачев говорил мне – Еще раз схожу в рейс и потом отдохну – после пересечения экватора у него случился сердечный приступ, его поместили в одну из больниц в Лас-Пальмесе, прощаясь с ним, не веря в плохое, ребята подбадривали его – Выздоровеешь и когда прилетишь домой, будем встречать тебя всем экипажем. При подходе к Ленинграду, «Обь» получила сообщение о кончине Ткачева, в порт входили с приспущенными флагами. Теперь уже и Ткачева нет и дизель-электроход «Обь» не плавает в Антарктиду; у Толи Ефимова, аэролога (мы с ним вместе были на курсах в Ленинграде), молодого, здорового, сильного парня, который должен был приехать на «Молодежную», перед самым отплытием случился нервный припадок, отнялась одна сторона и он до сих пор чувствует себя плохо – узнав об этом, я очень огорчился.

Но в основном нам рассказывали приятные новости. Потом все легонько перекусили и наша группа, будучи дежурной, приступила к подготовке новогоднего застолья.

К 12-ти часам сели за праздничный стол, нас собралось около ста двадцати человек, еле разместились за столом, правда недовольства никто не выражал, все были в хорошем настроении. Но вышло так, что до двух часов мы развлекались без алкоголя, так как дело было в том, что наша экспедиция все свои запасы полностью израсходовала, а ящики для новой везли на тракторах, когда один из них боком завалился в трещину и поэтому они опаздывали, но для нас это уже не имело существенного значения – наполнив стаканы «Боржомом», произнесли тосты и дружно чокнулись ими, а в два часа к нам присоединились и измученные водители с ящиками спиртного и «дело» пошло дальше более жизнерадостно. Как видно – опасность не выбирает ни время, ни место – тем более здесь, в Антарктиде.

4 января

Второго строители улетели на «Восток», где до 20 февраля должны успеть

собрать, предназначенный для аэрологов трехмодульный дом и поставить, отправленный туда накануне на тракторах, новый локатор.

Нам объявили, что «Федосеев», который должен будет прибыть на Дальний Восток в конце февраля, не возьмет с собой никого. И «Профессор Визе», на котором, по предварительному распределению, должен был уплыть и я, тоже не пойдет за нами. С целью экономии времени, «Визе» зашел на «Молодежную», пересадил наших людей с их багажом на «Федосеева» и, не заходя к нам, ушел на Монтевидео, чтобы, отдохнув там три дня и пополнив запасы воды и продуктов, приступить к работам в проливе Дрейка. В конце февраля он пойдет на «Беллингаузен», заберет старую смену и 20 марта вернется домой. Выходит, что всех нас, хочешь или нет, заберут «Калининым», поэтому все в очень хорошем настроении. Чего повесил нос – подбадривают меня – домой будем возвращаться с рестораном, баром, шампанским, оркестром, красотками из обслуживающего персонала. Я вовсе не против - славное это дело, но беспокоят меня только сроки, ведь он выйдет из Ленинграда 27 января и у нас будет только 8 марта, но делать нечего, надо ждать, не идти же пешком?!

Вечером пожелали строителям хорошего полета, они должны улететь на рассвете.

10 января

Шестого «Сомов» ушел в Австралию, двенадцатого в Фримантл прилетят наши люди, к тому времени из «Молодежной» приплывет туда и «Капитан Марков», они запасутся продуктами и пивом, «Марков» наших и генеральный груз привезет к нам, «Сомов» же уйдет на «Ленинградскую», завезет туда новую смену, снабдит станцию всем необходимым, заберет старую смену, опять заедет в Австралию за продуктами и водой и в первых числах марта встретится с «Калининым», чтобы провести его во льдах.

Второго приплыл «Федосеев». На его разгрузке работало несколько вертолетов, но потом их забрал «Сомов», они нужны ему самому на «Ленинградской».

Тракторы с саями работают круглосуточно, непрерывно вывозят грузы, так как ситуация напряженная – если лед оторвется от берега, разгрузка приостановится. Нас на разгрузку не зовут, зато новенькие работают непокладая рук, точно так как мы в прошлом году, бойкие ребята, домой возвращаются полумертвые от усталости, но не ноют.

Оба самолета регулярно совершают полеты на «Восток», перевозят туда грузы.

На площади собралась уйма груза, бригады его сортируют: грузы для «Востока» переносятся к самолетам, наши распределяются по отделам. Сегодня прибыло семь тонн наших химикатов, часть мы занесли в павильон, а

часть отнесли на морену. Идет снег и дует ветер, но тепло. Поработали мы на славу, теперь уже не чувствуем прежней неловкости - хоть в чем-то подсобили новеньким.

Вчера тракторный поезд вернулся с «Востока», наши механики возвратились осунувшиеся, чумадые, некоторые потеряли в весе до семи килограммов, некоторые наоборот даже чуть поправились, поразителен, все-таки, человеческий организм! Пообщавшись с новыми людьми, нам наши показались еще роднее и встреча вышла особенно теплая и сердечная. Трудности были опять и, если не большие, то уж точно не меньшие, чем весной прошлого года, но Лебедев есть Лебедев, привел поезд в точно оговоренный им день, ни одна машина не вышла из строя, не было ни одной большой неисправности, работали все вездеходы и водители.

Правда в одном месте они пережили ужасный страх, потеряв при ураганном ветре два вездехода недалеко от «Комсомольской»: когда Назаров и Федотов догадались, что спутали направление, остановили машины, спустились и не привязавшись к ним, пошли искать след поезда и в результате потеряли в бурани свои машины. После долгих, безуспешных поисков, крепко обнявшись сели на снег, в надежде, что их все-таки найдут. Когда в главной группе обнаружили их пропажу, объявили тревогу и вышли на поиски, на счастье быстро нашли оба вездехода, но... внутри никого нет! Включив фары, начали методично прочесывать территорию вокруг надеясь на то, что ребята не успели уйти далеко от машин, двигаясь медленно и осторожно, чтобы в бурани случайно не раздавить их, после непрерывного двухчасового поиска, наконец, обнаружили полузамерзших механиков. На счастье все закончилось хорошо, но если бы главная группа выбрала другое направление, то поиск пропавших мог продолжаться до окончания бурана и неизвестно еще, чем бы он кончился, правда гигант Коля Назаров уверял, что до утра они обязательно б выдержали, но Федотов, оказывается, в этом сильно сомневался.

Вчера всю ночь мы с ними хорошо прокутили, ну и на здоровье, пусть немного отдохнут и повеселятся, дело свое они выполнили отлично. А я, пока они «гудят», закончу свое «интервью» ...

- Какое несоответствие Вы видите?

- Несоответствие между истинным благородством и желанием обладать им.

- Кто должен править государством?

- Существует жизненное правило – кто назначает, тот и правит страной. Если народ изберет или назначит – то и избранный, и назначенный обязан служить народу и его интересам. Что же касается правил межгосударственных отношений, то они являются отражением правил не межличностных, а межсемейных отношений и поэтому, предпочтительнее, чтобы делами

управления государством занимались люди из семей, имеющих большие семейные традиции, а не безродные бобыли.

- Что больше всего необходимо мужчине?

- Способность посмеяться над собой, эта способность гасит в человеке многие плохие мужские качества, а еще - способность трудиться.

- С кем Вам легко общаться?

- С детьми и животными.

- Любите ли Вы охоту?

- И не люблю, и не могу.

- Что Вы больше всего ненавидите?

- Невежество, вероломство и беспощадность.

- Какого Вы мнения о себе?

- Не такого, как мнил о себе в мои студенческие годы заведующий кафедрой физкультуры нашего университета. Однажды, перед занятиями по физкультуре, наши одноклассники, Котэ Абдушлишвили и Георгий Тодуа, рассказывают – как вчера в хинкальной повстречали Галактиона (Галактион Табидзе – Народный поэт Грузии, Академик АН Грузии), как хорошо провели с ним время и как Галактион прочел им свое новое стихотворение, записанное на пачке сигарет. Это очень взволновало нас, мы очень жалели, что в тот момент не были с ними. Услышав это, наш педагог начал занятия с теоретической части, посадив нас на скамейки вокруг себя, он прочел небольшую лекцию о преимуществах физкультуры и вреде алкоголизма, а потом дал наставление – как надо правильно жить (хотя бы он на этом закончил тогда свою лекцию!) и добавил – Мы с Галактионом учились вместе, а сегодня видите, какая между нами разница: я – заведу кафедрой, а он – пьянствует с вами в хинкальной ...

- Что в молодости Вас больше всего удивило?

- Я удивлялся многому, но особенно запомнился мне один случай. Одного из своих начальников я всегда считал строгим и справедливым человеком, но однажды застал его при разговоре с его начальником повыше – и он оказался жалким, беспринципным и несправедливым!

- Что Вас обычно возмущало?

- Не так уж мало – невежественный педагог и в школе, и в Университете.

- Что радовало?

- Радовался и до сих пор радуюсь успехам моих соотечественников за рубежом, тем более, если они обладают еще и врожденным благородством.

- Что доставляет Вам удовольствие?

- Горные лыжи и искренний смех.

- Что удивляет?

- Удивляюсь самоуверенности стольких наблюдательных людей.

- Что мучает?

- Мучаюсь, когда мне сразу или вообще не удается распознать личность человека или понять какое-то явление, и тогда, как и любого взрослого человека, это чувство неудовлетворенности постоянно сопровождает и беспокоит меня.

- Как Вы думаете, кто является революционером?

- Я думаю о них так, как они совершенно о себе не думают! Революционер, это авантюрист награжденный обостренным нюхом ситуации, который хорошо подстраивает свои желания к желаниям верящих ему и следующих за ним людей, а придя к власти действует наоборот – на первый план ставит лишь свои желания, пока не достигает полного самодовольства. Приведение к власти подобных людей, гарантия того, что беспорядок будет продолжаться и после их ухода, так как их многочисленные последователи не прекратят поучать уму-разуму (не знаю искусство поучения уму-разуму, это чисто русское или русско-революционное явление, привитое нам когда-то, а теперь вдруг расцветшее в нас). А вообще-то, чем меньше у страны революционеров и больше профессионалов, тем она цивилизованнее.

- Что спасет стольких нуждающихся?

- Когда человечество научится правильно лечить, соблюдать во всем чистоту, сохранять тепло, сберегать энергию – трудовые расходы на производство резко сократятся и тогда придет спасение.

- Как Вы смотрите на живопись?

- Когда-то я оценивал картины критериями мастерства, теперь, если не посчитаете это невежеством – критериями оригинальности.

- Что-нибудь ужасало Вас?

- Мне всегда казалось, что обычно в момент испытания я легко концентрируюсь и становлюсь активным, но на церемонии захоронения половины жителей села, погибших под лавиной в Верхней Сванетии, мной овладело такое подавленное настроение, это так ужаснуло и так придавило

меня, что мысли о тщетности нашего существования чуть не вывели меня из равновесия.

- Имеете ли Вы ученую степень?

- Хорошего ученого сотворить из меня ни природа, ни бог не смогли бы, быть же плохим мне самому не хотелось. А вообще, на какие только их мучения я ни посмотрелся, скольким помогал и на сколько чего просто закрывал глаза, уверяю Вас, что имею полное право сказать - более бесполезного и несерьезного дела, чем затрачиваемого большинством из них на приобретение звания средненького ученого за счет государства не было в то время и в той системе.

- Чего Вы остерегаетесь?

- Просить о чем-то и общения с наглецом.

- Интересует ли Вас театр?

- После театра Стуруа, смотреть другие спектакли мне стало не интересным, но пока все еще хожу в театр по инерции, статистом – ведь ухаживать надо за живым, за умершим и без нас хорошо присмотрят.

- Что скажете о жизни, какой возраст интересен?

- Мне кажется, если ты здоров и не имеешь привычки ныть о прошлом, каждый промежуток времени жизни интересен. В молодости мне хотелось все успеть, очень раздражали люди, которые попусту тратили время и не делали того, что могли, или устраивали свои дела за счет страны, мне казалось, что из-за этого мы запаздываем с ее строительством. Сегодня же у меня больше времени уходит на обдумывание, а еще анализом немного стал увлекаться. И вообще, наша жизнь, это совсем не то, что мы думаем, это намного сложнее. А самое интересное, как я сейчас думаю, это основательное углубление в знание корней грузинского словообразования, их сравнение с иностранными словами и конечно же воспитание детей.

- Что Вам приятно?

- Мне приятно делать приятное другим.

- Каково будущее нашего большого государства?

- Сначала распадется СССР, а позднее может быть еще хуже.

- Что является сейчас самым главным?

- Не занимать позицию страуса, не надо прятать голову в песок.

- Знаете ли Вы, что такое сепаратизм?

- Знаю, как же иначе! Это тот недуг, который сопровождает человечество с самого первого момента образования государства и окончится он только тогда, когда отпадет нужда в существовании единых и великих государств. Ведь все знают, насколько всеобъемлюще это желание свободы у всех так называемых малых наций, народностей или даже, объединенных по религиозному признаку, групп людей во всех государствах (в том числе и в цивилизованных).

- Значит это не болезнь?

- Для меня это однозначно - болезнь, для иного – нет. Он думает это я нездоров – по-иному.

- Кто и когда поможет этой проблеме?

- Время, наступит такое время, когда никто никем не должен будет править. Но когда люди – особенно руководители с обеих сторон – усложняют, утяжеляют как свинец существующую действительность и решать проблему вовсе не собираются, тогда и становится сепаратизм агрессивным. Когда ты моему народу не позволяешь находиться на моей земле, или, когда я не даю твоему народу права жить на твоей земле, возможность разумного решения этой проблемы заходит в тупик – если сила не решит этот вопрос на свое усмотрение.

Когда проблему по-новому, под другим углом увидит новое поколение и вообще по-справедливому поделит между собой то, что надлежит поделить, тогда и потонет в нас сепаратизм – окончательно. Потом всплывет в другой стране, в другое время и в другом виде и эту проблему нужно будет решать уже там. Так что не надо думать, что в общей сумме проблем человечества что-нибудь уменьшается с решением какой-то одной проблемы в каком-то одном месте в какой-то один момент времени. Как только в какой-то точке, какая-то проблема исчезает, в другом месте возникает для нового поколения новая, еще никому неведомая проблема. Беспроblemность – неинтересна, только у подобных сепаратизму проблем крылья должны быть подрезаны.

- Что такое пьянство?

- Пьянство – это средство стремления к совершенству – ведь в это время человек на мгновение освобождается в своем сознании от всех своих недостатков и становится таким, каким ему хочется быть.

- Что такое демократия?

- Демократия – это когда ты считаешься с другими.

- Что скажете о нашей политической элите?

- Демокрит выколол себя глаза, чтобы зрение не мешало ему в мышлении. Вот вероятно поэтому у нас такая глазастая политическая элита!

- Знает ли что-нибудь поколение, следующее за вашим поколением?

- Последующее поколение на пару голов впереди нашего и потому знает больше нас, а если пока не знает, то обязательно узнает.

- Тогда почему же упрекаем молодежь – что они другие, а не такие – какими были мы?

- Подобно Сократу, который в свое время упрекал своего ученика Платона в несовершенстве его поколения и который, несмотря на свои обширные и глубокие знания, горько ошибался, потому что себя-то он знал намного лучше, чем последующее поколение! Разве хорошо, когда плохо знаешь и упрекаешь? Это и нехорошо, и неправильно!

- Какое будущее у советского социализма?

- После провала знаменитого московского августовского путча, везде все должно быстро кончиться. В России же все еще впереди, распад старых структур там будет затруднен – по закону, исходя из наклонностей нации, через несколько десятков лет надо ожидать новую социальную революцию.

- Занимали ли Вы партийную должность?

- Как я замечаю, мои дела часто идут наоборот. Когда все карьеристы цеплялись за партийные должности, я и внутренне и внешне стоял в стороне от этого дела, когда все начали покидать партию, тогда я стал парткомом группы, объединяющей советских ученых на Кубе (так будет со всеми, кто не поверит жене!).

- Были ли у Вас успехи на этом поприще?

- Члены моей группы вели себя так агрессивно, что сославшись на нашу малочисленность, нас быстро распустили.

- Наступления какого времени Вы ждете?

- На фоне обострения территориальных конфликтов между ингушами и осетинами, думаю настанет время, когда и нас, и осетин, и ингушей устроит переселение ингушей на места жительства осетин во Внутренней Картли, а наших осетин – на места жительства ингушей, с условием снятия в будущем всяких территориальных претензий всех трех сторон. Мы должны привлечь на нашу сторону, ценящий и любящий родство, ингушский народ – это наиболее безопасный и безболезненный путь для них и для нас – беспечных, но уже чему-то горько наученных.

- Что Вы думаете о женщинах?

- Кроме того, что я их очень люблю, меня очень беспокоит то, что перед законом женщин уравнили с мужчинами не только в правах, но, к сожалению, и в обязанностях. Сегодня в цивилизованном мире отношение к женщине настолько бесцеремонное (заметить это грузину очень просто), что исправить это положение можно только, если почти совсем потерявшие почтение к женщине, но пока ещё законопослушные мужчины, пересмотрят старые и примут новые законы. Законы для женщин должны быть на одну, а в некоторых случаях даже и на две ступени более щадящими, чем в случае мужчин. Ну разве, к слову сказать, можно сажать женщин в тюрьму или устраивать надсмотр над женщинами, вынуждать их заниматься тяжелым физическим трудом или из-за крайней нужды – проституцией. И безобразное обучение наших детей, тоже происходит по этой причине. Сегодня у нас все делается в угоду женщинам, которым приелась семейная жизнь, за счет жаждущих семейной жизни женщин.

- Что нам необходимо больше всего?

- Восстановление естественного трудолюбия на основании материальной заинтересованности. О больших политических деятелях и хозяйственниках обычно говорят – работая, он равняет день с ночью. А работает он столько, потому что очень заинтересован (чем, это уже другой разговор), он в своей стихии, он не просто работает, а реализует смысл всей своей жизни. В демократической и свободной Грузии стремление всех и в вере и в миру, и малых и больших, и молодых и старых тоже должно иметь это направление, так же как это происходит во всех нормальных странах.

- В чем состоит миссия грузинской нации?

- Вся Грузия должна быть охвачена деланием добра и к этому мы все обязаны причастить зарубежье, лучшего товара у нас нет, он экологически чист и к тому же неисчерпаем, так как широка и безгранична натура грузинского народа.

- Что заставило Вас высказать все это? Вы думаете это интересно?

- К этому обычно приводят разлука и долгие раздумья. Я не сказал ничего особенного, ничего такого о чем не думают все мои родные и близкие (потому-то мы родные и близкие). И если никто иной, то может хотя бы они скажут – Этот человек точно озвучил мои мысли!

- Есть ли у Вас какие-нибудь записи?

- В Тбилиси я никогда ничего не записывал, на это у меня не было ни времени, ни желания. В Антарктиде я исписал две толстые тетради, и то потому, что видел там совершенно необыкновенные и непривычные цвета. На

Кубе же из-за избытка свободного времени и потому, что никто ни разу не рассердил меня, сам разозлился взял и ответил на эти вопросы, к тому же было жалко, что в блокноте оставались свободные листы.

- Имеете ли Вы какие-либо соображения и переносите ли их на бумагу?

- Конечно! Но, с Вашего позволения, я осмелюсь и публично озвучу их в день гидрометеоролога, 23 марта.

- Чего Вы боитесь?

- Боюсь, чтобы из-за этой книги, меня не обвинили в амбициозности, правда, если обвинят, поделом мне - говорил же себе, спрячь эти записи и не публикуй, ну и, что потом...

- Следовательно...?

- Следовательно... Я тот, кто я есть и мои ориентиры – время, свет, равновесие, любовь, интеллект, медленная скорость, ненависть, почти приблизившаяся к грани прощения, земные слабости и то, что... я больше ничего не знаю.

- О чем бы Вы спросили меня?

- Вы тоже не сможете ответить, иначе спросил бы – Почему погибло столько женщин 9 апреля?

Июнь-октябрь 1991 года, Гавана, Куба.

15 января

Не очень спешу сообщать моим домашним дату моего возвращения домой. Телеграммы отправляю беспорядочно. В этом году, вместе с другими, начатыми ранее работами, предусмотрена большая программа сезонных работ, в связи с чем, «Капитан Марков» доставил на Землю королевы Мод большую группу специалистов. К изучению этой огромной территории, которая в основном представляет собой прибрежные горные хребты, приступили: географы, геологи, метеорологи-актинометристы, биологи, гляциологи, гидрохимики, гидрографы, гидрогеологи, океанологи, геодезисты, астрономы, гравиметристы, аэрофотосъемщики и наблюдатели за следами метеоров. Из всех экспедиций 21-я пока самая многочисленная.

«Марков» после захода к нам, уйдет на «Дружную» (так называется новая, временная база), часть людей заберет сам, а часть пересадит на «Калинин», когда этот последний будет проходить в тех краях.

Привезли новые фильмы и мы с удовольствием смотрим их, после наших старых, уже надоевших, новые, даже неинтересные, кажутся интересными, тем более, что некоторые фильмы действительно высококлассные.

23 января

... Совершенно уверен в том, что в экспедиции многих страшит не трудная работа в суровых и опасных условиях, которая часто требует напряжения всех физических сил, а тоска по дому в период безделья. Если человек способен взять себя в руки и находит себе дело, позволяющее отвлечься от скуки и тоски, тогда у него есть шанс стать настоящим полярником.

... «Здесь совсем не обязательно мобилизовывать всю свою энергию, но нужна способность терпеливо выполнять ежедневную однообразную работу» - эти слова принадлежат начальнику 2-ой экспедиции А.Трешникову и взяты из его книги «Вокруг Антарктиды». В принципе, это справедливые слова, но книгу я закрыл с тем общим впечатлением, что к преодолению существующих многих трудностей (но без преувеличения – не так уж и многих) она призывает как будто как-то без всякого желания, нехотя. И убеждаешься в этом еще больше, когда, находясь здесь, чувствуешь будто взятые из этой книги запрограммированные взгляды на зимовщиков, на их жизнь, поведение, взаимоотношения, причем без изменения продолженные и во всех последующих экспедициях. И это совершенно не удивительно – ведь как директор института, практически он единолично руководил всеми делами экспедиции. Но вместе с общим положительным фоном, многое требует исправлений, так как за долгие годы так окаменело и так засело и внедрилось, что забота о нем не приходит никому в голову, во всяком случае тем, кто обязан заниматься этим. А ведь если посмотреть на дело по-новому, под другим углом, некоторые из этих трудностей может быть и вовсе не возникнут.

С семнадцатого дул такой ветер, будто вернулась зима, но сегодня успокоился и нам захотелось побыть на воздухе. Ночью, одевшись потеплее, вышли на балкон. Небо и здесь все усыпано звездами, смотреть на него одно удовольствие, а, если не поленишься, даже можешь найти на нем Южный Крест – три яркие и одна не очень звезды – он хорошо выделяется на общем фоне.

С четырнадцатого числа работаем по программе «Полэкс», в день, вместо двух, запускаем по четыре-пять радиозонда, привыкшим к безделью, нам это немножко обременительно, тем более в сильный ветер, когда зонд почти непрерывно следует за зондом. Но зато приехал новый инженер локации, Владимир Лихолетов, который раньше работал на «Визе» и «Зубове», мы его еле вырвали из рук нового начальника станции, сопротивлялся – Все новые должны работать на разгрузке грузов. А через несколько дней на «Маркове» прибудет и Валерий Власов, который в прошлом году работал на «Визе» руководителем группы аэрологов и с которым мы вместе плыли сюда.

Из-за непогоды, разгрузка была приостановлена на три дня. Груз на «Федосееве» остался лишь для трех саней, необходима была только одна ездка

тракторов, но не получилось, это было опасно, а на корабле уже совсем не осталось воды и поэтому он очень спешит, но отплыть пока никак не может.

Вчера после полудня на маршрут вышли вездеходы, они должны перекрыть открытые трещины, которые из-за тепла и непрерывного движения через них увеличились и, если их вовремя не перекрыть бревнами и досками, тракторы могут провалиться. Где бы не были трещины – на леднике, на континентальном льде или припае – они везде страшны и опасны. Неопытный глаз может их и не заметить или неправильно определить их размер, так как они зачастую бывают прикрыты снегом и поэтому неприметны. Здесь большинство людей погибло провалившись в трещины.

Проблема трещин для меня знакома очень хорошо, она и для высокогорных экспедиций представляет собой одну из главнейших опасностей.

Помню как-то дядя Мито Оболадзе, патриарх грузинского альпинизма, привез в Казбеги группу начинающих альпинистов и на вершину я пошел вместе с ними. Я и мой напарник инструктор шли далеко впереди, сменяя друг друга через каждые десять шагов, вышло так, что последний отрезок выпал на мою долю и первым ступить на вершину должен был я, но так как это было для меня уже третье восхождение, а для моего напарника – первое, я немного приотстал и предложил ему пройти вперед, он страшно обрадовался, но конечно удивился, так как честно доставшееся первенство покорения вершины, как правило никто никогда никому не уступает и понять причину этого может лишь человек, сам испытавший тот наплыв чувств, которые охватывают душу и сердце, когда первым ступаешь на вершину.

Спуск на седловину занял очень много времени и поэтому спуск на метеостанцию запаздывал, к тому же у одной из девушек похоже начался приступ аппендицита – она легла на снег и не могла даже шевелиться. Дядя Мито призадумался, так как задержка в горах с таким количеством не очень опытных людей обычно бывает чревата роковыми последствиями, решили идти взвалив больную на спину, первым должен был нести я, подсадили её мне на спину, но она подняла такой крик, я чуть разрыв сердца не получил. После долгих раздумий решили так – останемся восемь парней, уложим ее на палатку, с привязанными к ней веревками, и потихоньку скатим самодельные сани-носилки по льду Гергетского ледника и, хотя этот путь раза в два длиннее и опасных трещин на нем больше, но зато почти нет камней и валунов. Главная группа срочно начала спуск и мы, привязав к себе концы веревок, тоже начали медленный спуск по леднику, когда число трещин стало увеличиваться, я стал проверять все подозрительные места длинной палкой, из-за этого и без того медленный спуск еще более замедлился и вскоре нас окутали сумерки. Я уже однажды испробовал «вкус» трещины и поэтому проверку сомнительных мест продолжил еще более тщательно. Один из наших инструкторов, потеряв терпение, стал упрекать меня в излишней

осторожности, тогда я передал ему палку и предложил, заменив меня, самому идти впереди. В одном месте – зачем его столько проверять – он перепрыгнул, перепрыгнул и провалился обеими ногами, на счастье, снег оказался относительно крепким и он раскинув руки повис на его краях. Запретив ему не то, что двигаться, а почти и дышать, мы стали срочно искать в трещине более узкое место, потом двое, связавшись веревкой, перешли на другую сторону и осторожно приблизились к нему, он был совершенно неподвижен, только глазами умолял нас – Я, конечно, очень сглупил, поспешил, но сейчас не до этого, вытащите меня поскорее, пожалуйста.

Впереди нас ждал еще долгий путь, но теперь он и вперед не рвался, и ничего не говорил. К станции мы подошли довольно поздно, а наша больная вдруг почувствовала себя хорошо, встала и заявила, что уже может двигаться и сама, это было конечно очень странно – но видимо так подействовало на нее снижение высоты.

А здесь, уехавшие вперед, местами заделали трещины и вечером три трактора пошли по припаю к кораблю. А мы с новым врачом, Вовком, допоздна играли в шахматы, к тому же он каждые полчаса выскакивал в соседнюю комнату к радистам для связи с кораблем (ему было поручено это дело), а синоптик Соколов, составляя прогноз, развлекал себя разговорами с нами. Наконец, Вовку сообщили, что груженные тракторы двинулись в сторону станции. Над морем висел густой туман, но часа через два-три они уже должны были появиться. Прошло уже пять часов, а их все еще не видно! Встревожился Вовк, забеспокоились и мы, ситуация была не очень-то безопасная, чтобы не тревожиться и мы решили - надо бить тревогу. Разбудили нового директора обсерватории, ведь теперь уже вся ответственность лежит на нем, и Лебедева, его заместителя. Они быстро посоветовались и решили тут же выезжать на вездеходе, только приготовились к выезду и ... те появились! Все выдохнули с облегчением, будто с плеч свалилась огромная тяжелая ноша.

Оказывается один из тракторов боком завалился в трещину, тогда второй и третий осторожно обошли его, подцепили и, после многочисленных попыток, наконец, вытянули. А потом к этому добавилось еще следующее: один тракторист, который вел трактор в одиночку, решил проверить гусеницы своей машины на ходу, вылез из кабины, подскользнулся и упал прямо на движущиеся гусеницы, которые тут же стали затягивать его одежду и ему точно грозило быть раздавленным гусеницами, так как остановить машину было некому. Но он оказался сильным парнем и изо всех сил, оттягивая тело, руками тянул одежду, наконец, в последний момент, когда ему казалось, что уже все, наступил конец, еще секунда и его затянет под гусеницы, собрав последние свои силы резко дернул и, разорвав одежду, далеко отлетел от надвигающихся на него гусениц. Он потом, оказывается, еще долго лежал на снегу, приходя в себя, а трактор все ехал и ехал, постепенно удаляясь от него.

Отдышавшись и немного придя в себя, он догнал трактор, еле вполз на него и все же привел его на станцию, сказав – Я побывал слишком близко от смерти.

27 января

Двадцать четвертого пришел «Капитан Марков», на нем приехали аэрологи – опытный Власов и новенький Панкратьев, теперь работу четверых будем выполнять всемером и вполвину разгрузимся.

31 января

Пребывание в Антарктиде и хождение в горы, по тактическим действиям, в корне отличаются друг от друга. И люди здесь и там имеют соответствующую психику. Если здесь главное терпение, спокойное и вдумчивое суждение, предварительное тщательное планирование каждого действия и учет обязательного и вынужденного безделья, то в горах иногда все решают скорость, быстрое мышление и энергичные действия. На идею проведения таких параллелей натолкнула меня книга Фукса и Хиллари, которую я совсем недавно кончил читать. Оба очень последовательно и спокойно повествуют об истории совместной англо-новозеландской трансконтинентальной тракторной экспедиции, которая начавшись с ледника Филхнера (море Уэдделла,) пройдя через полюс должна была закончиться на леднике Росса. Главная группа под руководством Вивиан Фукса организовала свое дело основательно, без спешки, подстраховавшись от всего, но спокойствие вскоре переросло в задержку и чуть не закончилось для них вынужденной второй зимовкой. Фукс как старый, опытный зимовщик, организовывал дело опираясь на собственный опыт. Вспомогательная группа, которой руководил Эдмунд Хиллари, двигаясь с противоположной стороны, должна была только разведать дорогу и ни в коем случае не должна была покорять полюс. Ведь новозеландец Хиллари еще на Джомолунгме (Эвересте) уже однажды продемонстрировал англичанам свои возможности – он вместе с шерпом Тенсигом Норгейем был в запасной паре группы покорителей вершины и, когда основная английская группа не смогла покорить вершину, Хиллари, олицетворение энергии, движения и находчивости, спас престиж англичан, впервые покорив величайшую в мире вершину. Там все решили скорость, выносливость, часы и минуты.

Он и здесь выполнил свое дело на отлично – обосновал станцию на леднике Росса, провел все научно-экспедиционные работы и, главное, оснастил маршрут Фукса топливными складами. Оставшееся же время, которое, при таком объеме работы, могло остаться лишь только у Хиллари, не спросясь у англичан, использовал для покорения полюса. И вышло, что после Амундсена и Скотта, полюса наземным путем на тракторах первым достиг Хиллари – опередив Фукса. Раздражению англичан не было предела – и тут их опередили – они подняли переполох, распространили уйму сплетен, в чем

только не обвиняли Хиллари, как только не оправдывали Фукса – он, оказывается, проводил исследовательские работы и поэтому опоздал – хотя это весьма сомнительно. В книге очень хорошо видно, что исследовательские работы совершенно не мешали движению вперед, да и не так уж много проводилось их на главном маршруте. А дело было в быстротходности и способности рационального использования времени и в этом Хиллари был на две головы выше Фукса. Цель действия человека – движение вперед (прогресс), преодоление противодействий, целеустремленность – этим руководствовался Хиллари.

Время и пространство не являются равнозначно главными – главное все-таки время, так как **пространство размещено во времени, поэтому скорость и рациональное использование времени часто являются решающими**, особенно – в горах. Помню в 1961 году, в период моей работы на Казбекской гидрометеорологической станции, к нам поднялись двое молодых москвичей – альпинисты-любители. Я в тот день должен был спуститься вниз и, когда узнал, что они собираются подниматься на вершину, посоветовал – Скоро сюда должна подняться одна группа альпинистов, дождитесь их и поднимитесь вместе с ними, ходить по незнакомым горам опасно.

Через два дня, в полдень, мой радист сообщает – Вышедшие вчера утром те два альпиниста пока не вернулись. Я поднял тревогу, собралась спасательная группа, во главе группы из девяти спасателей встал прекрасный горец, мускулистый, сильный и разумный Вахтанг Кирикашвили, к группе присоединились мой друг Дато Алибегашвили и Валико Суджашвили, весь день провели в приготовлениях и на другой день тронулись в путь. Пройдя около 20 километров, мы на рассвете были уже на гидрометеорологической станции, на высоте 3650 метров. Сотрудники станции рассказывают – Вчера утром мы в бинокль наблюдали, как на высоте 4500 метров, по верху западной седловины вершины, по этому отвесному, очень крутому, почти нависающему желобу замерзшего снега, спускались по очереди два силуэта: соскользнет один, закрепит ледоруб и теперь второй спускается, вернее проносится мимо первого, пока его не остановит натянувшаяся веревка и так они сменяясь проскользили почти два километра и достигли приблизительно середины этого снежного желоба, там они по какой-то причине остановились. Потом погода испортилась, видимость пропала и мы решили сообщить об этом вам. Мы все хорошо знали, что по этому ледяному, снежному желобу никто никогда и не поднимается, и не спускается. Они, видно, измучившись и очень устав, решили спуститься к станции коротким путем. Мы приняли решение немного отдохнуть, поспать и выйти в полдень с таким расчетом, чтобы до темноты добраться до их предполагаемого местонахождения. Так и поступили. К группе присоединилось еще три сотрудника станции, взвалив на себя носилки и запасшись веревками, тронулись в путь. Вахтанг оказался прав – идти по желобу было очень опасно, тем более в хорошую погоду и к

тому же в полдень, когда ледяная корка на солнце подтаяла и на каждом шагу проваливаешься в снег по пояс, поэтому мы были вынуждены подниматься по скалистым краям желоба и только к вечеру дошли до того места, где по нашим предположениям, должны были находиться те, двое, столкнувшиеся с опасностью. И действительно вскоре заметили веревку и стали пересекать желоб, раскопали снег около веревки и обнаружили одного из них, несчастный был уже мертв, но еще не совсем окоченел, быстро поднялись вверх по веревке и метрах в десяти-двенадцати выкопали второго – живого. Говорим ему – Сейчас главное быстро сменить тебе одежду и обувь и в этом ты нам должен помочь. Он не хочет – Я могу еще немного потерпеть, главное скорее дайте мне что-нибудь поесть. Отламывая по кусочку грузинского хлеба, я потихоньку кормил его, периодически давая запивать, захваченным нами с собой в грелке, теплым чаем. Съев почти всю мякоть хлеба, он немного окреп и говорит – Ребята, у меня совсем окоченели ноги. Мы быстро стали переодевать его, а он нам все рассказывал, что с ними случилось: когда поднялись на седловину, погода вдруг резко испортилась и они поняв, что у них нет никакой надежды на благополучный спуск, закопались в снег и так провели эту ночь. Утром относительно худой, по фамилии Манин, чувствовал себя немного бодрее, а более дородный и здоровый – Захаров- замерз так, что ему было трудно двигаться. И тогда они решили спускаться на веревках по желобу. Когда они по очереди спускаясь на длину веревки, закрепляя ее и голосом подавая друг другу знак, прошли уже какое-то расстояние и веревка Манина в очередной раз остановила Захарова, но его голоса Манин не услышал он понял, что случилось что-то страшное, его сковал ужас и он не осмелился спуститься до друга, если бы он пересилил себя и спустился, может смог бы спасти его, правда он долго кричал и звал Захарова, но ответа так и не получил, потом он зарылся в снег и больше суток пробыл в таком состоянии.

Когда он немножко пришел в себя, мы помогли ему присесть и оставив с ним двух «сиделок», спустились опять вниз к Захарову, посоветовались и так как спустить его, взвалив на спину или на носилках было невозможно, решили спустить на веревках, дав соскользнуть по этой почти вертикальной ледяной стене. На голову и ноги трупа одели два рюкзака, связали их между собой и начали потихоньку травить веревку, предполагая, что и мы выйдем на морену и начнем медленный спуск, но в какой-то момент веревка выскользнула из руки и бездыханное тело Захарова, как пуля полетело вниз, остановившись лишь у камней в конце желоба. Что было делать, как говорят – выше головы не прыгнешь. Теперь нашей главной заботой была даставка вниз спасшегося, сначала, крепко взяв его подмышки, осторожно довели до скал, потом два человека связались с ним веревками и так двинулись вниз, сменяясь по дороге, кое-как, наконец, дошли до конца желоба. К этому времени уже стемнело, но идти по относительно лучшей и нам хорошо знакомой дороге

было легче и вскоре мы были на месте, на станции. На рассвете следующего дня вернулись за погибшим и дотемна успели обоих спустить в Казбеги.

В тот период в Казбеги работал врач – Отар Гудушаури – необыкновенный человек и отличный специалист, он очень тщательно выслушал и осмотрел пострадавшего и, не обнаружив у никаких повреждений, спрашивает – В горы ходить еще будешь? – Потом, наверно попозже, обязательно приеду, чтобы покорить Казбек – ответил тот. Мне кажется, что он уже никогда больше даже не взглянет в сторону гор, но, если я неправ и он сюда вернется, и в этом не будет ничего странного, ведь горы обладают такой притягательной силой, что очарование ими, как правило, перерастает в немеркнущую любовь.

Я привел эту историю как подтверждение того, что в экстремальных ситуациях, особенно в горах, временной фактор, зачастую, имеет решающее значение. Если бы мы внизу потеряли на сборы хотя бы на полдня меньше и, когда хоть и очень уставшие пришли на станцию, несмотря на то, что были изнуренны, заставили себя, собрав последние физические силы, прямо продолжить путь – может мы смогли бы спасти погибшего.

... После завтрака или обеда, около стола обычно всегда задерживаются три-четыре человека, медленно дожевывающие еду. А дежурный все время спешит поскорее прибрать столы и просит медленных едоков побыстрее заканчивать, но, как правило, на него никто не обращает внимания. Сегодня дежурил Дреер, заметив, что обед затягивается, он очень серьезно, во всеуслышание объявил – Ребята! Очень прошу, когда закончите обедать, помогите перетащить в помещение мешки с картошкой, которые только что подвезли на тракторах! – видели бы вы как быстро все поодиночке ускользнули из столовой. Потом, выйдя в холл, он рассказал о своей уловке и все мы долго и дружно смеялись.

4 февраля

Второго был объявлен субботник – перед новым домом было свалено двадцать пять тонн, сгруженных с корабля свинцовых колец, каждое весом более двадцати пяти килограммов, нам надо было перенести их на место. Собралось довольно много народа, все встали в очередь, часть ребят разбирала деревянные упаковочные каркасы, остальные, закинув кольцо на плечо или просто продев в него руку, носили их на второй этаж в лабораторию космических лучей и укладывали в определенном порядке. Это свинцовое устройство должно выделить, пришедшие из космоса, слабые лучи, чтобы приемный аппарат смог их зафиксировать. Дело шло весело, уставшие мы все же много шутили и смеялись. Но смешнее всего было то, что когда кто-то влезал без очереди, привыкшие к порядку и стоянию в очередях русские, тут же поднимали крик – Не пропускайте без очереди, прекратите выдачу свинца пока он не выйдет из очереди! Но в основном очередь шла нормально, спросит подошедший – Кто последний? – попросит, чтобы его запомнили в

лицо, а ему советуют далеко не отходить, чтобы не потерять свою очередь. Представить себе пародию лучше просто не возможно!

Наконец, всем объявили благодарность за хорошую работу и перед ужином даже наградили стаканчиком разведенного спирта.

Очень интересным, но слишком разговорчивым оказался Вася Панкратьев – здесь был, там был, когда я был в Гонолулу... начинает рассказывать обычно, ну мы и прозвали его «Гонолулу».

У Марьинского вконец расшатались, и так расшатанные, нервы, никак не может свикнуться с новой ситуацией. Прочел ему длинную лекцию, но это не помогло. Выход он нашел в том, что два дня назад объявил нам – Работы у нас мало, вы и без меня свободно справитесь! И ушел к строителям, там помогает то одному, то другому. Правильно поступил, поменяет обстановку, немного оживится. Никто ему не противился, наоборот - все одобрили его поступок.

11 февраля

С «Востока» прилетела часть прежнего состава – Иванов, Алейников, Прозоров и другие. И среди них Игорь Никашин, инженер радиолокации, мой старый друг. Игоря я устроил у себя в комнате, комната большая, втроем свободно поместимся. Зато время (сейчас, до прихода кораблей, главное, как-то протянуть время) теперь потечет немного веселее.

Поразительное в этом году лето в «Мирном». В прошлом году в это время новый снег здесь совсем растаял и был виден лед, днем везде стояли лужи растаявшего снега, море везде было свободно от припая. В этом же году в основном непогоды и холода. Выпавший еще зимой снег пока даже до половины не растаял, наш павильон все еще стоит увязнув в снегу. Если высота эстакады в прошлом году была три-четыре метра, сейчас она еле достигает двух метров, а в некоторых местах даже покрыта снегом. В прошлом году перед нашим домом даже обнажились скальные породы и дорога опустилась на два-три метра, а в этом – положение почти такое же как и зимой. Толщина льда на море пока не потеряла почти ничего и лед пока настолько прочен, что тракторы ездят по нему совершенно свободно и изменений пока как-будто не намечается. В течение двадцати лет не было случая, чтобы к этому времени залив «Правды» не был свободен ото льдов, хотя в этом году может произойти и эта странность, потому что в феврале прекращается таяние снега и начинается зима – неужели это показатель начала изменения климата?!? В результате этого зимой может создаться опасная обстановка – эстакада, аэрологический павильон, склад продуктов, старые дома и временные стоянки могут оказаться глубоко под снегом. Но все это должно теперь беспокоить 21-ю экспедицию, а нас, двадцатников, сейчас не интересует ничего, кроме нашего отплытия.

18 февраля

В начале февраля группа геофизиков на двух «АТТ» ушла к «Востоку-1». Они проведут при помощи радиолокации замеры толщины льда на маршруте. Через три дня туда же ушел еще один тягач с взрывниками-бурильщиками. В течение одного месяца они выполняют свою программу и на «Востоке-1» присоединятся к геофизикам, оставят там два трактора и вернутся обратно на одном. Оставленные тракторы заберет с собой выехавший 15 февраля тракторный поезд. Этот поезд состоит из одиннадцати «АТТ» и двадцати четырех «Харьковчанок», водителями на них новые люди из 21-й экспедиции. Они постараются доставить на «Восток» топливо и генеральный груз, если же не удастся, тогда как и в прошлом году, дойдут до «Комсомольской».

В ушедшем 15 февраля поезде, на второй день у одного водителя случился приступ аппендицита, так как они были пока ещё недалеко от станции, отправленный отсюда вездеход быстро привез больного обратно в «Мирный» и хирург с «Востока» Сергей Морозов, который сейчас находится здесь, сделал ему операцию. Все прошло нормально.

Шестнадцатого я последний раз дежурил в столовой, сейчас мы дежурируем по два человека, один из старой и один из новой смены – нас собралось около 149 человек и одному справиться сложно. Вообще-то, мне все уже очень надоело, но осознание того, что это твое последнее дежурство, что делаешь это в последний раз, придает новые силы и позволяет сделать многое. В частности – надо почистить две бочки картошки и одну кастрюлю средней величины лука, накрыть столы, перемыть посуду, три раза подмести и вытереть полы, выбросить мусор, на все это уходит столько физических сил, что домой возвращаешься совершенно обессиленный. Зато в утешение остается то, что чувствуешь насколько повысилась твоя квалификация по сравнению с твоим первым дежурством! А это ведь подразумевает овладение определенными профессиональными «тайнами». Например – ведь совершенно необязательно полностью отдаваться чистке и полировке столов и стульев, для оправдания у тебя заготовлена дежурная фраза – Очень хорошо, тоже не хорошо!

Когда вернусь домой, даже если буду тонуть в грязи, не пошевелю и пальцем!

Вчера с «Востока» прилетел предпоследний самолет, привез наших строителей и некоторых «востокчан», очень обрадовались их прилету. Они немножко похудели, но держатся браво. Вначале им было немного трудно, но потом попривыкли и дел успели сделать много. На этом же самолете прилетел и Костя Проценко, когда я вернулся домой, он ждал меня там, ему хотелось устроиться пожить где-нибудь недалеко от нас, но свободных мест, оказывается, уже нет и из-за их дефицита, его никто не смог приютить. Я предложил место в своей комнате – Будешь у нас четвертым. Он очень обрадовался, но мои сокомнатники, как мне показалось, повесили носы. Здесь

не очень любят помогать другим за свой счет. Ничего, привыкнут, объясняю, что здесь так принято, по-другому нельзя и, представляете, чувствую, что немного действует, соглашаются, хотя заметно, что им в общем-то это и нравится, но за свой счет все же не очень хочется.

В наших обеих рабочих комнатах вечером собирается много народа. Мы все ожили, нас три группы: мы, новенькие и «востокчане», есть о чем поговорить.

25 февраля

Девятнадцатого на «Восток» улетел последний самолет, остался там ночью, потому что у нас испортилась погода и его не могли принять. Начались морозы, ночью температура упала ниже минус 50°C и, чтобы двигатель не замерз, он работал всю ночь, а утром в моторе что-то поломалось и он заглох. Двадцать третьего погода исправилась, и от нас вылетел второй самолет, привез оставшихся зимовщиков и экипаж, оставив самолет там. Это первый случай, когда на «Востоке» остался самолет, причем на всю зиму. Осенью туда привезут новый двигатель и если мороз не очень сильно изменит самолет – его починят. Наш Соколов три дня ничего не ел, он очень переживал и винил в случившемся себя, так как дал на тот день хороший прогноз погоды.

Трудно найти кого-нибудь лучше жильцов нашей комнаты. Я всегда считал себя великим специалистом по сну, но на фоне этих выгляжу бледненько... Все четверо неподвижно спим до часу дня, на завтрак, конечно же, не ходим. Если бы не наше уважение к обязательности обеда, наверно, продолжая сон, пропускали и его. Ночью же у нас все никак не иссякает причина для смеха, пока кто-нибудь серьезным тоном не скажет – Хватит, пора спать, а завтра проснемся очень рано, в час дня. Часто случалось и так, что в полночь у нас вдруг разыгрывался аппетит, а ассортиментом продуктов, что ни говори, мы обладали обширным: прекрасные австралийские куриные и индюшачьи консервы, кофе, печенье и так далее. Все говорят, что несмотря на большую конкуренцию, таких «сон» как мы в обсерватории больше нет. Нам это очень приятно, значит с нервной системой у нас все в порядке.

...Интересный человек Вэло Парк. По национальности – эстонец, очень начитанный и образованный, приехал в этом году в Антарктиду уже в третий раз, он метеоролог и руководит авиагруппой. Оказывается любит ходить в горы, в Сванетии бывал много раз и вместе с нашими альпинистами даже участвовал в некоторых восхождениях. Любит Грузию и иногда рассказывает много приятных для меня историй. Наряду с характерной для прибалтийца невозмутимостью, он обладает хорошим чувством юмора. Сегодня кто-то с большим воодушевлением рассказал ему что-то, он со всей серьезностью выслушал его, одобрил и добавил – Дай бог твоей жене хорошего любовника – собеседник от неожиданности опешил, а вокруг поднялся хохот, поди удержишься...

4 марта

Сегодня и вчера у нас большой переполох, наш корабль «Калинин» около Земли королевы Мод встретился с «Марковым», принял людей, а потом вместо того, чтобы продолжить путь к нам, ушел обратно в Кейптаун – кому-то в очень тяжелом состоянии потребовалась срочная госпитализация, а ближе всего Кейптаун, куда он доплывет дня за три. Соответственно потеряет пять-шесть дней и вместо восьмого, в самом лучшем случае, будет здесь тринадцатого. Всем хочется побыстрее уехать домой и теперь это стало для нас постоянной темой разговора. Администрация успокаивает нас, говорит полуправду – возможно за нами прилетит самолет или зайдет «Сомов», который уже идет к нам из Австралии, он перевезет нас на «Молодежную», пока туда подойдет «Калинин», но поверить в это трудно, что бы то ни, но ведь отправить же необходимо не одного или двух, а восемьдесят человек! А ведь еще парочка подобных непредвиденных задержек и нам придется остаться здесь на вторую зимовку – каково это, а?

Вчера утром наш покой нарушили, разбудив для того, чтобы и мы увидели как несет ветер огромную массу, оторванного от берега, льда. Это было грандиозное, прекрасное зрелище! Увидели как потемнело небо и показалось, будто даже немного стемнело. Глаза, привыкшие за все это время только к белому, остро почувствовали изменение цвета. Отсюда виднеется и чистое море – движется, волнуется, волны бьются о барьер и сталкиваются, плавающие на поверхности, куски льда.

Погоды стоят хорошие. Днем нежмся на балконах первого и второго этажей и развлекаем себя кормлением поморников. Чего только не тащим для этого с собой из столовой: мясо, масло, сыр, мед, рыбу, консервы – ненасытные, они съедают все, не уступают друг другу, дерутся и клюются. А в это время, в разгар драки, к ним подкрадывается третий, похищает лакомый кусочек и улетает, тогда дерущиеся все забывают и кидаются в погоню за ним. Они заглатывают куски в четыре-пять раз превосходящие объем их рта, судорожно взмахивают несколько раз головой и проглатывают, видно как большой кусок распирает шею, потом медленно начинает скользить, куда-то проваливается и птица перестает дергаться. Ненасытные, они не чувствуют меры и некоторые так набиваются, что уже даже не могут взлететь, тогда после нескольких неудачных попыток, им приходится напрячь желудок и отрыгнуть какую-то часть еды обратно.

9 марта

В течение трех дней все собираемся в кают-компанию для того, чтобы снять общую фотографию. Наконец-то удалось получить нормальную пленку. Есть у нас Дима, по фамилии Вусик – новенький – он мастер этого дела (к тому же еще и поэт), сегодня он, наконец, торжественно вручил каждому из нас по одной фотографии с приложенным к ней списком, чтобы со временем мы не

забыли кто есть кто. Один фотоснимок мы вклеили в альбом, приложив к нему список и красиво его оформив, на этом альбом, включивший в себя историю двадцати экспедиций закончился. 21-я начнет новый.

Пятого далеко на западе от барьера наконец-то оторвался последний лед и море освободилось. А на востоке лед плотно сидит между многочисленными айсбергами и возможно вообще не расколется.

Шестого вернулся научный поезд, программа выполнена полностью. Наши Захаров и Баландин были и здесь водителями для них уже в третьей тракторной экспедиции, они у нас настоящие герои.

Сегодня распределили каюты на корабле и нашей четверке достались самые лучшие, двухместные. При распределении мест по возможности учитывались пожелания каждого и в результате почти удалось их всех более или менее удовлетворить. Я буду вместе с Шабановым, Дреером и Барышевым, это наше совместное пожелание.

Сегодня сдали одежду, которая нам больше не нужна. Багаж у всех уже собран и мы улаживаем свои последние дела. Если б не больной, «Калинин» был бы уже здесь. Вчера на горизонте появился «Сомов», плавает вдоль берега, выискивает удобное для вертолетов место, ему осталось сгрузить тридцать бочек топлива и купленные в Австралии продукты. Для работ по разгрузке, из новеньких составили бригады и сегодня вывесили их списки, нас уже не беспокоят и мы опять бездельничаем.

Здесь ходит шутка: если спросят - Чего боится настоящий полярник? – ответим – Кроме холода, голода и работы - ничего!

13 марта

По всем правилам, сегодня мы уже должны были быть на корабле. Одиннадцатого ледокол «Сомов» ушел за «Калининым», провел его во льдах, и сегодня утром вертолеты должны были начать нашу переброску на корабль, мы уже даже знали, кто каким рейсом летит. Ничего не вышло! Мы это почувствовали еще ночью, когда после десяти-двенадцати безветренных дней, ночью услышали завывания ветра, барометр упал и стало ясно, что погода испортилась, испортилась именно в день нашей посадки, ни дня не смогла потерпеть. Утром скорость ветра достигла почти тридцати пяти метров в секунду и кто теперь мог думать о полете, всех беспокоило, чтобы ветер не сбросил в море застрявший у нас вертолет. Мы все окончательно и давно готовы, страшно измотаны долгим «стоянием на старте». Кажется мы и новой смене изрядно надоели и они мечтают поскорее избавиться от нас и успокоиться (ведь мы и сами пережили подобное в прошлом году!). А ведь вчера новенькие уже устроили нам прекрасные окончательные проводы в бане на русский лад – с паром и спиртом.

Сейчас четыре часа ночи. Вообще-то, ветер дует слабее, вполне возможно, что к утру он успокоится и мы улетим. Хотя не будет странным и то, если он усилится и нам придется болтаться здесь еще три-четыре дня. Главное терпение, мы-то очень спешим, но выше головы не прыгнешь.

15 марта

Я уже на корабле, в своей каюте! Вчера, когда ветер немножко успокоился и ослаб, пилот вертолета решил, на свой страх и риск, работать. На взлетной площадке собрались чемоданы, коробки, мешки, сумки и много других вещей полярников. Перевезли людей первого рейса. Микробиолог Абизов не успел к первому рейсу подготовить свои керны и, чтобы не лететь полупустым, вертолет забрал моих сокаютников. Так что оба Володи и Коля оказались на корабле первыми. Радио объявляло очередной рейс и полярники, загрузив в вездеход свой багаж, ехали к вертолету. Вначале все было спокойно и чинно, люди не спешили, но чем дальше, тем больше увеличивалось напряжение и к четвертому-пятому рейсам в нас появились признаки суетливости, почти панической. Погода опять начинала портиться! До нашего шестого рейса мы как сумасшедшие ходили из комнаты в комнату и по коридору. Когда пришел наш черед, уже начинало смеркаться. Загрузили вездеход и покатались к вертолету. Разбросанные коробки Абизова все еще здесь, а растерянный и уставший их хозяин уже не в силах что-либо делать, очередь нарушена, каждый старается втиснуть свой багаж в вертолет и для абизовских вещей места обычно не остается. Он просит нас помочь ему. Мы не отказываемся, но сначала загружаем свои вещи, а на оставшееся место укладываем часть его груза. Сам он вынужден остаться, чтобы следующим рейсом перевезти оставшееся – видно, что он, бедный, уже совсем окоченел и обессилел.

Сели в вертолет, двери закрыли, готовы к взлету. Немного раздвинув багаж, я прилип к иллюминатору, хочется в конце одному спокойно взглянуть на «Мирный» и окончательно попрощаться с ним. В это время из кабины вышел пилот и объявил, что на сегодня полеты прекращены! Ледяное поле, к которому был причален корабль и на которое садился вертолет, раскололось и теперь надо подобрать для него новое место. Поднялся шум и гам. Нельзя сказать, что я расстроился – с каким-то необъяснимым чувством вернулся в свою развороченную, опустевшую комнату, почему-то захотелось еще раз переночевать в ней, наверно потому, что это будет теперь уже действительно последняя моя ночь здесь. На прощание, утром еще раз позавтракали и, в ожидании начала полетов, остались в кают-компани. Теперь уже я смотрел на все глазами не ожидающего, а уезжающего и внимательно всех слушал. В полдень полеты возобновились. Окончательно распрощались с остающимися, пожелали им легкой зимовки и под хлопки красно-зеленых ракет, взлетели. Я напряг все жилы и нервы, связанные со зрением, чтобы глаза хорошо

запомнили это, уже ставшее для меня дорогим, крохотное место, где я был заперт последние год и два месяца. Если бы не моя страна, если бы не моя семья, если бы не мои друзья – я выбрал бы себе жизнь такую и здесь – несомненно.

Мы прилетели к цивилизации – нас ждет белый, красивый «Калинин». Перед кораблем на льду – люди. Некоторые закрепляют во льду швартовы, некоторые щелкают фотоаппаратами, некоторые играют с мячом – здесь спокойная погода. С багажом в руках иду к кораблю и приближаюсь к стоящему ко мне спиной незнакомцу в куртке, неожиданно он поворачивается и оказалось – это женщина – настоящая молодая женщина, симпатичная, возможно даже красивая! Я опустил багаж, дотронувшись рукой, остановил ее, попросил поговорить со мной. Она посмотрела на меня с удивлением, потом закривлялась, засмушалась и замерла. Наверно, что-то во мне показалось ей странным. Потом, когда я попросил – Скажи правду, ты действительно настоящая, к тому же еще такая красивая, девушка или нет – поняв, что я шучу, весело засмеялась.

Когда я, наконец, добрался до каюты, мои ребята еще спали. Корабль работает по московскому времени и здесь пока было восемь часов утра. Вышвырнув ненавистные сапоги в иллюминатор, разложив вещи, приняв душ, приведя себя в порядок и вырядившись по праздничному в костюм, я в чудесном настроении направился прямо в ресторан. На цивилизации наше длительное отсутствие никак не отразилось. Люди опять такие же, рестораны и каюты высококласные. Раз мы уже на корабле, можно позволить себе забыть все лишения и трудности, так как знаем, что, если не через две недели, то через месяц уж точно он обязательно доставит нас домой.

20 марта

Сегодня причалили к берегу у «Молодежной», здесь в это время барьер низкий и море свободно ото льда. Погода хорошая и, если все пойдет нормально, завтра к вечеру должна закончиться посадка-высадка людей и мы должны отчалить.

Эти пять дней пути пролетели быстро, ничего особенного не произошло. Новые люди, комфортабельный корабль поглощают большую часть внимания и время бежит незаметно.

Вчера 21-я экспедиция устроила нам прощальный концерт. И номера были экстравагантные, и усердия и жизнерадостности у всех было достаточно.

Наш Абизов, который оказывается несколько лет проучился в консерватории и у которого оказался довольно красивый и хорошо поставленный голос, спел нам несколько вещей, в основном русские романсы. Очень возвышенно пел Николай Иванович (фамилии к сожалению не помню) из 21-й экспедиции.

23 марта

Сегодня мой международный профессиональный день и я предлагаю вам мои непрофессиональные соображения – если прочтете, буду рад!

- Аристотель сказал: Человек, который говорит – политика меня не интересует – раб!
- В период технологического развития, когда одна сторона использует роботов против солдат противника – миру гарантирован мир. А вот, когда и вторая сторона достигнет такого же технологического прорыва и уже своих роботов бросит на роботов противника, тогда возобновятся жестокие войны, перебьют народы друг друга, потом опять новые технологии – и так, по спирали, сменяются война и мир.
- Нашей нации помогает то, что разумный, мыслящий грузинский мужчина, со временем становится серьезным!
- В скором будущем важнее запуска космических кораблей, станет удаление из космоса космического мусора!
- У людей на лбу написано – любят они читать книги или нет!
- Необычайно обнадеживающим и выигрышным для популяризации моей отрасли являются постепенно укоренившиеся в мире соображения, одно из которых принадлежит Пентагону и подразумевает, что лет через тридцать-пятьдесят, миром будет править тот, кто будет править погодой и второе – пройдет сто-двести лет и страны мира вообще не будут иметь национальных правительств, так как спроса на них уже не будет, но без государственных служб по гидрометеорологии и мониторингу природной среды государства не смогут существовать полноценно - более того, будет необходимо постоянное развитие и совершенствование этой отрасли.
- Через десять лет все люди станут подконтрольными!
- Компьютер – это незаменимое средство в деле растраниживания возраста и приближения к смерти в процессе развлечения.
- Качество принятия решения отличает людей друг от друга.
- Испанцы любят выражение – «квадрато», то есть у него квадратная голова.
- Знай, то, что раньше с тобой здоровались сердечно, а теперь не очень, эта заслуга была не твоя, а твоей должности!
- Раз не можете заставить его выпустить спички из рук, тогда хотя бы окуните коробок в воду – чтобы он не поджег страну!

- Мы реагируем на стихийные бедствия так же, как традиционно реагируем на смерть близкого – пронзительными криками и причитаниями всем напоказ!!

- Если мы имеем претензию на разум и энергичность, наш долг, двигаясь к Европе, прихватить с собой и Россию!

- Пока не осознаем, что мы действительно добрая, гостеприимная и веселая нация – как говорят о нас и ничего более – мы навсегда останемся такими и ничего более!

- Руставели – тот кто породил грузинскую нацию, ее память, разум, порядочность, неприятие слабых мужчин, любовь, язык, отечество и веру – уравнивает всю Грузию, которая, подобно ему, должна устоять во времени – что же касается наших святых – они не могут считаться святыми, пока Руставели не будет признан самым значительным среди них.

- В прошлом году при открытии реставрированного первого корпуса нашего главного Университета, которое совпало с 94-й годовщиной его основания, некоторые наши гениальные ученые говорили обо всем, но не произнесли ни одного благодарственного слова в адрес тех, кто провел и профинансировал это дело – но кто говорит о благодарности, когда они даже их фамилий не упомянули! Это в основном те ученые, чьи отцы и деды тоже назывались когда-то учеными и которые, дрожа своими бесценными поджилками, не посмели в свое время присутствовать на захоронении и перезахоронении, отличающегося от них действительно ученого Эквтиме Такашвили!

- Мы обладаем уникальным кладом – к тому же необыкновенным:

– благородные грузинские женщины и женщины всех остальных стран мира!

– кахетинское вино и вина всех остальных стран мира!

– бывший президент Грузии, у которого ветер гулял в голове, и скончавшиеся, бывшие и действующие президенты всех остальных стран мира!

- Наш долг построить такое общество, где не будет места (а если они и будут, то бессильные и бесправные) подобным приспешникам Ахиллеса и Александра Великого, фашистов и сталинистов, провинциалов звядистов и криминалов шеварнадистов, вертопрахов мишистов и голодных бидзинистов – а то ведь сторонников Наполеона, бонапартистов, и сегодня достаточно много во Франции!

- Лекарство от апатии – самодовольство.

- Как удалось человеку так обалванить домашних животных, что они, смиряясь со своей участью, не оказывают никакого естественного

сопротивления своему убийству – если они думают, что помиловав одного индюка в год, президент Америки поможет им, очень ошибаются – это называется жестокостью и фарисейством!!!

- Наркомания – это наивысшее проявление эгоизма!

- Знаю один, типично русский, анекдот – собака одного русского съела кролика соседа. Разгневанный сосед спрашивает – Почему твоя собака съела моего кролика? – Хозяин собаки отвечает ему вопросом же – А почему твой кролик чмокал губами и раздражал мою собаку? – Вот что бывает, когда ты шевелишь и чмокаешь губами, и не шевелишь мозгами! Вниманию некоторых сегодняшних чмокальщиков – осторожно, чтобы вас собака не съела!

- Не стоит за счет выливания помоев на голову своего населения, ссылаясь на счастливое будущее молодого поколения, вести революционную борьбу за свое собственное благополучие. Это главное, чему должен научиться человек и еще он должен хорошо понять, что – революции происходят потому, что их организаторы типичные бездарные эгоисты или быть может от того, что они сотворены нами типичными бездарными эгоистами – потому и происходят революции?!

- Нация должна научиться отвергать категоричную риторику и она тотчас освободится от синдрома беспредельного послушания и подхалимажа!

- Править массами в закрытом пространстве легко, удобно и выгодно – этот синдром, который, из-за их неполноценности, с детства заложен в руководителях бывшей правящей партии, называется «синдромом зоопарка»!

- В последнее время, в экономически развитых и, соответственно, идеологически хорошо подготовленных странах, значительно увеличилась продолжительность жизни населения, но все же она пока еще не достигла удвоенного уровня продолжительности жизни питомцев их зоопарков...

- С того дня, как измерение при соревнованиях в разумности, сообразительности, лаконичности и физической силе и выносливости, кроме использования зрения и слуха судей, стало, в той или иной степени, возможным при помощи талантомеров, силомеров, секундомеров и других средств, мы смогли обогнать почти весь мир в категориях детей, тинейджеров и молодежи, но как только они переходят в разряд взрослых, ведущих грузинский образ жизни, все идет прахом! Что происходит? Почему происходит? В чем причина? – А может с нами происходит что-то худшее, чем причина?!

- Упрямство это, приносящая большое неудобство и почти непреодолимая, привычка – кто способен управлять ею, тот уже почти не упрямый!

- Когда правишь, необходимо иметь честь и совесть, цену которым мы очень остро ощутили в период того бесчестья!
- Да, действительно, одна тройка уже состоялась, но нельзя же в бездействии ждать, когда придут очередные три «гения»?!
- Вообще-то, говорить правду намного легче и нам необходимо идти этим легким путем – тогда для вершения добра останется больше времени!
- Какая разница во внешней политике прежних и нынешних властителей? У прежней власти не было иного пути и поэтому она была прикованна к Западу, нынешняя же грозит альтернативой и Западу и Северу!
- Слушай, ведь фактически построить демократию совершенно не сложно! – Возьми и научи людей уважать и считаться друг с другом – вот тебе и демократия!
- За время двадцатичетырехчасового существования Земли, человек занимает в нем лишь последние четыре секунды, но как он успел засорить эти двадцать четыре часа!
- Единственный способ спасти человечество – найти во Вселенной подходящую для нас звезду (похоже в Солнечной системе подходящей планеты нет) и переселиться туда – спешить в этом деле не стоит, времени у нас еще много – приблизительно четыре-пять миллиардов лет!
- От примитивного компьютера до теории суперсимметрии – а посередине столько сенсационных новшеств, что непрофессионалу просто не стоит глубоко вникать в столькие неоконченные проекты, потому что к концу вникания появляются новые и в руках у тебя остаются старые, уже обесцененные!
- Меня никогда не покидало ощущение, что все эти нечистоплотные индивиды политического легкого поведения с детства обладали этими нечистоплотными качествами и при этом всегда знали, что эти их качества нечистоплотны!
- В последнее время темп жизни так ускорился и раскалился, что люди лет через 150-200, возможно, разовьют и поднимут возможности приматов (особенно шимпанзе) до своего уровня – правда с нами самими тогда что будет?
- Русские говорят – Раз ежедневно выносите сор из дома, значит живете хорошо! Говорю для правительства – Сор надо выносить ежедневно, иначе хорошо жить не будем!

- Петр Первый и европейцы + русская нация = ускорение и прогресс; Сталин и нерусские + русская нация = труд, сила и тоталитаризм; руководитель новой формации и потомки моих русских друзей и знакомых + русская нация = благорасположение, разумность и цветущая Россия.

- У меня есть предложение, с целью удвоения рабочих мест и жилплощади без дополнительных затрат, совершить вторую «розовую» революцию и перейти на новый образ жизни. Пусть первая половина населения работает как работала, а вторая, пока неработающая, поменяет режим жизни, заменит день ночью и займет ночью рабочие места работающих днем, а утром переместится в дома и постели спящих ночью. Этим значительно и без затрат увеличится производительность труда; удвоится бюджет, все без исключения политологи, вынужденные пенсионеры и безработные бездельники получают работу, прекратятся драки и ссоры, ругань (в том числе на сленге) и проклятия и значительно повысится безграничная любовь к начальству; будет удвоенная армия и полиция; в два раза больше государственных деятелей, политиков и экспертов, певцов, казнокрадов и обыкновенных воров; отрегулируется трудовой рынок и станем мы жить мирно и беззаботно вместе с удивленными и вернувшимися к нам на цыпочках нашими абхазскими и осетинскими братьями. Глядя на нас, весь мир поступит также – не будет войн; установится мир во всем мире, благополучие и любовь; разрешатся проблемы голодающих детей и обучения молодежи; удвоится продукция и интеллект людей. Грузины обгоним норвежцев и, тем более, японцев, в трудолюбии и выйдем на первое место. Этим решим мировую проблему – мы же все равно во всем первые – во всем мире!

- Копят, копят, копят и потом умирают – и что потом?!

- Все хорошо! – Бывшие, пока они еще в правительстве, особенно в последний период своего нахождения у власти, с целью искоренения безработицы, создают различные внеправительственные организации, в ожидании своего ухода из власти, формируют их своими послушниками, чтобы потом быстро перескочить туда, стать во главе этих организаций и болтать – бесконечно, болтать бессмыслицу, за счет западных денег и восточного менталитета! Потом снова вернуться эти и уже те создадут новых внеправительственников и станут в этот уродливый хоровод, зато народ неподвижно распростерт у вас под ногами и вы, подобно отлаженному трамбовщику, двигаетесь вперед по этим несчастным, распростертым внизу – ведь сила в ваших руках, и эта страна тоже ваша! Но знайте, они поднимутся!!! – Это не касается нормальных внеправительственных организаций!

- Нация никак не сможет сформироваться разумной нацией, если бездарные политики убедят ее в своей талантливости и исключительности и она это проглотит!

- Сегодня в живом мире кризис и если так продолжится и дальше, Земля, из-за неестественного поведения человечества, начнет свое движение вспять и на этом закончит жизнь.
- Вообще-то получается, что врачи – проводники до смертной двери.
- Характерное свойство грузинской породы – парящий в воздухе, стратегический оптимизм.
- Каждое живое существо на Земле ходит ногами – за исключением людей!
- Мне в очередной раз стало ясно, что приятное, но бесполезное для дела, обременение нескончаемой информацией, упростило мышление большей части молодежи – это результат влияния цивилизации с ее положительными и отрицательными проявлениями. Но придет время – намного раньше, чем они думают – отпадет надобность и в их облегченном (по тбилиски это значит вертопрах) мышлении; нормально мыслящие одноклассники этих вертопрахов их лжедеятельность заменят роботами – тогда и поглядим на их раболепие перед роботами!
- Все же демократия лучше всех и всего, с тем условием, что выбранный народом лидер будет энергичным, здравомыслящим человеком, своевременно пресекающим любую нечистоплотность, способным уйти вовремя!
- Отношение к новшеству в нашей любимой Родине еще более любящих ее созидателей, подобно герою благородного Васо Годзиашвили – Ну, а я что получу-у-у?!
- К сожалению, жизнь это времяпрепровождение до смерти, а развлечение – это более короткая и беззаботная дорога к смерти! – Но разве в жизни не существует ничего более стоящего?
- Большинство неправительственных организаций – борцы за демократию от зарплаты до зарплаты! Если проведете исследования, увидите прямую зависимость между запаздыванием зарплаты и их пассивностью и наоборот.
- Самое слабое звено в управлении современным государством, это исполнение принятого решения: - на первой эмоциональной волне безоговорочное исполнение решения; - потом, в ближайший период, выборочное исполнение без лишних эмоций; - в долгосрочной перспективе, академическое забвение и абсолютное неисполнение! Потом все начинается с начала, идет спиральное повторение всего, круглосуточное толчение воды, нехватка времени на хорошие дела. Результат? – Пожалуйста: в Париже - террор, в Тбилиси и Девдореке – сель. Причина? – Необразованность! Кто виноват? – Родители! Вина какого времени? – Детства!

- Древние китайцы говорили – это для правителей всех стран и времен – Будь сильным, но гибким правителем – услышите это слабые и негибкие правители нашего времени!!!

- В сегодняшнем Тбилиси такое преувеличенное множество: привратников, сторожей, портье, «стоянщиков», телохранителей, охранников, личных охранников, дорожных регулировщиков, бюро пропусков, служб безопасности, видеоконтроля, сигнализации, прослушивания – вероятно, все это из-за нужды и безработицы и невероятно, но это – показатель предстоящего высокого уровня тупости молодого поколения.

- Нечистоплотный человек, если у него есть вода, вместе с телом должен мыть и душу!

- Суть Вселенной – энергетическая склонность в стремлении к круглым формам, в основе чего лежит спиральное повторение самого себя – чем старше, тем круглее!

- Вниманию бахвалов: нельзя хвастаться тем, что ты совершенно здоров, поэтому будешь долго жить и, хотя так давно водишь автомашину, еще ни разу не попал в аварию – это очень опасное хвастовство!

- Болтливый человек не может не быть сплетником!

- Пришло время, когда: нация должна научиться уважать данное слово; человек должен вовремя прийти на деловую встречу в оговоренное место, приступить к делу и не окончив его не уходить; за счет искренности, подавить в себе лукавство; до конца жизни достойно нести взваленный на плечи тяжелый груз совершенных им превратных поступков; разболтавшись, если не тут же, то хотя бы позднее, придя домой, все проанализировать и упрекнуть себя – все остальное и так в избытке у особенно мудрой – гениальной части –нашей, мудрой нации!

- Источник цивилизованного человека – терпение!

- Что такое богатство? Кто является богатым? – В современной Италии собрано две трети(!) наилучших произведений мирового искусства – вот это и является богатством и все итальянцы – богатые, все без исключения. И никто из грузин не унесет с собой в иной мир своего богатства!!!

- Я из той страны, где конкуренция не главное, тем более такая агрессивная и безжалостная – в Антарктиде главное разум и трудолюбие, а не недостойная борьба за самосохранение без спасения других, без помощи другим!

- К великому сожалению, за последние сорок лет ни один грузин не принимал участия ни в одной антарктической экспедиции ни одной страны мира – там не нужны юристы, экономисты, банкиры и менеджеры

управления страной, даже бесплатно, все равно не нужны, ну а сегодняшние эти «специалисты» кроме добывания дармовых денег и трамбовки асфальта ничего больше не знают и не умеют!

- Пока нация не вернет себе благородства, культура и наука в Грузии не смогут развиваться!

- Придет время и довольно скоро – профессиональные журналисты не будут нужны, как и писатели – потому что все, обыкновенные люди – станут и журналистами, и писателями.

- Человечество, не бойся – все будет хорошо!

25 марта

Позавчера мы окончательно покинули Антарктиду. Она с трудом отпустила нас, помучив и заставив повертеться последние два дня. Хотя, 21-го была хорошая погода и желающие, в том числе и я, пошли на «Молодежную».

Обсерватория встретила меня без изменений, только мороз был посильнее. Повидал старых знакомых, посмотрел, что мне нужно было увидеть, к моей коллекции добавил еще несколько камней и мы пешком пошли обратно, пройти надо было всего два-три километра. К этому времени движение людей достигло апогея. Новые со своими вещами грузились в вездеходы и ехали к своим рабочим местам, где их с нетерпением ждали, уже готовые к отбытию, их коллеги. Ждали, чтобы поспешно объяснить – если это возможно сделать в спешке, за несколько минут – и ситуацию, и методы и процесс работы, и где что лежит, и какие установки или инструменты работают, а какие – нет. Новенький сходу никак не может ничего запомнить, а старого это совершенно не волнует, он срочно собирает свои вещи и устремляется к кораблю.

К вечеру все что было необходимо загрузилось-разгрузилось и на корабле осталось всего шесть или семь человек из новеньких, которым надо было закончить здесь свои дела. Начальник 21-й экспедиции Бардин, невысокий, симпатичный и веселый мужчина средних лет, вместе с нашим Корниловым оформляли последние приемо-сдаточные акты, когда начался шторм и за несколько минут спокойная ситуация резко изменилась – началась сильная качка корабля. Ветер отталкивал от берега корабль, который удерживался вмерзшими в барьер стальными и капроновыми тросами. Потом ветер усилился и вдруг раздался такой резкий треск, что мы поняли – случилось что-то ненормальное. И действительно, оказалось, тросы не выдержали напряжения и лопнули, корабль отнесло от берега и боком вынесло в открытое море. Спешно завели двигатели, раздался резкий приказ – Экипаж по местам!

Два дня ветер не давал нашему кораблю возможности подойти к берегу. Двадцать второго «Калинин», наконец, смог подойти к «Маркову», перебросил

швартов, связавшись и перебросив трубы, они начали перекачку воды и топлива. Двадцать третьего, когда ветер немного стих, корабль срочно причалил к берегу и ссадил оставшихся людей.

«Капитан Марков» вывел нас в море Космонавтов, вскоре сплошную массу легкого льда сменили его обломки и мы продолжили путь уже без сопровождения.

А сегодня мы уже на «ревущих» пятидесятих широтах, девятибалльный шторм раскачивает наш корабль как щепку. Выходит, что мы уже действительно оставили Антарктиду позади, потому что мне никак не удалось увидеть в иллюминатор ни одного кусочка льда. Ведь граница Антарктиды по воде проходит именно здесь!

Прощай белое безмолвие, прощай Антарктида!

30 марта

Жарко, нам в бассейн на корабле налили воду...

... Моя полярная эпопея закончилась.

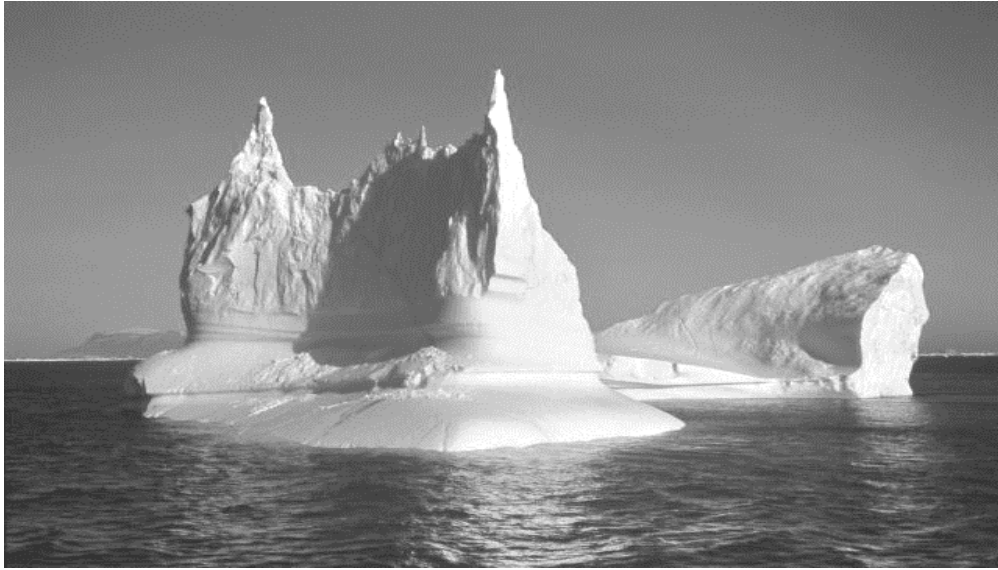
Terra Australis Inkognita

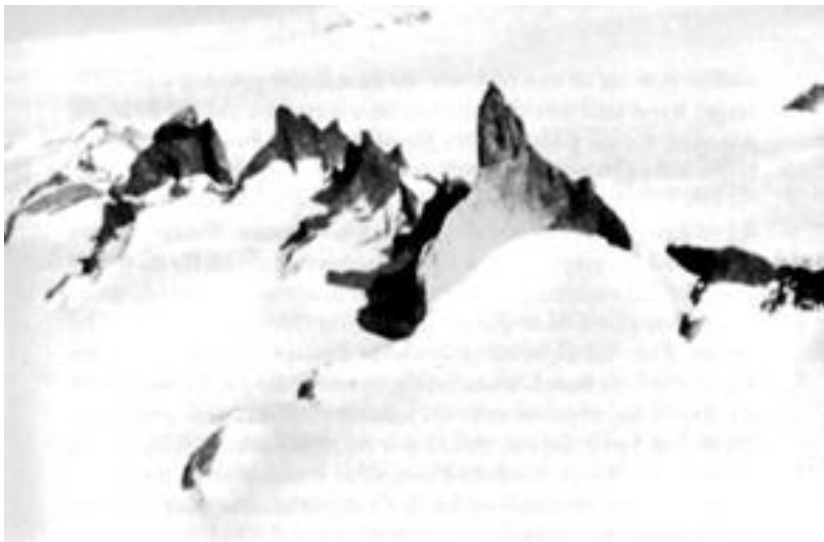
Антарктиду летом окружает такое «пестрое одеяло». Впоследствии эти обломки льда превращаются в единую плотную массу.

Море Росса – у границы суши

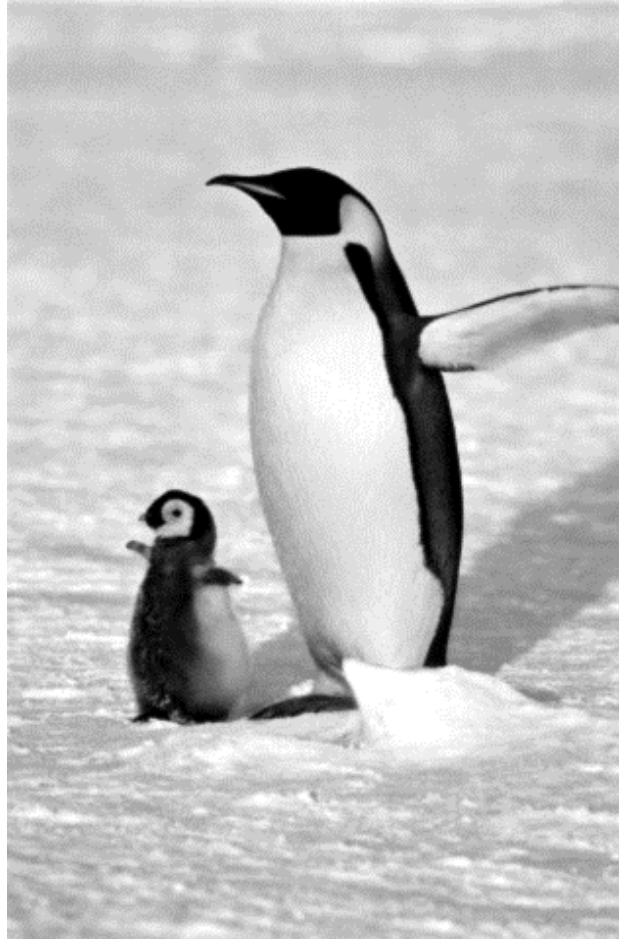

Айсберг в открытом море

В Антарктиде еще много непокоренных вершин. Кто знает, что труднее – восхождение на них, или подход к ним...

« Х О З Я Е В А »

Один из аборигенов континента – императорский пингвин

Антарктический пингвин – *Pygoscelis Antarctica*

Выряженная в традиционные «фраки», эта уважаемая пара справедливо считает себя «хозяином» этой страны

Семейная идиллия

Вперед в будущее!

Тюлени греются на солнце

И этот тюлень один из «хозяев»

« Г О С Т И »

Роберт Фалькон Скотт

Эрнест Шеклтон около обломков, раздавленного льдами в море
Уэдделла его корабля «Эндурансса»

Фадей Беллинсгаузен

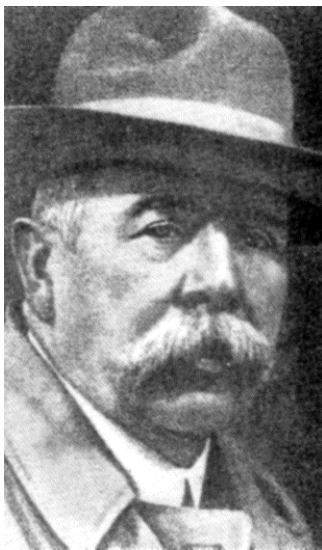
Роберт Скотт

Руаль Амундсен

Вильгельм Филхнер

Карстен Борхгревинк

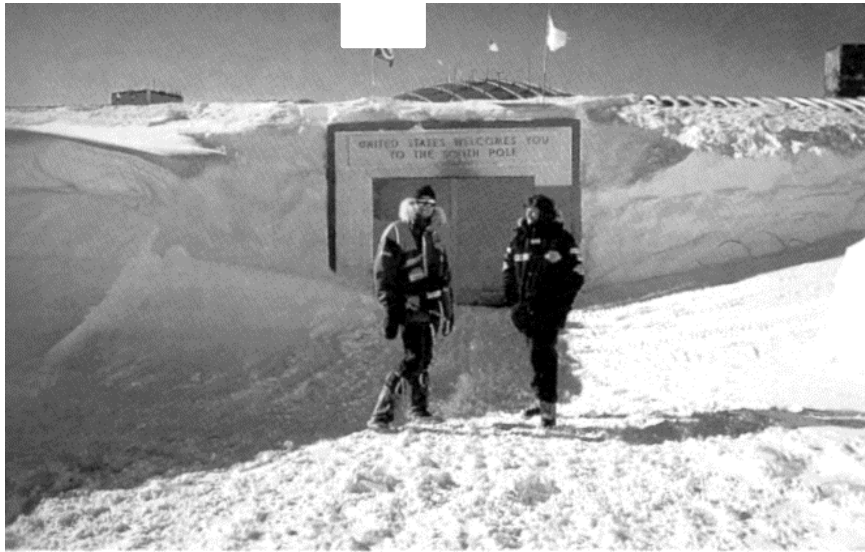
Ричард Бэрд

Станция «Восток»

Американская полярная станция «Мак-Мердо» - самая большая в Антарктиде

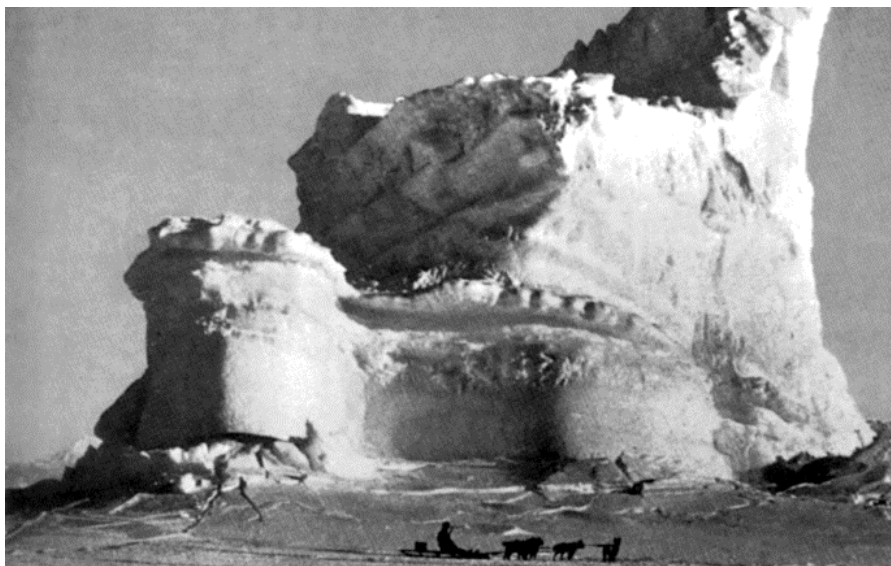

Открытая на самом Южном полюсе эта американская станция «Амундсен-Скотт» сегодня уже охотно принимает гостей

Самоходная лаборатория перед расщелиной

«ГОСТИ И ХОЗЯЕВА»

Собаки доказывают людям свою дружбу и в Заполярье

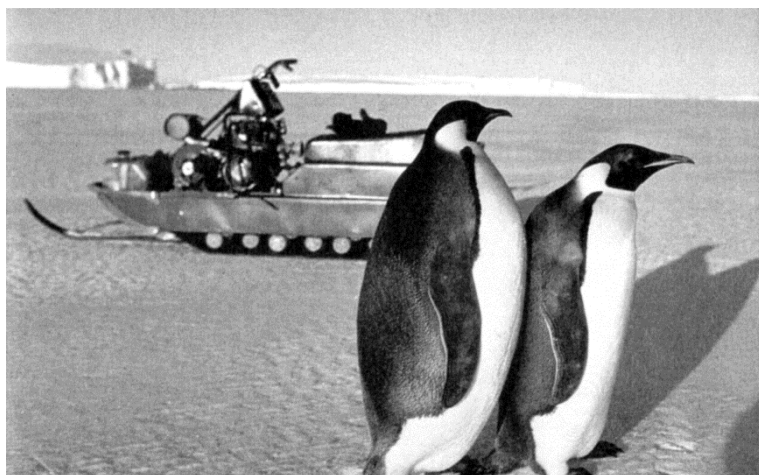
«Давид и Великан»

В гостях у «хозяина»

Марки, погашенные на Южном полюсе

«Гости и хозяева»

«Гости и хозяева» (справа – Л. Пулариани)

